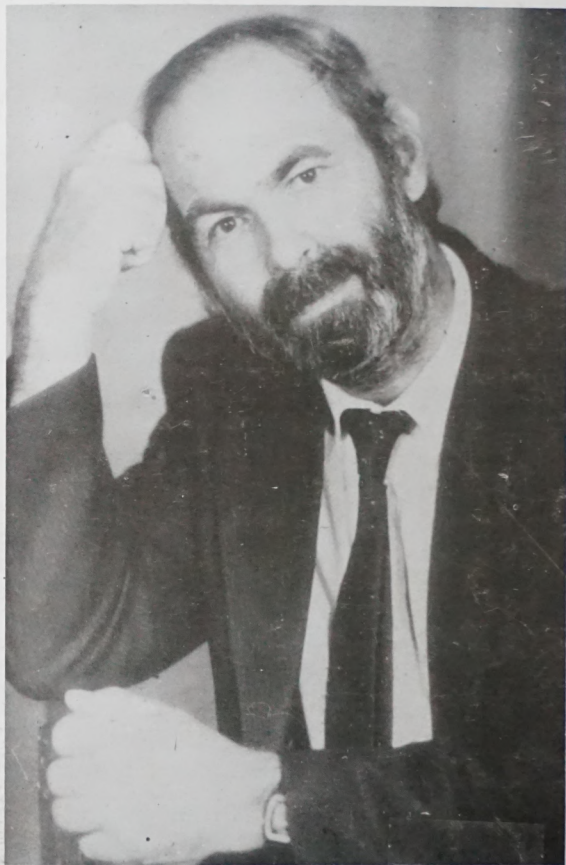

Роман Бадалов

ЖИВУ НА ВОЙНЕ

Роман Бадалов

ЖИВУ НА ВОЙНЕ

Тель-Авив
1997

Роман Бадалов
“Живу на войне”

*Авторские права принадлежат
автору Роману Бадалову.*

*Автор выражает благодарность Министерству абсорбции
и объединению евреев-выходцев с Кавказа в лице его
председателя господина Симхи Есипова за помощь,
оказанную в издании данной книги.*

*Израиль
Тель-Авив,
1997*

Светлой памяти очень дорогих мне людей -
деда Хайвата (Амэя),
моей незабвенной мамы Марии (Марусэ),
дяди Иосифа Ифраимова -
20-летнего солдата Второй мировой и
Великой Отечественной войн, героически
погибшего на подступах к рейхстагу -
с благодарностью посвящаю
Автор

Я назвал свою книгу "Живу на войне". Может быть, это несколько мрачноватое название. Но в нем заложен глубокий смысл. Сколько помню себя, я всё время живу на войне. Я был совсем ребенком, когда на нашей знаменитой еврейской улице Оскара в Махачкале не в кино, а наяву впервые встретился лицом к лицу с пленными немецкими солдатами. Это были уже не те brave вояки, о художествах которых были слышаны даже мы, дети. Они прибегали к нам с соседней улицы, где строили очистные сооружения, чтобы показать нам забавные фокусы и заработать что-нибудь съестное. Это было уже после войны. Детская память сохранила и другой эпизод того времени: по этой же улице Оскара, мощенной крупным булыжником, шли и шли бесконечные колонны пленных под звонкий аккомпанемент собственных шлепанцев на толстой деревянной подошве.

Так волей судьбы война с детства стала моей постоянной спутницей. Она была порой местного значения, а порой приобретала масштабность, далеко выходя за рамки одной моей жизни. Мне было 17, всего 17 лет, когда моя первая юношеская любовь едва не закончилась для меня трагически: киллеры чуть было не поставили последнюю точку в моей биографии. А Иудой Искарриотом, то есть предателем, оказался один из соседских ребят, свой же еврей, обманным путем выгатавший меня из дома. Это была тоже война, но война другого рода.

Уже во взрослой жизни война неотступно шла за мной, вовлекая меня в свои изнурительные бои. Я многое успел увидеть на своем веку, хотя бы потому, что у меня была и есть не совсем обычная работа: я - журналист, репортер, писатель.

А это категория людей, которая всегда видит

чутьочку дальше обычного обывателя. Видно так написано у меня на роду: война была в моей жизни там, я остаюсь на войне и здесь, в Израиле, на еврейской земле, именуемой священной. У меня есть школа - работа московским репортером в горячем регионе, как давно уже называют Северный Кавказ. Это в каком-то смысле было хождением по минному полю. По минному полю хожу я и здесь, по земле Эрец Исраэль. Казалось, я исполнил заветную мечту: вернулся на родину далеких предков, вернулся в свой отчий дом. Но война не отеклась от меня и здесь. И порой во мне, кавказце, человеке, очень дорожащем словом и честью, закипает злоба от того, что видишь вокруг себя. А видишь порой омерзительное, низкое, грязное, что не очень подходит к понятию "еврей".

Но жизнь есть жизнь. Есть день и есть ночь. Есть любовь и есть измена. Есть мужество и есть предательство. Есть Авель и есть Каин. Есть память и есть долг. Есть люди, идущие ради других на эшафот. И есть делающие на крови деньги.

Однажды одного почитаемого раввина спросили: "Ребе, что вы делаете с деньгами, которые получаете за свои услуги? Вы их все берете себе?" "Нет, что вы, мотэк!" - ответил рав. Я их собираю, аккуратно складываю, а потом в один прекрасный день, став посреди своего двора, бросаю все деньги вверх. Те, что остаются там, наверху, - это Божьи деньги. А те, что падают обратно вниз, - это мои. Я совершил бы большой грех, если бы не делился с Богом."

Мне денег за услуги никто не платит. В отличие от этого почтенного рава, я собираю не деньги, а людскую боль и людские тревоги, людские желания и людские обиды. И однажды я решил поступить, как мудрый рав: бросил наверх всё собранное мной, в надежде, что хоть малая часть этого дойдет до Всевышнего. Не знаю, как там у рава держались наверху деньги. А вот у меня ни один листик с

молитвой ко Всевышнему не задержался на высоте. Все вернулись назад ко мне. Но я не ропщу и не сетую. Во мне живет надежда.

Надежда на то, что когда-нибудь мои молитвы дойдут до Всевышнего, и когда-нибудь для меня закончится эта проклятая война. Я назвал свою книгу "Живу на войне". Это глубоко личное. Это книга о себе и о времени. Это мысли вслух. Я их никому не навязываю. Я не проповедую, хотя и по своей натуре и по своему характеру я - проповедник. Это книга о наболевшем, о былом и думах. О войне.

Роман Бадалов

Не важно, кому раньше принадлежал этот конь. Главное, чтоб он не спотыкался под тобой!

(Из поговорок моей матери)

Сколько себя помню - я всё время живу на войне. Человеческая память сильнее любого компьютера: чем больше лет отделяет человека от тех событий, участником которых он когда-то был, тем отчетливей всплывают в его памяти эпизоды и картинки прошлого. Не зря наверно космонавты утверждают, что оттуда, с немыслимой высоты, земля просматривается как на ладони. Космонавтам верить можно. Они народ серьезный.

Так и с высоты Жизни лучше просматриваются прожитые дни и годы.

Ровно 45 лет я прожил на одной улице и в одном дворе. И очень долго, целых 50 я прожил в одном и том же городе Махачкала, что на Кавказе. Это бывший Порт-Петровск, названный в честь Петра I, который и основал его во время своей знаменитой морской экспедиции. На небольшой возвышенности Анджи-Арка царственную особу встречал с большими почестями именитый князь Тарковский. Это был визит вежливости и одновременно дань признания могущественного государя. Интересно, что старинное селение Тарки и по сей день сохранило свое первоначальное название. Кстати, известный кинорежиссер Андрей Тарковский - прямой наследник того самого князя, который некогда встречал Петра I. За пару лет до своей кончины он гостил в Дагестане, на родине своих предков. Сведущие люди говорят, что Андрей попросил ученых научного Центра республики расшифровать его генеалогическое древо. И ученые мужи единогласно, не сговариваясь, пришли к одному и тому же выводу: Андрей - потомок князей

Тарковских. А поскольку бывшая столица княжества его предков естественно вписалась в Махачкалу, став одним из ее микрорайонов, то мы с Андреем Тарковским, как это ни странно, оказывается, земляки. Я употребляю это словосочетание "как ни странно" совсем не случайно: я и в 25-м поколении кашерный еврей, а он - Андрей - потомок кумыкских, тюркских князей. Я все-таки оговорился. Во мне, несмотря на мою кашерность, примесь тем не менее есть: мой прадед был грузинским евреем, высланным когда-то за пределы Грузии и волей судьбы оказавшийся в Дагестане. Сколько помню себя - и в детстве, и в юности, и даже сейчас, уже в зрелые годы, когда голову посеребрила седина, я бывал и бываю еще не в меру горяч, как молодой необъезженный жеребец. И я понимаю, что это во мне играет горячая грузинская кровь. Это говорят гены.

Когда-то в свои молодые годы я любил путешествовать по различным городам и республикам бывшего великого содружества, именуемого СССР. Волей судьбы я попал однажды в бывший немецкий город Кёнигсберг, переименованный после войны в Калининград. Для меня это было событием: Кёнигсберг - родина Иммануила Канта - великого философа особой школы и особого таланта. И я сразу вспомнил Пушкина и его роман в стихах "Евгений Онегин". Вспомнил и героя романа Ленского, и строки Александра Сергеевича: "Поклонник Канта и поэт."

Так вот, Иммануил Кант, оказывается, прожил в своем родном городе безвыездно всю жизнь, вплоть до самой кончины. Он стал его добровольным "заложником". Да простят меня великодушно за эту кощунственную мысль и за это сравнение с заложником, когда речь идет о таком великом полководце философии. Правда, не великим, но таким же почти добровольным заложником своего родного города Махачкалы в течение полувека оказался и я. И

этот добровольный плен меня радовал, и куда бы я не уезжал, даже на короткий срок, эта земля притягивала меня, как магнит, и я снова торопился вернуться к ней, к этой бесконечно дорогой земле, в какой бы столице и на каком бы расстоянии ни находился.

Прошло столько лет, и казалось бы Память должна была обрасти густой и высокой травой Времени. Но увы! Она словно отменный современный компьютер, сохранила в себе все сколько-нибудь значительные эпизоды той, давно пролетевшей как скорый поезд, жизни.

Большое видится на расстоянии. Это истина. Это просто аксиома. Но детские впечатления и наверно, детская память надежней и лучше компьютера сохраняет в себе прожитое. И я, карапуз, который едва научился ходить, отчетливо запомнил войну в городе моего детства, отрочества и юности.

В нашем дворе на знаменитой еврейской улице Оскара жило несколько семей. Может быть, война, а может быть, вековые горские обычаи миролюбия и желание поделиться с другими последним куском хлеба превратили наш двор в некое крохотное царство уюта и согласия. Двор был узким и очень длинным. Прямо в центре него было сооружено небольшое самодельное бомбоубежище, напоминающее обыкновенную солдатскую землянку. Почти каждую полночь диктор местного радио сообщал об очередном воздушном налете. И после его страшных слов: "Внимание! Внимание! Воздушная тревога!" все жильцы двора, несмотря на поздний час, один за другим заполняли бомбоубежище. Один только мой дед Хайвот не реагировал на эти полночные налеты. Он обычно с головой укутывался одеялом и свернувшись колом, шумно и сладостно храпел под вой воздушной тревоги. А наутро, когда близкие ему люди делали замечание по поводу его чрезмерной халатности, он говорил одно и то же: "Откуда у фрицев

бомба, которая может пробить мое толстое одеяло?" Фашисты отчаянно рвались на Кавказ. Уже бомбили Грозный. Огонь от горящих нефтяных цистерн озарял яркими кровавыми сполохами ночное небо над Махачкалой.

Мой детский разум не до конца воспринимал трагедию, происходившую вокруг. Мне всё это казалось какой-то забавной и шаловливой игрой. Игра была. Только роковая игра Жизни и Смерти. Время от времени наш двор, впрочем, как и другие дворы города, заполняли солдаты, среди которых было много раненых. Среди них были и пожилые, и совсем безусые мальчики. Видимо, они попадали сюда после ожесточенных боев, с тем, чтобы после короткого "перекура" снова сразиться с врагом. И я думаю, что они были в то мгновение счастливы уже хотя бы тем, что не остались лежать навечно там, на поле брани, где полегли тысячи их сослуживцев - пожилых и совсем еще мальчиков. Эти не очень радужные картинки из далекого детства все-таки глубоко врезались в мою память и порою как бы заново оживают, приходя ко мне в страшных снах из небытия, из былого и давным-давно минувших дней. Я опять вижу эти сумрачные лица солдат с окровавленными бинтами.

Я не знаю, сколько времени длятся эти видения - всю ночь напролет или всего одно мгновение. Но каждый раз я просыпаюсь в холодном поту, не сразу еще понимая умом, где нахожусь и в каком временном пространстве. Солдаты-мальчики так и остались в моей памяти и в моих ночных видениях такими же, как и много-много лет назад.

*В газетах пишут о войне -
Не о прошедшей - той, что будет.
Огонь ночами снится мне,
И голоса погибших будят.*

Я живу на войне. Не только сегодня, и не только на этой земле, именуемой святой, но которая далеко не соответствует этому названию. Здесь, действительно, идет самая настоящая война: один террор сменяется другим, и даже еврей убивает своего сородича. Три выстрела, три роковые пули оборвали жизнь премьера Ицхака Рабина - в прошлом боевого генерала, активного участника трех войн за независимость Израиля, освободителя Иерусалима. На фасадной стене мэрии Тель-Авива, на том самом месте, где убийца, как хищный зверь, подстерег главу правительства, можно увидеть фотографию, запечатлевшую последние мгновения его жизни. Этот пронзительный взгляд смертельно раненного человека каждый раз приводит меня, да и не только меня, в шоковое состояние. Этот всеопрошающий и выразительный взгляд как бы спрашивает: "За что?".

Это еще одна беда, еще одна трагическая страница истории, Третья Катастрофа Еврейства. Думаю, что так, ибо само понятие "еврей" никак не ассоциировалось до сих пор с понятием "убийца". Да, были Барух Гольдштейн, Меир Кахане. Но там совершенно другие мотивы. Хотя всё это достаточно спорно. И всё это относительно, как и всё остальное в мире. Не надо, наверно, быть Фейхтвангером, чтобы в той или иной мере знать хронику Иудейской войны, еврейской мести и еврейского коварства, каких бы масштабов они ни были. Это идет еще со времен Адама и Евы - наших предков по крови. Слепая месть привела одного из их сыновей к преступлению:

Каин хладнокровно и подло убивает своего родного брата Авеля. Еврей убивает еврея. Брат убивает брата. Слишком много воды утекло с тех пор, и мы просто забыли о том, что не каждый еврей - миролюбец и что не каждый любит своего ближнего, как самого себя.

Почему это происходит? Вообще, что стало с

евреями - народом, которого одновременно и чтут, и ненавидят в мире, при этом уважая их за ум и умение выживать в любой обстановке? И вообще, кто сказал, что евреи - умные люди? Между прочим, ученые доказали, наблюдая на протяжении долгого времени за жизнью самых различных животных, в том числе и хищных - таких как леопард и тигр, акула и беркут, что эти особи никогда не убивают друг друга. Сокол соколу глаз не выбьет. А вот еврей еврею может. И не только глаз выбить, но и лишить самого дорогого - жизни. Лучшая иллюстрация тому у нас на памяти - роковой ноябрьский день 1995 года - гибель Ицхака Рабина от руки другого еврея, годящегося ему во внуки. Игаль Амир взял на себя непомерно высокие роли - верховного судьи, главного прокурора и исполнителя. А **чьи** собственно распоряжения он исполнял? Кто стоял за его спиной? Ведь кто-то непременно стоял! Кому-то старый генерал, уставший от войны и хорошо знавший ее горький привкус, вероятно мешал.

Чьих рук это дело? Вероятно этот секрет еще долгие годы будет будоражить умы и сердца тысяч людей, а может быть, и навсегда останется тайной века. Этот трагический спектакль на площади Царей Израилевых, возможно, останется такой же загадкой, как и убийство президента Джона Фицджеральда Кеннеди или смерть генералиссимуса Иосифа Сталина. Ни специальная комиссия Уоррена, ни другие официальные и частные расследования не дали эффективного результата, не открыли завесу тумана, а значит и неизвестности. Значит, это тоже кому-то было нужно: и убийство, и такой поворот событий. И это роковая тайна. Однако рано или поздно всё тайное становится явным. Но когда это произойдет, ведомо только одному Всевышнему. Во всяком случае, современники не станут обладателями этой тайны.

Но я опять возвращаюсь к тому, с чего начал свой печальный разговор, - с Игаля Амира. На всех следствиях он отрицал свою вину: по его утверждению, он стрелял, но не убивал. Он только имитировал убийство. Он продолжает утверждать это и сегодня. И невольно всплывает в памяти знаменитая пушкинская строка: "А был ли мальчик?". А кто знает, может быть, это и на самом деле была имитация, а подлинный убийца гуляет на свободе. Но дело не в этом. Я не современный Шерлок Холмс и даже не рядовой следователь прокуратуры, а тем более не сотрудник Шабак или Мосада. "Раскрывать" - это их дело. А я только литератор и репортер, человек из пишущего цеха, обыкновенный летописец Времени, в котором живу, в котором люблю, работаю, мучаюсь и страдаю. Но это уже другая тема. А Ицхака Рабина все-таки убили - пусть не Игаль Амир, но его сообщники, а в общем - свои же евреи, которые усердно молятся в синагогах, произносят молитвы и ждут прихода Машияха. А захочет ли Он прийти, узнав о злодействе "сыновей" своих, трудно сказать.

Кто сказал, что евреи умные люди? Хотел бы я посмотреть на их физиономии. Разумеется, никто - ни я, ни кто-то другой не станет отрицать, что Всевышний дал евреям светлую голову, но распоряжаются они ею так безобразно, что порою диву даешься: как может такое сотворить человек, именуемый евреем? Лучше, чем ашкеназы, горских евреев, я думаю, мало кто знает. Во время Великой Отечественной войны тысячи ашкеназов-беженцев устремились на Кавказ, в большинстве своем в Дагестан. И каждая семья горских (кавказских) евреев считала своим долгом приютить, обогреть душевным теплом и сделать всё возможное для облегчения участи попавших в беду единоверцев, хотя сами порой находились в очень трудных условиях. Но как бы трудно ни было, всегда умудрялись делить последний кусок хлеба, делились не только кровом и пищей, но и теплотой своих сердец. И каждый

ашкенази, живший в то время бок о бок с горскими евреями, хорошо знал о трагической участи горских евреев города Моздока, где гитлеровцы заживо погребли тысячу женщин, стариков и детей. Очевидцы рассказывали, что на месте трагедии земля три дня ходила ходуном. За несколько дней до совершения этого акта вандализма фашистское командование направило запрос в канцелярию Гитлера: как быть с евреями-горцами? До этого в их понятие "еврей" входили только ашкеназы. Других евреев они никогда не видели. Палачей ответ из фашистского логова не заставил ждать. Он был на редкость лаконичным: "Собака есть всегда собака, независимо от цвета".

На протяжении десятков лет я бесконечно слышу о трагедии Бабьего Яра. Я как еврей преклоняю свою седую голову перед светлой памятью моих собратьев, погибших от рук палачей. Я не националист, хотя всегда гордился и горжусь своим еврейским происхождением. Но я прежде всего человек. И поэтому мне дорог каждый павший на полях сражений, независимо от того, еврей он или русский. Каждый из них погиб за землю, которую считал своей родной, а значит и священной. Мне бесконечно дороги и русский парнишка Александр Матросов, закрывший своим телом вражескую амбразуру, и ашкенази - юная партизанка Зоя Космодемьянская, и горский еврей Екутииль Адам, погибший за родной Израиль, и его земляк танкист Иосиф Ифраимов, мужественно павший на подступах к рейхстагу. Это моя боль и моя незаживающая рана. В нашей жизни много лжи и несправедливости. Но надо быть хотя бы справедливым к памяти погибших и не кричать о достоинстве и подвиге одних и умалчивать о трагедии других. А ведь это надо не мертвым. Это надо живым! Очень много говорят о Катастрофе европейского еврейства, имея в виду и Бабий Яр, и не только его. А почему же когда-нибудь, хотя бы невзначай не

вспомнят о Моздоке - о тысячах горских евреев, безвинно погибших от рук фашистов? Тех самых горских евреев, которые и в Махачкале, и в Дербенте, и в Баку так сердечно и радушно принимали всех, кто нуждался в их помощи. Горские евреи, веками живя на Кавказе, унаследовали от своих предков святыне обычаи и традиции гор, всегда оставались верными слову, а тем более вере отцов. Они никогда не отступали и не отказывались от своего еврейства, хотя жили в очень экстремальных условиях, они всегда оставались братьями для всех и были уважаемы и любимы другими людьми. Они всегда оставались теми, кем их родила еврейская женщина: евреями.

У меня лично было и есть немало хороших друзей среди ашкеназов. С кем-то поддерживал хорошие отношения по работе, с кем-то жил по соседству, с кем-то сидел за одной студенческой скамьей. Есть немало коллег-ашкеназов, с которыми я поддерживал и поддерживаю прекрасные отношения. Так было в прошлой жизни. Так есть на новой родине. Но к великому сожалению, даже от этих близких людей приходилось и приходится слышать не очень лестные отзывы о моих земляках - горских евреях. В двух словах эти заявления звучат примерно так: горские евреи - народ темный и хулиганистый, далекий от науки и культуры.

До приезда в Израиль я не знал, прожив на свете долгих 50 лет, что среди евреев и в еврейском государстве есть столько аферистов, проходимцев и проститутток. И причем, такого глобального, масштаба, что скажи мне об этом кто-нибудь пару лет назад в стране исхода, я, наверно, на худой случай крепко бы отматерил его, как "курьера", доставившего мне подобную информацию. А здесь я просто капитулирую и поднимаю руки вверх. У меня нет ни одного козыря, чтобы отбиться.

Горские евреи как раз и были теми людьми, которые, несмотря на все гласные и негласные запреты на прием в институты и университеты, упорно штурмовали вузы Москвы и Ленинграда, Ростова и Донецка, Нальчика и Баку.

И горские евреи с кавказской настойчивостью все же пробивались и учились. Чего греха таить: иной раз и деньги, их необъятная власть, делали свое дело.

Россия - это страна взяток. Это во времена Гоголя взятки брали "борзыми щенками". А во времена Хрущева и Брежнева, Горбачева и Ельцина брали и берут в особо крупных размерах. Идет массовая коррупция, начиная с "мелких сошек" - маленьких государственных чинов и кончая крупномасштабными вельможами правительственных структур. Брали во времена Петра Великого, Екатерины Второй, последнего императора России Николая Второго, в

эпоху Керенского и Владимира Ульянова-Ленина. Брали и будут брать...

Несмотря на "зажим", горские евреи умудрялись проявлять себя во всех сферах: в науке, культуре и искусстве. Вот здесь как раз уместно вспомнить о великом маэстро танцев, народном артисте СССР Танхо Израйлове. Говорят, три вещи прославили Дагестан - эту Страну Гор и Гору Языков. Первое - это кизлярский коньяк, божественный напиток. Его очень любил Уинстон Черчилль, умерший в преклонном возрасте. Он объяснял свое долголетие употреблением этого волшебного напитка. Второе - поэзия Расула Гамзатова. И наконец, третье - это "Лезгинка" - детище Танхо Израйлова. С этим ансамблем народного танца он объездил весь мир. Лучшие концертные залы США и Японии, Франции и Германии, Израиля и Бразилии, Индии и Великобритании были отданы в распоряжение этого волшебника танцев. Поклонников его незаурядного таланта можно найти сегодня во всем мире. Танхо Израйлов был послом искусства. И немногие, наверно, знают, что великий маэстро был талантливым учеником другого чародея танцев, вот уже 60 лет радующего поклонников высокого искусства необыкновенным чудом красочными и захватывающими танцами народов мира. Это Игорь Моисеев, отпраздновавший свое девяностолетие.

Творческий взлет Танхо начался около 40 лет назад. Свою первую показательную программу "Лезгинка" продемонстрировала на Первой Декаде литературы и искусства Дагестана в Москве. Здесь надо вспомнить один любопытный эпизод. Небезызвестный министр финансов СССР Зверев, не увидя своими глазами ансамбль в работе, не хотел подписывать смету расходов. И вот Танхо надо было выдержать очередное испытание. Еще до Декады ансамбль дал специальный концерт для элиты, на котором в роли главного судьи и строгого требовательного жюри был министр

финансов. Но накануне возникла одна проблема: Зверев был человеком солидным не только в правительстве, но и физически. Поэтому Танхо пришлось заказать для "наркома" специальное кресло, сидя в котором, крупнокалиберный министр с удовольствием просмотрел всю программу. После концерта Зверев сам подошел к маэстро и крепко пожал ему руку в знак благодарности. Находчивый Танхо вмиг оценил значение "исторического" момента. Он тут же подsunул ему прямо на сцене готовую смету на утверждение. Министру ничего не оставалось, как подписать этот документ. Так необычно родилась "Лезгинка". А потом был московский триумф на Декаде, громкие и бесконечные зарубежные гастроли. Он был баловнем судьбы, этот кавказец, этот красивый и талантливый человек, этот жизнелюб. О нём еще при жизни ходило много легенд. Говорили, что он был равнодушен к женщинам. Наверно, это правда. Значился такой грех за Танхо. А что в этом зазорного или из ряда вон выходящего? Танхо - кавказец, и этим всё сказано. Он умер молодым по горским меркам, в золотом возрасте, когда ему было шестьдесят лет.

Всего 60 - ровно половина израильских 120... Он был баловнем судьбы, но наша жизнь - такая коварная штука: вероломно может ударить ножом в спину, когда этого совсем не ждешь, когда ты как будто бы на коне, в седле, и тебя так трудно достать. Но проходит время, и появляются не только друзья и поклонники. Ждут своего часа и завистники, и недруги. Так получилось и с Танхо. Он ушел из жизни глубоко обиженным, громко хлопнув дверью. Когда в одной из бесед близкие люди спросили у Владимира Высоцкого, чего он больше всего желал бы, то этот бард, не очень любивший исповеди, ответил: "Хотел бы, чтобы помнили". Бессмертие и память приходят к человеку по-разному. Память о Танхо жива и сегодня. Его любимое детище - "Лезгинка" и сегодня продолжает

свое победное шествие по городам и странам. Пришло новое поколение танцоров и балетмейстеров, но они помнят и преклоняются перед памятью своего первого учителя, открывшего им волшебный мир искусства.

Раньше, в старину на Кавказе мужчина, отправляясь в дальний или близкий путь, обязательно брал с собой небольшой хурджин - что-то наподобие торбы, заплечного мешка. Тогда не было модных и красивых дорожных чемоданчиков называемых ныне "дипломатами". За 30 лет работы журналистом я вдоль и поперек проехал и прошел Северный Кавказ, не говоря уже о земле моего исхода - Дагестане, каждый город и селение которого мне хорошо знакомы отнюдь не по географической карте. С кем я только не встречался на этом беспокойном, а теперь уже и опасном поприще! Зная это, покойная мать очень тревожилась за меня. "Рома, дорогой, ты очень открытый и бескомпромиссный человек, любишь правду. И хоть мужества тебе не занимать, всё равно очень боюсь за тебя, - частенько повторяла она. - Люди - разные. Кто-то поймет правильно, еще и поблагодарит. А кто-то схватится за нож. Понимаешь, о чем речь?" Как мне было не понять мою дорогую маму, ее постоянное беспокойство за жизнь одного-единственного сына. Мама приходила в ужас, когда ей приходилось слышать по радио или видеть на экране телевизора какой-нибудь острый сюжет в программе "Время", рассказывающий о гибели того или иного корреспондента. Действительно, в последнее десятилетие мои коллеги и братья по перу, особенно работающие в "горячих" точках, стали объектами особого значения и оказались на прицеле у некоторых экстремистски настроенных людей. Объяснить можно: журналисты - народ любопытный и хотят знать больше, чем обычные и рядовые обыватели. Надо добыть из каких-то источников серьезную информацию - что-то вроде сенсации. Но

речь не идет о "жареном", которое так любят здесь, в Израиле. В какой-то мере это объяснимо: нужно, чтоб газеты раскупались. А как сделать это, если не подавать материалы в таком остром соусе, чтоб у читателя перехватило дыхание. И потом изданий много, надо выдержать конкуренцию на рынке спроса. Хотя Израиль - это Восток, но жизнь здесь идет по западному образцу.

Мои хурджины полны самых разнообразных записей. Еще больше записей в моей памяти. Эта память - словно промокательная бумага, впитавшая в себе тысячи встреч и тысячи лиц, тысячи имен, дат, событий - праздничных и трагических, радостных и наполняющих сердце болью. Это и есть, наверно, то самое понятие, которое вмещается в три коротких слова: люди, годы, жизнь. Моя бедная мать тревожилась совсем не зря. Да, я был и остаюсь по сей день не по годам отчаянным человеком. Это не ложное понятие княжеской чести. Я - горский еврей, чьи предки прожили на земле Кавказа многие столетия. Я не могу сейчас даже при своих обширных знаниях в области истории вообще и в области истории горских евреев в частности, достоверно назвать дату и место, откуда мои далекие предки и древние сородичи явились на эту гостеприимную землю. Но я твердо знаю одно: это мужество и эту отвагу, эту прямоту и сердечное, человеческое тепло дала мне эта кавказская земля, горцы, среди которых я родился, жил и работал, на земле которых нашли свой последний приют моя мама и другие близкие и родные мне люди. Но жизнь есть жизнь. Бывало всякое - и хорошее, и плохое. Но я никогда не отчаивался. На сердце было всегда тепло, и я знал, что выйду живым и невредимым из очередного пекла, из очередного огня.

В последние годы перед своей репатриацией (кстати, я очень не люблю это казенное и солдафонское слово, которое режет слух) я работал

собственным корреспондентом одной из центральных российских газет по Северному Кавказу. Моя штаб-квартира размещалась в Махачкале. Мой телефон не знал отдыха ни днем, ни ночью. Он был, что называется, накален. Как-то в один из вечеров мне позвонил мой "генерал" - заведующий корреспондентской сетью газеты Виктор Злобин и очень попросил меня выехать во Владикавказ (бывший Орджоникидзе). В столице Ингушетии городе Назрани должна была состояться презентация первого президента республики, героя афганской войны Руслана Аушева. Задание было не из легких. Особенно меня мучил вопрос: как добраться? Поезда по железной дороге через Беслан уже не ходили. Регион значился в списке "горячих". Здесь накануне произошли довольно неприятные межэтнические конфликты на почве территориальных споров, причиной которых первоначально послужили самые обычные бытовые междоусобицы и распри. На пограничной полосе двух народов караулили "миротворцы" - солдаты спецназа. Когда-то оживленная автотрасса Баку-Ростов стала пустынной: в районе перестали курсировать междугородние автобусы.

Была зима. У меня уже не оставалось запасного времени. Как говорят шахматисты, я находился в полном цейтноте. Не оставалось ничего другого, как только добираться на перекладных до Владикавказа. Скоро сказка сказывается, да нескоро дело делается. С грехом пополам я все-таки добрался до места, куда мне было предписано выехать. Приехать-то приехал, а обстановочка, смотрю, не совсем радостная. Кругом военные, передвижение строго по пропускам военного коменданта. На второй день после приезда нас - группу журналистов центральных изданий на одном из издававших виды автобусов и в сопровождении боевого бронетранспортера повезли в Назрань. Вот-вот должен

был прилететь Руслан Аушев. Прошел час, прошел второй, и никто толком не знал, когда он точно прилетит. И чтобы как-то скрасить наше долгое и томительное ожидание, а еще из соображения чисто кавказского гостеприимства, администрация столицы республики решила дать настоящий праздничный обед в честь вступления в должность первого президента. И праздник удался. Он не был долгим, но обстановка в зале, где нас встречали, была торжественной и семейному теплой.

В назначенное время все мы должны были собраться у автобуса, на котором приехали из Владикавказа. Посидели, выпили, произнесли тост во здравие молодого президента. До назначенного времени еще оставалось где-то с полчаса, и мы с коллегой - корреспондентом одного из крупных информационных агентств - решили немного пройти пешочком к железнодорожному вокзалу, где стоял пассажирский поезд, ставший временным домом для большого офицерского корпуса. Мы хотели встретиться там с нашими общими знакомыми, перекинуться парой фраз традиционного приветствия и быстренько вернуться назад. На улице был хороший морозец, и пара рюмочек водки, опрокинутых нами, была очень кстати. Мы дошли до "эшелона". Наши знакомые офицеры были не очень довольны своей "цыганской" жизнью и не совсем обычным жильем на колесах и чтобы как-то заглушить тоску, принимали допинг - солидную дозу русской водочки. Не знаю почему, но мне сразу вспомнились персонажи лермонтовского "Героя нашего времени": штабс-капитан и вечный неудачник Грушницкий с его новыми эполетами. Лермонтов бывал в этих местах и очень любил Кавказ. Это, действительно, необычная земля, совершенно другая планета и другой мир, где порою неписанные законы гораздо строже писанных и где достоинство человека не всегда определяется

суммой денег в его кармане. Я сидел и украдкой смотрел на "хозяина" эшелона, уставшего от вечной походной, почти полевой жизни, довольно молодого полковника, запивавшего свое проклятое и бесхозное существование сорокаградусной горячительной.

Вернуться "на базу" мы решили более короткой дорогой из-за боязни опоздать. Но не тут-то было. Воистину, как любил говорить лермонтовский штабс-капитан, "судьба -индейка, а жизнь копейка". Оказывается, нас незаметно сопровождала какая-то толпа людей, решивших сделать заложников из двух журналистов. Недалеко от центральной площади мы вдруг оказались в плотном кольце незнакомых людей. Я не сразу сообразил, что происходит, но уже в следующую минуту понял, что к чему. Это была категория людей, которых сегодня именуют модным и очень старинным словом "правдолюбцы".

Лично я бывал в таких переделках, от одного воспоминания о которых по телу проходит дрожь. А здесь ситуация была несколько туманной: было неясно, кого эти люди представляли. И более того - чего они хотят - выкупа или преподнести сюрприз к празднику. И хотя журналисты - люди не робкого десятка, неведение всегда пугает и омрачает настроение. А кольцо тем временем уплотнялось. С разных концов на нас посыпались самые что ни на есть каверзные вопросы. Из них я понял, что некоторое время назад здесь был Ельцин, который и пообещал им кучу разных "подарков". Прошло время, "подарков" не оказалось. А кто лучше, чем журналисты, могут подойти для роли ответчика или, называя вещи своими именами, козлов отпущения? "Подарки" Ельцина касались быстрого улаживания конфликта в регионе. А конфликты, тем более кровавые, одними заверениями не решаются. Конфликт - местного значения или конфликт крупномасштабный, ставший предметом обсуждения мирового сообщества, всегда

есть конфликт, ибо он не существует сам по себе, а связан с человеческими судьбами. И поэтому быстрого и сиюминутного решения их ожидать не приходится, какие бы обещания не давал бы не только президент, но если бы их дал сам Господь Бог. "Правдолюбцы", видимо, не совсем понимали положение вещей и решили во что бы то ни стало найти правду. А если быть откровенней, решили, видимо, немного позабавиться на "козлах" в лице двух журналистов, никогда в жизни ни до, ни после не выступавшими гарантами клятвенных заверений президента Ельцина. Да и кто мог взять на себя такую ответственность при очень небольшой цене слов, исходящих из уст "царя" Бориса? Один раз мир уже успел убедиться в этом, когда Борис Николаевич неосторожно погрозился лечь под колеса поезда, если он не выполнит своего обещания. Оно конечно не было выполнено, но президент не лег под колеса никакого поезда - ни скорого, ни товарного. И при этом, как всегда, нашлись тысячи оправданий... Но опять вернусь к "правдолюбцам". Они задавали не только острые, но и самые каверзные вопросы из разряда тех, на которые вряд ли сумел бы ответить и сам Ельцин. Налицо была логика толпы: правы только задающие вопросы. Любопытно, что ответы никого не волновали. Толпа никогда никого не слушает. Она слышит только саму себя. Так в течение почти трех часов впервые в жизни я оказался одновременно в двух противоположных ролях - заложника и дающего интервью. Но мир не без добрых людей. Нашелся кто-то из доброжелателей, который долго, по всей видимости, наблюдая за этой сценой, понял, чем всё это может кончиться, и решил сделать, думаю, не первое в своей жизни богоугодное дело.

Доброжелатель был, вероятно, человеком опытным: поняв, что действия толпы всегда непредсказуемы и опасны и что всё может принять трагический финал,

он нашел способ вызволить нас из насильственного плена. Освобождение было бескровным.

В своей жизни я больше задавал вопросов другим людям, чем отвечал сам. Такая профессия у любого репортера - задавать вопросы и получать на них ответы. Это не прихоть. Это работа. А в последнее время я поймал себя на лукавой мысли: я стал задавать вопросы самому себе. И среди этих многих вопросов самый что ни есть заурядный: "Для чего живет человек?" Для чего приходит в этот не очень уютный и не очень справедливый мир? Хорошо поесть, насладиться изысканными блюдами всех кухонь мира? И таким образом стать непревзойденным гурманом, пленником своего чрева? Скучное занятие. А между прочим, идя по улицам Тель-Авива, Иерусалима, Ашдода или Хадеры, ловишь себя на мысли, что у людей вообще нет никакого другого занятия, кроме одного - кушать, кушать, кушать... Кушают на ходу, в небольших уличных забегаловках, за уютными столиками дорогих и дешевых ресторанов и кафе, которых в любом городе Израиля великое множество. Наверно, только здесь, в Израиле, так сильно развит культ еды. Не знаю, как в других странах, но в России, а тем паче на Кавказе кушать на улице как-то не принято. Это некрасиво. И культурный человек никогда не позволит себе жевать пирожок на улице, даже если он умирает с голоду. Эту роскошь позволяют себе там только дети и подростки. Я никак не могу себе представить горца с пышными усами, что-то сладострастно жующего на улице среди десятков и

сотен людей. Но что поделать? У каждого народа и у каждой страны свои порядки и свои законы, свой менталитет, наконец. Возможно, что это и какая-то генетическая наследственность.

В Палестине долго хозяйничали англичане. А уж они-то любят хорошо поесть. Не случайно поэтому среди них много очень полных людей. И совсем не случайно, что в самом Израиле немало людей с фигурой легендарного Черчила, и не только с фигурой, но и с весом, хотя он никогда не был в Эрец-Исраэль. Я не хочу сказать этим, что все полные и толстые - дети знаменитого англичанина, но что многие из этих людей - дети любви его соплеменников - сомневаться не приходится.

Для чего все-таки человек приходит в этот мир? Не стану утверждать, что только для того, чтоб наслаждаться благовонными и сытными блюдами Востока и Запада. Тогда зачем? Может, насладиться другим: своим и чужим телом, заниматься страстной любовью? Постельная тема к тому же занимает с незапамятных времен умы даже великих мира сего.

Нет завоевателя, который не имел бы бесчисленного количества гаремов для улады души. Многочисленную свиту наложниц и жен имел Чингиз-хан, а в древности - персидский царь Дарий, впоследствии разбитый Александром Македонским. Новая история тоже изобилует любопытными примерами. Достаточно вспомнить бравого адмирала Нельсона, в самый разгар морского боя оставившего свои корабли на произвол судьбы и на милость неприятеля, увидя, как покидает "поле" сражения судно, на котором была его возлюбленная - леди Гамильтон. Правда, рекорд Чингиз-хана, имевшего кроме наложниц еще и 500 жен, до сих пор не побит. Постельная жизнь стала предметом и новейшей истории, а здесь в Израиле - и радиостанции РЭКА, вещающей на русском языке. РЭКА с семи утра и

почти до десяти вечера передает для своих слушателей весьма оригинальную рекламу, которая звучит примерно так: "В самый ответственный момент у некоторых мужчин ничего не получается. Но вы не отчаивайтесь: в Израиле каждый восьмой мужчина страдает этим. Обратитесь в клинику "Он". Клиника "Он" вернет вам силу. Не дайте жизни пройти мимо!" Кто его знает: вернет, или это очередной ребус для дураков? "Вернет или не вернет?" - на этот щекотливый вопрос и сама РЭКА не может ни ответить, ни дать гарантию, ибо эта радиостанция (как и русскоязычная пресса) никакой ответственности за эту рекламу и за сотни других реклам не несет. А жаль! Реклама - это товар, который РЭКА выдает "на гора", а попросту говоря, продает тысячам своих слушателей. И если она, получая от заказчика деньги, никакой ответственности не несет перед слушателями, то значит она, РЭКА, вешает им, мягко говоря, лапшу на уши.

Для чего все-таки мы приходим в этот жуткий, этот скандальный, полный обмана и предательства, коварства и зла, любви и ненависти мир? Не думаю, чтобы только с целью сытно поесть и утолить свою сексуальную жажду. И не для того, чтобы копить и наживать богатство, хотя и это в нашей жизни имеет особое значение. Нет денег - не купишь хороший дом, машину, изысканную одежду. И в мире всё еще действует пресловутый неписанный закон: встречать по одежке. Хотя и без хорошей еды тоже трудно обойтись. И это при том, что почти каждый из нас знает крылатую фразу одного из великих древности: "Я живу не для того, чтобы есть, а ем для того, чтобы жить."

Израиль - это страна, где люди хотят делать деньги. Заработать хочет каждый, причем неважно, на каком поприще. Девиз у всех один и тот же: деньги не пахнут. И на РЭКА тоже работают люди, и они тоже подвержены этому же "вирусу" - делать деньги. Кстати,

тема секса стала актуальной не только на русской программе вещания израильского радио. Столь же актуальна она и в среде авторитетных сексологов современности, что делает честь РЭКе. Так вот, ученые мужи пришли к мысли и утверждают, что любовь возможна и без половой близости мужчины и женщины. Есть же, наконец, инвалиды от рождения, с серьезными физическими недостатками, не позволяющими заниматься "этим самым".

Но "это", как говорят ученые, компенсируется другими данными: умом, характером, взаимопониманием, различного рода увлечениями, постоянным общением. И вот здесь как раз у этих людей и возникает та самая любовь без примеси - чистая и бесхитростная. Хотя что такое любовь в общем понимании? Не ошибусь, если скажу, что большая часть здорового человечества не приемлет любви без секса. Слово "любовь", на мой взгляд, потеряла свою былую романтичность времен великих Данте, Шекспира и даже Пушкина. Оно приобрело другое лицо, малопривлекательное, с прозаическим оттенком. Все больше в ходу другие термины: "любовные игры", "любовь с первого взгляда" или "с первого слова". Я опять хочу вернуться на РЭКА. И вот почему. По радио, когда есть возможность, минута-другая свободного времени, я только слушаю последние известия. На другое просто не хватает времени. Но пару раз совершенно случайно, включая транзистор, я наткнулся на передачу Мордехая Кармона "Любовь с первого слова". Выходят в эфир дамы - называют свой возраст, говорят о цвете своих глаз и о том, расположены ли они к полноте или нет, рассказывают о своей любви к путешествиям, одним словом, выкладывают все свои анкетные данные. И конечно же дают номера своих телефонов. То же самое делают и "гусары", "кавалеры". Естественно все участники передачи делают свой социальный заказ на

желаемого партнера. Я буду откровенен: мне почему-то жаль этих людей, добровольно пытающихся обмануть самих себя. Прекрасно понимая, что каждый человек хочет как-то устроить свою личную жизнь, тем не менее я не могу понять, до меня просто не доходит, как один мужчина, услышав всего несколько слов из уст какой-то незнакомой дамы, вдруг может загореться и вспылать к ней загадочной любовью. Люди разные. Один образован, другой нет, хотя среди образованных тоже есть куча хамов самой высшей категории. Есть люди тонкой, чувствительной натуры. А есть мужланы, грубые, неотесанные. Эти не будут ласкать слух женщин нежными словами. У них больше животной страсти.

Не может быть любви с первого слова, да и с первого взгляда. Это оптический обман. Это не любовь, а скорее сексуальное влечение людей противоположного пола друг к другу. Но даже у животных не бывает моментального совокупления. У них до этого момента есть любовные прелюдии. У змеи - брачные танцы, у голубей нежное воркование и даже птички "поцелуй". Мне чистосердечно жаль этих людей, отдающих себя во власть добровольного обмана. Это самая дешевая реклама, за которую потом многие участники этой, на первый взгляд, безобидной игры могут заплатить и, наверно, платят самую дорогую цену. И эта плата уже не в шекелях и долларах, а в гораздо более весомой номинации. Это совсем другая цена, исчисляемая не в каких-либо валютах, а в новой, личной трагедии. Это цена несбывшихся грез и обманутых надежд, душевных ран и утраченных иллюзий. Но ставки сделаны. И РЭКА продолжает свою "секс-игру". И страждущие души продолжают обманывать себя. Мужчины и женщины. Молодые и не очень.

ПРОСТАК ИЛИ ГЕНИЙ ЭЗЕР ВЕЙЦМАН ?

Скажу откровенно: мне нравится этот человек за открытость своих убеждений, за умение высказывать вслух то, в чём иной раз рядовой водитель автобуса или сборщик мусора усмотрит крамолу и умолчит, дабы не вызвать гнев окружающих. Пути Господни неисповедимы. Может быть, когда эта книга увидит свет, Эзер Вейцман уже не будет президентом Израйля. Но в любом случае это не меняет дела. Не будет президента Вейцмана - останется Вейцман-человек, который не перестанет в силу этого иметь свое собственное мнение. Король царствует, но не управляет. Эта классическая фраза известна нашим олигам - если не всем, то хотя бы "академаим" - еще с учебников истории той прошлой жизни. Все знают, что президент в Израиле должность декоративная, как бы выдуманная для торжественных случаев. Эзер Вейцман, к его чести, с этим мириться не хочет. И правильно делает. У него в этом смысле кавказский характер. Бывал ли он на Кавказе или нет, значения не имеет. В любом случае, у него горский, бойцовский характер. Нет, это не комплимент. Это то, что есть. Удивительно, что каждое его выступление принимается "в штыки". Что бы он ни сказал, что бы ни произнес - длинный монолог или короткую фразу. Иной раз против него бывает столько выпадов и оскорблений, что диву даешься, откуда у этого человека столько выдержки и хладнокровия. Эзер Вейцман бывший боевой летчик и, выражаясь военной терминологией, он взял на прицел не Арафата, не кровожадных террористов. На этот раз объектом его критики стали представители сексуальных меньшинств - гомосексуалисты и лесбиянки. На одной из встреч с хайфскими школьниками очаровательный в своей

наивности Эзер позволил себе вот такую сентиментальную откровенность: "Я хочу, чтобы девушки оставались девушками, а юноши - юношами", сославшись при этом на ТАНАХ и упомянув, что мужеложество сравнимо разве что со скотоложеством. Гром грянул средь бела дня. "Отец нации" добровольно выпустил джинна из бутылки, не ожидая такого поворота событий и такого небывалого озлобления в стане сексуальных меньшинств, потребовавших незамедлительной отставки Вейцмана. Мало того, в Иерусалиме состоялся марш протеста "гомо" против оскорбительных выпадов в их адрес со стороны президента. Уязвленные "гомо" гневно осудили действия "отца нации" и громко говорили о плюрализме не только в политике или идеологии, но и в сексе. Так что "папаша" Вейцман вынужден был принести свои извинения оскорбленному сексменьшинству. И более того, ему пришлось взять свои слова обратно. Скажу по совести: мне от души жалко "папашу" Вейцмана, как и другого папашу - бальзаковского Горио. Я почему-то думал: боевой летчик, президент, пусть даже с парадным статусом, он не отступит от своего. Слово не воробей, вылетит - не поймаешь! Если сказал, то будь хозяином своих слов, нечего извиняться! Было бы перед кем!

Что такое "гомо"? Это же извращение. Это ненормальное явление. Это вызов Обществу. Это одновременно болезнь Общества. В других странах за это судят. Это уголовно наказуемо. А в Израиле - обычное дело. Как-то в одной из русскоязычных газет я прочитал "от корки до корки" одно интервью с гомосексуалистом в чине профессора, который на вопрос корреспондента: "А где сейчас ваша половина?" - без зазрения совести публично заявил: "Мой муж сейчас на работе". И этот профессор - не какой-нибудь "инкогнито", а реальный человек, сотрудник не то Тель-Авивского, не то Иерусалимского университета.

Что можно ожидать от такого педераста? Да мне не нужны его знания, и я лично не хотел бы ничему учиться у такого "жопашника", будь он трижды профессор! Меня тошнит уже от одной его фразы: "мой муж". Чему может научить этот человек? Если и научит, то это будет только одно - "наука" сожительства однополых существ. Такие существа, по моему мнению, не имеют морального права, в первую очередь, на ношение высокого звания "человек", а потом уже и профессорского звания, ибо порочат человечество и лучших представителей науки вообще. Это аномалия. Как можно этим людям давать право митинговать? Их надо лишить гражданства и привлечь к уголовной ответственности. Пусть митингуют в тюремных камерах! В Израиле много говорят о демократии. Но демократия не означает конца цивилизации. Есть разумные нормы человеческого образа жизни. Во всём мире эта аномалия находит осуждение, а вот в Израиле гомосексуалисты и лесбиянки делают общественную погоду. Их нельзя трогать. Уникальная страна Израиль: президент, "отец нации" в глазах сексменьшинств и их покровителей чуть ли не дурак. Мужчина выходит замуж, а женщина женится!

Когда я говорю о том, что Израиль - уникальная страна, то я имею в виду не только кривляние сексменьшинств, но и другое. Я не религиозный, но верующий человек. И меня удивляет, когда некоторые в высоком сане рава до хрипоты говорят о защите еврейства и государства Израиль. Говорить можно, но только не надо быть снобом: плохо, когда люди говорят одно, а делают другое. У этих "ораторов" помногу сыновей, а защищать страну должны дети других. Если ты такой патриот, пошли и своего сына, подай хороший пример. Ведь это справедливо, наконец! Ведь ты молишься, ежедневно обращаешься с молитвами к еврейскому Богу, говоришь о

справедливости и милосердии, о любви к ближнему. А где всё это? Почему чей-то единственный сын с автоматом в руке, рискуя жизнью, должен защищать и сохранить жизнь десятерых сыновей другого человека? Разве так написано в Торе? Я глубоко верующий человек и не могу понять, почему раввины не осуждают этого и не осудят всенародно и другое ненормальное явление в жизни еврейского общества. Один только сефардский раввин Элиягу Бакши-Дорон осмелился выступить против сексуально озабоченных меньшинств. Я уже ловлю себя на крамольной мысли о том, что не дай Бог, завтра или послезавтра один из этих "гомо" вдруг пробьется на высокий политический Олимп. Тогда уж точно Эзеру Вейцману, если он **доживет** до тех дней, не сдобровать. "Гомо" найдут его живым или мертвым и учинят над ним свой "суд чести" или, чего доброго, заставят жениться на одном из своих "дам" мужского пола. Шутки шутками, но всё может быть. И перефразируя старое, но очень мудрое изречение "От суммы и от тюрьмы не зарекайся, хочется добавить: и от "гомо" тоже.

Есть в мире интеллектуалы - люди высокой культуры и всеобъемлющих знаний, которые несут людям свет разума. И есть гомосексуалы, несущие извращенность. Это только в Израиле депутат кнесета (парламента) может публично встать на защиту тех, как любит говорить Геннадий Хазанов, "которые которых". Депутат кнесета возглавляет весьма пикантное лобби в защиту гомосексуалистов. По мнению этого человека, высказывание президента пробудило все силы тьмы - ни больше, ни меньше! И очень жаль, что только один "папаша" Вейцман оказался "лучом света в темном царстве". Давайте назовем вещи своими именами и каждого в отдельности - кто есть кто? Дурак или гений Эзер Вейцман? Для "гомо", конечно, дурак. И не только дурак, но еще и враг номер один. Дай им волю - они

его раскромсали бы на кусочки. А для всех остальных - всех здравомыслящих и здоровых душой и телом людей, Эзер Вейцман - умный и обаятельный, серьезный и озабоченный, справедливый и предсказуемый человек. И даже гений. Старая пластинка - делать умного, но неудобного человека дураком. Это своего рода алиби для оправдания своей мерзости и аморальности. Это мы знаем, проходили. Знакомо еще со времен Грибоедова и Чацкого. Откроешь рот - и сразу в команде "диссидентов"! Сразу неотмываемый ярлык: "дурак"!

А вообще в Израиле дурачеств самой высокой пробы - через край! Почему блузку или футболку надо носить перевернутой наизнанку? Почему шапку надо надеть на голову козырьком назад? Почему молодой женщине с фигурой жирного тюленя и бедрами шире массивного ведра надо обязательно натягивать на свой "багажник" изящные лосины, просвечивающие, как рентген, все дамские прелести? Почему солдат с автоматом должен ходить, как босяк, с расстегнутыми шнурками на ботинках и распахнутым, как у пижона, воротом форменной рубашки? Почему зеленые подростки и нафуфыренные дамы с пятью кольцами на каждом пальце укладывают свои "прелестные" ноги с грязными ботинками на толстых бронированных подошвах на противоположное сиденье автобуса? Может, это современно? Может, это последний крик моды и раскрепощенности? Скорее всего, это дань дремучему невежеству и бескультуре, это хамство и полное неуважение к другим!

Вообще в мире происходит что-то несусветное. Похоже, что люди ударились в коллективное сумасшествие. Меняют не только взгляды и политические убеждения, но даже и пол, данный им природой: мужчины становятся женщинами и наоборот. Я наверно, наивный и безнадежно отсталый в своей архаичности человек, если не оптимистично

воспринимаю подобное. Мой мозг противится воспринять всё это. Какой тут оптимизм! Я потрясен. Я шокирован. Я боюсь всего этого, как конца света. Я не хочу верить всему этому. Но газеты дают об этом целые полосы и развороты, делают ссылки на медицинские авторитеты. Я в каком-то внутреннем бунте снимаю телефонную трубку, набираю знакомый номер приятеля - профессора медицины и задаю сразу "атакующие вопросы: "Читал? Нет? Что читал? Да по твоей медицинской части: как мужчина с помощью гормонов превратился в женщину, а потом и в проститутку. Где? Да здесь, здесь, в Израиле." У профессора других забот хватает, помимо таких превращений. Но он знаком с этим не по газетным статьям.

В этой области работает и сам. "Это же аморально, недостойно звания человека", - стараюсь объяснить я своему телефонному собеседнику. Как можно дойти до этого? Ведь это преступление против человечества!" Профессор усмехается, а это еще больше злит меня и выводит из себя окончательно. Видимо, чувствуя, что разговор может принять не совсем приятный оборот, медицинский авторитет переводит разговор на примиренческий лад: "А что ты, Рома, так нервничаешь? Разговор начистоту, как говорится, "тет-а-тет". Ну одной проституткой больше, одной меньше. Разве это так существенно? Ты строг, как папа римский из Ватикана!"

Я снимаю шапку перед любой революцией. Революция, какая бы она ни была, это нечто наподобие освежающего ветра. Правда, спорно то, в чьи паруса она дует. Это уже другой вопрос. Да, я снимаю шапку перед любой революцией, как фактором новизны. И революцией в медицине тоже. Но всякое дело хорошо, когда оно во благо. Так зачем же прибавлять миру еще одну проститутку, вдобавок искусственно, прибавлять еще одно зло. Проститутток,

слава Богу, хватает и без этого!

Но речь о другом. В последние годы двадцатого столетия мир сотрясают социальные, экономические, этнические и политические "взрывы". Зачем добавлять ко всему этому еще и сексуальные? Хотя всё взаимосвязано - все в одной цепи и в одной упряжке. Говорят о политической нестабильности и не хотят понять, откуда тухнет рыба. Говорят о политическом убийстве, не принимая в расчет чисто человеческого фактора.

Примеры есть. Иллюстрации, как ни тасуй карты, из разряда чисто классических. Выстрелы в Далласе - и гибель президента Кеннеди. Три роковых выстрела на Площади Царей Израилевых в Тель-Авиве - и гибель премьер-министра Ицхака Рабина. Выстрелы в Дели - и гибель другого премьера - Индиры Ганди, трагическая смерть ее сына Раджива Ганди - всё это звенья одной цепи. Мир перестал признавать авторитеты. Мир стал катиться вниз по наклонной плоскости куда-то в непонятную бездну. Порою кажется, что Земля сошла со своей орбиты и маячит во Вселенной, ускоряя свой непредсказуемый, роковой бег. Возможно, ученые что-то знают, но держат в секрете. Скажи людям, что завтра конец света, - произойдет такое, чего до сих пор не знало человечество, - всемирная агония. А может быть, эта агония человечества уже началась давно - с первого полета в космос первого человека Земли Юрия Гагарина или чуть позже - с той поры, как посланец планеты Земля Армстронг сделал свои первые шаги по Луне?

Не с этого ли началась эпоха летающих тарелок и резкого потепления климата нашей планеты? Но это не привело к потеплению человеческих сердец. Я даже кошунственно думаю, что эта хрупкая тропинка между человеческими сердцами покрылась льдом отчуждения и холода. А что если в этом повинна та самая медицина, что порой творит чудеса? Я не оговорился.

Говорю о чем думаю. В конце концов, это мое личное мнение. Меняют пол, заставляют работать чужое сердце в теле другого человека, научились получать искусственного человека из колбы. Пусть простят меня великодушно за откровенность и некоторую бестактность.

Мне почему-то кажется, что грядущий 21 век - это столетие людей с собачьими сердцами, век живых роботов. Я никого не хочу обидеть, но уже сегодня так много бездарных и бесполезных, не одаренных от природы людей. Многие из них не читают газет, не слушают радио, терпеть не могут классической музыки и балета. Они стали наподобие амёб, существ, живущих одним днем. Они до невозможного упростили жизнь. Им непонятны значение слов: честь и совесть, долг и обязанность, милосердие и сострадание. Их сердца наглухо закрыты толстыми бронированными ставнями.

И поэтому им непонятна чужая боль. Не вздумайте упасть - они перешагнут через вас, как через грязное белье, лежащее на полу. Не вздумайте протянуть к ним руку за помощью: они нагло опустят на ваши ладони холодный камень отвращения. Как тут не вспомнить Лермонтова:

*Он подаяния просил, -
Лицо являло грусть и муку, -
Но кто-то камень положил
В его протянутую руку.*

Я никогда и ни к кому не испытывал зависти, недоброжелательства, а тем более озлобления. Мне же мстили, меня же ненавидели и ко мне испытывали жгучую и злобную зависть. Почему-то так получалось, и получается и поныне, что я на пустом месте приобретал и приобретаю недругов, так называемых бесплатных врагов, приходящих в мою жизнь из ниоткуда. Так было там. То же самое повторяется и здесь. Я всегда был свободен в своих суждениях и может быть, к моему несчастью всегда знал чуточку больше некоторых школьных и вузовских учителей. Правда, не во всех областях, а большей частью в гуманитарных дисциплинах - истории, литературе, психологии, логике. Объяснялось это просто: я много читал. Это были книги, которые не значились в узких рамках учебных программ. Я часами просиживал в библиотеках, в то время как мои одноклассники весело проводили время на городском пляже в обществе обаятельных девчонок или отплясывали модный фокстрот на городских танцах. Я не был "сухарем" или святошей и очень рано узнал о девичьих тайнах, хранимых под юбкой. Слабый пол всегда дразнил мое воображение, и так получилось, что у меня было много "романов" уже на заре юности. Частенько на этой почве у меня проходили кулачные бои с претендентами всех весовых категорий.

Так вот о бесплатных врагах. Вспоминается один эпизод из моей университетской жизни. Я как-то стоял на улице в окружении своих друзей. Вдруг из парадных дверей нашего корпуса торопливо вышла, почти выбежала одна преподавательница, которая вела у нас один из курсов. Ее студенты за глаза называли мегерой. Она прислонилась к дереву в трех метрах от меня, и ее сильно и долго тошнило. Я не стал к ней подходить, посчитав это за бестактность и не желая ставить женщину в неудобное и конфузное

положение. Она же восприняла это совсем по-другому, поняв всё в обратном смысле. Ей показалась, что я не подошел к ней из чувства брезгливости. Моя наивность впоследствии обошлась мне очень дорого. Сказать откровенно, ее злое, желчное лицо никогда не вызывало у меня симпатии - ни как к человеку, ни как к женщине. На ее лице было много яда. Но я глубоко просчитался, проигнорировав ее в самый критический момент, вызвав тем самым на себя ее страшный гнев и яростный огонь озлобления. Через пару дней я должен был сдавать текущий экзамен по ее предмету. Тот роковой день настал, и я с другими сокурсниками сидел в ожидании своего "приговора". Она не заставила меня долго ждать и волноваться: сама вышла из кабинета и как строгий следователь подсудимого, пригласила в кабинет. Я стал возражать ей, сказав что зайду, когда подойдет моя очередь по списку. "Бадалов, зайдите сейчас, сию секунду, - потому что так хочу я," - сказала она голосом, не терпящим возражений. В ней было что-то от гремучей змеи. Она жаждала мести. Поняв, что дальнейший спор бесполезен, я зашел и решительно взял билет. Вопросы попались не очень трудные, и я был готов к ответу экспромтом. Я бойко отвечал, но она была в это время увлечена беседой с какой-то коллегой и совсем не слушала меня. Мой ответ, если и не заслуживал оценки "отлично", то уж "удовлетворительно" можно было поставить с закрытыми глазами. Она же вдруг ни с того, ни с сего прервала меня и произнесла, прошипев: "Бадалов, вам к сожаленью, придется подготовиться еще раз."

Но другого раза у нее не получилось: на третий день она попала под машину и приказала долго жить. Хотя с моей стороны это было и жестоко, но я не без радости сказал вслух: "Бог всё-таки есть!" И именно с тех пор я уверовал в то, что ни один подлец, ни один человеконенавистник не остается безнаказанным! Таких бесплатных врагов в моей жизни было много.

Причем, кровожадных и мстительных. Но страшно было не это. Страшно было другое: зло исходило от своих, евреев. Я не могу пойти против своей совести и сказать, что каждый второй "наш" - это подлец. Если у президента Ельцина мужества не хватило положить свою голову на рельсы, то кавказские евреи в этом смысле народ мужественный, и они всегда хозяева своих слов и за товарища и друга не то, чтобы голову на рельсы, - не раздумывая войдут в бушующий огонь! Но в семье не без урода. Были единицы, самые настоящие уроды, если не лицом, то душой, которые могли, не моргнув глазом, продать не только чужих людей, но и свою собственную мать.

Вот с одним из таких мне пришлось столкнуться на своем журналистском пути. В любом регионе собственный корреспондент, работающий от Москвы, - это всегда заметный человек. Случалось так, что я кого-то не знал. Это было вполне естественно. Я был один и не мог знать всех. Зато меня знал чуть ли не каждый. Это было в канун одного всесоюзного совещания. Я пришел в центральную гостиницу города, чтобы справиться о своих московских коллегах. Пока я наводил справки, ко мне подошел незнакомец лет 35-40, одетый "с иголочки", и безо всяких церемоний и предисловий сказал напрямую: "Господин Бадалов, я понимаю, Вы любите своих. А любить надо всех! Вы должны быть справедливы, как Бог, а Вы прикрываете жульё!" Я недоуменно посмотрел на незнакомца. "Не понимаю, кто дал вам право говорить со мной в таком тоне?" - четко акцентируя каждое слово, сказал я.- "Для этого есть повод?" - "Есть", - нисколько не смутившись, ответил тот. "Тогда выкладывайте, чего рисовать ребусы!"

Незнакомец как-то странно окинул меня взглядом с ног до головы, как бы оценивая меня, а потом, словно боясь, чтоб его не услышали, произнес: "Речь идет о вашем еврее. Из-за него пострадала совсем невинная

женщина Ей не миновать тюрьмы. Ее ловко подставили. И подставил этот тип, о котором я говорю. Но я не могу назвать вам его имени: я тоже работаю в этой системе.- "Так что ж, дорогой, кого же ты обвиняешь? Ты даже не хочешь назвать имени этого человека, а пришел ко мне с обвинениями в мой адрес. Я журналист. Могу делать "классные" очерки, зарисовки, репортажи, фельетоны. Но распознавать всех воров и жуликов я еще не научился, и это, слава Богу, не входит в мои обязанности. Назовите мне имя этого "человека", и я им займусь на уровне журналистского расследования. А для того, чтоб его наказать, на то есть правоохранительные органы." - "Я бы вам его охотно назвал", - вдруг оживился мой собеседник. "А что вам мешает сделать это?" - прервал его я. - "Видите ли..." - "Ничего пока не вижу", - сказал я, уже чуть повышая голос. - "Видите ли, вы еврей. Тот человек тоже. А знаете поговорку: "Ворон ворону глаз не выклюет." - "Тогда зачем же вы пришли ко мне?" - Вы всё-таки извините меня. Поговорка - поговоркой, а люди - людьми. О вас я слышал много хорошего. А самое главное, что вы честный человек. Поэтому я и подошел к вам. Я расскажу вам всё и по порядку. Только не здесь. Рядом много мест, где мы можем тихо и спокойно поговорить. У вас будет хороший материал. Мы поговорили. Разговор задел меня за живое. Да, я еврей. Да, я корреспондент Москвы, но я совсем не обязан отвечать за действия какого-то проходимца, пусть даже рожденного еврейской женщиной. И все-таки я обещал разобраться, помочь женщине, которую я никогда ни одним глазом не видел в жизни. Я был наслышан давно о художествах этих "братиков", о которых поведал мне таинственный незнакомец. Это были два родных брата. Они долгие годы играли судьбами людей, будучи негласными осведомителями КГБ и МВД одновременно Правдами и неправдами, путем шантажа и угроз они выжимали

из своих единоверцев всё, что можно было выжать. Доносили, терроризировали, собирали всё новый "компромат".

Об этом все знали, но не хотели с ними связываться, боясь непредсказуемых осложнений, а скорее всего, по принципу: "Не тронь говно - вонять не будет." У меня внутри всё кипело. Честно говоря, вот из-за одного такого пакостника ложится пятно на всех. Уже на следующий день, не откладывая на потом, я отправился к сыну одного из "братиков", о котором шла речь. Я его хорошо знал не только понаслышке, но и в лицо. Несколько раз до этого я имел "счастье" видеть его в торговом управлении. Я объяснил ему причину своего визита. Он стал утверждать, что никакого отношения к женщине, имя которой назвал, он не имеет и что вообще о ней слышит впервые. А всё было наоборот. Отношения имел и очень близкие, интимные. Но обо всем этом я узнал уже позже, когда действительно стал проводить свое собственное расследование. Эта женщина работала у него буфетчицей, у них был "роман". Женщина ждала ребенка. А у него была семья. И чтобы как-то избавиться от этой "обузы" и от внебрачного младенца, он организовал ей "левый" товар, а когда она его получила, тут же позвонил своим друзьям из ОБХСС (был и наверно, и сейчас есть этот пресловутый отдел по борьбе с хищением социалистической собственности), которые как хорошая пожарная команда прибыли на место "происшествия". И естественно, "застукали" левый товар. Дело было сделано. Женщина оказалась за решеткой, чего так упорно добивался любвеобильный "Яго". Я сказал ему с глазу на глаз, что собираюсь дать делу ход, поскольку это нечестно играть в такие грязные игры человеку, именуящему себя евреем, хотя у него на руках была индульгенция начальника милиции о его непричастности к делу. С этого всё и

началось. Моей спокойной жизни пришел конец.

Мафия струсила и решила, что я могу зайти далеко и что дело может кончиться для них отнюдь не санаторием где-нибудь в Пицунде или в Ялте. Для меня началась новая, большая война. В течение нескольких лет я вполне вкусил всю ее прелесть, хотя никогда не относил себя к мужчинам из робкого десятка. Разные моменты бывают в жизни человека. Люди тоже разные. На кого-то можно чуточку "надавить", и он уже "ломается". Но есть стойкие люди, которые заставляют себя до последнего выдержать любой натиск, любые угрозы. Главное, чувствовать свою правоту. Когда это чувство внутри тебя есть и ты живешь в ладу со своей собственной совестью, - все угрозы, все натиски превращаются в блеф, в мираж, и ты уже не боишься ничего. Помню, еще там по телевидению одно время шел интересный и захватывающий сериал "Спрут", повествующий о борьбе комиссара полиции Катани с мафией. Актер великолепно справился со своей ролью. Его игра была талантливой.

Катани - этот симпатичный итальянец, комиссар полиции запомнился мне, как человек большого личного мужества и, как человек высоких нравственных принципов. Он не содрогнулся, не сломался даже в самые тяжелые минуты. Вот такие люди были для меня примером для подражания. Человек - слабое существо, и этот вирус страха сидит в каждом из нас. Врет тот, кто говорит, что не боится пойти с голыми руками на вооруженного до зубов бандита. И этот холодок страха испытывает не только тот, кто должен лечь на операционный стол, видя перед собой множество людей в белых халатах и в марлевых масках. Этот страх испытывает даже тот, кто переступает порог кабинета стоматолога, придя к нему

на удаление зуба. Страх живет в каждом из нас и сопровождает всю жизнь. Он, этот страх, ходит неотступно и за мной. Ходил там, ходит и здесь, в Израиле. Каждый раз, когда сажусь в автобус, мой мозг мгновенно срабатывает, как компьютер, и на экране моей памяти невольно возникают страшные картины терактов. Страх и автоматизм живут во мне рядом. Но второе со временем заглушает первое. Я уже привыкаю, хотя этот страх не уходит из меня, а где-то опускается и тихо спит на дне моего сознания. Я - человек, всего-навсего человек. Не Бог, не кудесник и даже не шаман. И я всё равно боюсь. Но мужество как раз в том, чтобы уметь заглушить в себе этот страх, заставить не бояться. И я его заглушаю, хотя забыть совсем не могу. Но это совсем не бесстрашие. Это что-то другое. Моя война с "братиками" была из серии тех, о которых говорят: "не на жизнь, а на смерть." Война открытая и тайная продолжалась. Порой дело доходило до попыток моего физического устранения. Но я не трусил. Я - еврей, рожденный в горах. Я горец. А настоящий горец должен уметь постоять за себя. Может, эти подонки наивно полагали, что у них в жилах текла вода, а не кровь, и им ничего не грозит. Но как раз в том-то и дело, что они не только дрожали, а от страха чуть не накладывали в штаны. Они хорошо знали, что один мой звонок, один мой сигнал бедствия - и к ним придет расплата: у меня было немало друзей среди обкомовских и совминовских официальных лиц и даже среди "крутых ребят", которые узнай о хамстве "братиков", в одночасье сделали бы из них яичницу. Но я никому ничего не говорил: ни "крутым", ни приятелям и хорошим знакомым из "верхотуры". Я решил играть свою игру, чем бы она для меня не кончилась.

Когда "охота" "братиков" на меня не давала результатов, они прибегали к другой подлости: "катали" во все правоохранительные органы в другие

авторитетные инстанции Москвы грязные "простыни" - обычные пасквили, обычные кляузы, главным содержанием которых было одно: как могли доверить такую работу - собственного корреспондента - человеку, у которого брат в сионистском Израиле. Это же враг СССР!

Его на пушечный выстрел нельзя допускать к такому стратегическому оружию, как пресса. И так далее. Но не всё коту масленица. Однажды Всевышний так наказал одного из "братиков", что он, наверно, не рад был своему появлению на свет. Я уже который раз говорю об этом: Бог всё-таки есть. Я иногда бываю обижен на Всевышнего, что он не так быстро казнит и наказывает разного рода мракобесов, идолов, продавших душу дьяволу. Я порой его очень тороплю, забывая, что у Всевышнего совсем другое Время, что у него совсем другое временное измерение. Он видит всё и всех. И каждому воздаёт по заслугам. У него, у Всевышнего просто другие часы, космические. Вообще, в природе нет преступления без наказания. Вся разница во времени. Я много думал о природе Зла. И пришел к заключению, что всё зло - от человеческой спеси, иногда зависти, желания продемонстрировать свое ложное величие. И еще от человеческой глупости и княжеской гордости. Зачем считать себя Наполеоном, если ты всего-навсего маленький комарик? Да, ты можешь укусить, доставить человеку неприятность. Откуда у нас это зло, это высокомерие, это ощущение бессмертия? Откуда это ощущение величия, даже соперничества с самим Богом? Это человеческий порок, это наследственная болезнь величия, которой страдали еще потомки библейского Ноя. У сыновей Ноя, по преданию, было много детей. И у каждого из них было высокое самомнение. Вскоре и сам Бог заметил, что люди после Потопа не стали ничуть лучше, чем до Потопа. И было Ему чем огорчиться. Чтобы как-то прославиться в мире, эти

люди - потомки Ноя - сказали друг другу: "Построим себе город и башню высотой до небес". Но Всевышнему было неудобно это деяние. Тогда еще люди говорили на одном языке и хорошо понимали друг друга. Посмотрел Бог на город и башню, что построили гордецы, и сказал: "Вот один народ и один у всех язык. И не отстанут они от задуманного. Сойдем и смешаем там язык их так, чтобы один не понимал речи другого" (Бытие-Берешит, 11, 6-7). И Всевышний смешал языки людей. И они перестали понимать друг друга, а в результате не смогли осуществить свой замысел. Впоследствии эта недостроенная небесная башня стала называться "Вавилон", т.е. смешение...

Всевышний был милостив ко мне и продолжает быть таким в двух отношениях: он не наделил меня манией величия и не вселил в меня такое зло, как зависть. Я никогда и ни к кому не испытывал это противное чувство. В 20 лет я уже много печатался и очень скоро заслужил репутацию хорошего поэта, подающего радужные надежды. Я был горделивым человеком по натуре, с "фасада" я казался таким недоступным, какой-то неприступной крепостью. А на самом деле был до предельного прост, в том числе и в обращении с людьми. Я знал на своем веку безграмотных чистильщиков сапог, которые мнили себя чуть ли не королями. Надменность так и выпирала из них, как пар из старого паровоза. Таких же безграмотных и бездарных, но чрезмерно чванливых мне не раз приходилось встречать не только в сапожных будках, но и в роскошных министерских апартаментах и на

университетских кафедрах, да где угодно. Осознавая свое природное несовершенство, эти люди стремились как-то чем-то другим компенсировать свое умственное, а порой и физическое уродство. Они прекрасно знали о своей неполноценности. Это были люди, о которых принято говорить: "без царя в голове". Бездарные, они завидовали одаренным и талантливым. В руках многих из них были, к сожалению, судьбы людей. И они делали всё, чтобы испортить другому как можно больше крови. Я никогда и ни к кому в своей жизни не испытывал зависти, а тем более зла. Это было не в моей натуре. Но мне завидовали и делали много зла, и даже ненавидели. Просто так - ни за что. Что правда, то правда: постоять за себя и за тех, кто этого не может сделать сам, я любил. Таков характер. А так, чтобы кому-нибудь сотворить зло - никогда! Могу что-нибудь сказать сгоряча, но сразу же забуду про обиду. Зла на сердце не держал никогда. А вот на меня держали. Моих бесплатных врагов хватит на целый железнодорожный состав. Мне всегда "везло" на бесплатных недругов, приобретенных без единого цента, посланных мне, как говорят в Израиле, как "матана", и пришедших в мою жизнь из ниоткуда. Человеческое зло и месть безграничны. Этим человек и слаб. Ученые доказали давно, еще со времен Чарлза Дарвина, что человек - несовершенное существо. Мстят маленькие люди - пешки на шахматном поле жизни. Мстят люди масштабные, говоря шахматным языком, в ранге короля или ферзя. Как-то в пору моей далекой и невозвратной юности в один из весенних дней столица Дагестана жила в преддверии незаурядного события: по пути следования в Азербайджан, в Махачкале на очень короткое время остановится поезд, на котором едет сам Никита Хрущев. В то время я был студентом и очень активным автором молодежной прессы и даже иногда пописывал во всесоюзную "Комсомолку". У меня тогда еще не было солидного

пурпурного удостоверения московского репортера. Но какой такая бумага местного корреспондента была. Задание было ответственное. Впервые в жизни я должен был сделать такой важный репортаж. Со своей "бумагой" мне удалось пробиться сквозь милицкий кордон. Моя напористость была столь велика, что к своему удивлению, я оказался прямо у вагона главного пропагандиста кукурузы и довольно строптивного коммуниста номер один, пожелавшего побить мировой рекорд по легкой атлетике - догнать и перегнать Америку. Первоначально планировался митинг на привокзальной площади. Но затем события развернулись по-другому: народ на встречу пришел возбужденный и не очень довольный Никитой Сергеевичем. Это было время перебоев с хлебом. За пару буханок надо было караулить всю ночь напролет у хлебного киоска. До того, как в Никиту полетели тухлые яйца, я не успел перекинуться с ним даже одной фразой. Я запомнил его холеное, мясистое лицо. Мой репортаж по задумке должен был быть праздничным и торжественным.

А вот праздника не получилось. Без малого 37 лет прошло с тех пор, а память сохранила всё. В Махачкале Хрущева встретили не очень. В древнем Дербенте закидали вообще. И не только яйцами, но и тухлыми помидорами. Понятно, Дагестан - это Кавказ, а значит, родина Сосо Джугашвили, известного в мире под другим именем, на которое молились, которого боялись. Это имя наводило страх на его многочисленных недругов и даже друзей, которых у него было не так уж и много. Я говорю о Сталине. "Серый кардинал" победил Троцкого, Бухарина, Рыкова. Победил даже Адольфа Гитлера - человеко-ненавистника всех времен и народов. Лишь один человек победил его самого. И этим человеком был Никита Хрущев.

Любопытное и коварное существо человек. Порой страшнее любого удава и тигра. Эти сильные и очень опасные хищники не знают хитрости - идут в открытый бой. Долго, очень долго вынашивал бывший шахтер свою давнюю обиду на хозяина Кремля и одной шестой части планеты Земля, терпеливо выжидая своего звездного часа, чтоб отомстить грозному властелину. Человеческую натуру не могут изменить никакие посты и никакие звания. Говорят, что все люди рождаются ангелами. Действительно, все дети прекрасны. Они еще не испорчены силой власти и властью денег. Они - как мягкая, податливая и благородная глина, из которой можно лепить всё, что хочешь. Ни одна девочка не рождается змеей. Это уже потом, став взрослыми женщинами, некоторые из них становятся гадюками, от укуса которых могут погибнуть люди. Мир живет по Дарвину. Думаю, что это самый понимаемый и самый гениальный из всех мужей науки - живых и мертвых, канувших в Лету и еще будоражащих сегодня умы своих соотечественников. В мире идет открытая и тайная борьба видов. Один поглощает другого. Борьба не на жизнь, а на смерть! В животном, нецивилизованном мире этот спор решается проще. Здесь успех определяет физическая сила. Человек - хищник особого рода. Здесь победа определяется другим феноменом, - изощренностью, коварством, гибкостью ума, хладнокровием и умением владения искусства перевоплощения - быть великим артистом, мило улыбаясь в лицо, зверски всаживающим кинжал в спину. Вся жизнь Никита Хрущев ползал на коленях перед "железным" генералиссимусом, скрывая свою патологическую ненависть к этому человеку. Напротив, Иосиф Сталин питал к Никите искреннюю симпатию, не подозревая, какую гремучую змею он держит у себя в руках. Еще в студенческие годы и уже в эпоху Хрущева мне попала

в руки маленькая брошюрка, пожелтевшая от времени и датированная 1946 годом. Это была речь Сталина на встрече с избирателями в Бауманском районе Москвы. Любопытно, что первая же фраза генералиссимуса касалась личности Никиты Хрущева. Вот этот документальный текст: "Наш Уважаемый Никита Сергеевич представил меня как организатора всех наших великих побед. Всё это я отношу к вам, моим избирателям, к великому советскому народу." Великий "актер", великий политический авантюрист Никита Хрущев сумел собраться в кулак, даже краем глаза не выдав того, что накопело у него в груди, жажды мести. А ведь совсем незадолго, за каких-нибудь пару лет до этой памятной встречи, он в прямом смысле ползал в ногах у Верховного, умоляя этого Иосифа, беспощадного и к людям, и к самому себе, не расстреливать его сына, который попал или сдался в плен и вел в лагере для военнопленных антисоветскую деятельность, агитируя там всех "русских" перейти на службу к "Великой Германии". Его деятельность приняла угрожающие размеры. Эта информация дошла до Сталина. Его приказ был однозначен: во что бы то ни стало выволочь предателя из плена и судить по всем законам военного времени. Разведчикам удалось выполнить этот важный приказ командования: Хрущев-младший был вызволен из немецкого плена. Потом был трибунал. А потом и расстрел. Слезы Хрущева не разжалобили сурового генералиссимуса. Целых 10 лет держал Никита эту обиду внутри себя, до того заветного дня, когда по его приказу, уже после смерти Сталина, арестовали Василия - сына "отца народов". Было долгое следствие и долгий судебный процесс. Молодой генерал был обвинен в хищении и растратывании государственных средств в особо крупных размерах. А это были все-навсего деньги, ушедшие на строительство водных бассейнов и других спортивных комплексов. В текст

обвинения было вписано всё - вплоть до бесплатной курицы, привезенной к нему на дачу. Хрущев мстил мертвому отцу генерала и "отцу всех народов", который, как теперь подозревают некоторые историки, умер не своей смертью и был совсем не богатым человеком. На умершем были истоптанные ботинки, все в дырах. Неудобно было выставять генералиссимуса в такой обуви в Колонном Зале Дома Союзов на обозрение тысяч и тысяч людей. Но при осмотре гардероба вождя другой обуви не нашлось. И если говорить о людях, упоенных сладостью мести, то самым счастливым из них был Никита Хрущев.

Но прошло время. И его самого вышибли из седла. Без пышных проводов и благодарственных слов. И сделал это уже другой "властелин", его же соратник - Леонид Брежнев, с которым спустя годы свела меня беспокойная репортерская судьба. И тоже встреча очень короткая, почти мимолетная. Специальный правительственный экспресс "на всех парах" вез генсека в Баку, где его с распростертыми объятиями ждал хозяин Азербайджана Гейдар Алиев. На перроне, где должен был "приземлиться" маршал Брежнев, был выстроен почетный караул из красивых солисток всемирно известного танцевального ансамбля "Лезгинка": одна девушка стройнее другой, со станом шекспировской Офелии. И рядом, разумеется, чекисты-охранники в добротных гражданских костюмах с модными галстучками. Не обошлось и без нашей братии "щелкоперов", таких легких на подъем, пришедших сюда на работу и в надежде на хороший буфет, где можно опрокинуть боевые сто грамм по такому торжественному случаю. Вот, наконец, экспресс появился.

Наступила торжественная минута встречи дорогого гостя. Леонид Ильич, улыбающийся и в хорошем расположении духа, в окружении свиты опустил на перрон, украшенный коврами дорожками. Музыка,

цветы, аплодисменты. И ни одного тухлого яйца. Встречали, как Бога. Может быть, когда на нашу грешную землю придет Машиях, его встретят подобным образом. Встреча была празднично-театральной - с блеском и помпой. Я пристроился поближе к танцовщицам, ибо знал наверняка и был убежден, что генсек мимо красивых и очаровательных мадонн не пройдет. Но мне помогали не столько девушки из "Лезгинки", сколько пурпурно-красная книжечка корреспондента Москвы и спецпропуск. Книжечка действовала магически: меня никто не беспокоил. Это давало шанс хотя бы на пару реплик с генсеком. "Хозяин" Дагестана Магомед-Салам Умаханов делал "доклад" хозяину Кремля и четырех Звезд Героя, а взор Леонида Ильича пожирал "лезгинок". Доклад был коротеньким. Поблагодарив Умаханова за прием, генсек тут же произнес сакраментальную фразу: "Какие красивые девушки!" Минутой позже он был занят веселой работой: медленно шел по кругу, пожимая узкие и длинные пальчики солисток. И на этот раз мне опять не повезло: интервью не получилось. Экспресс генсека через пару минут укатил в Баку.

У каждого из нас есть свой Дантес. Но во времена Пушкина была хоть какая-то открытость, существовали строгие правила дуэли. Сегодня же, да и не только сегодня, никаких правил: тебя могут подстрелить из-за угла, взорвать в метро или в автобусе, просто подойти к тебе на улице и дать в зубы. Не знаю, как сейчас в России, но здесь, на священной земле Израиля, где

ждут с нетерпением Машияха, почти у каждого висит на заднице "пушка". Обычно оружие полагается сотрудникам службы безопасности - "битахон". Так неужели здесь, в этой еврейской стране, всё - охранники? Порой кажется, что Время вернулось назад и занесло тебя куда-то в Клондайк, в век золотой лихорадки, на золотые прииски, на берега Миссисипи, а вокруг одни ковбои. Дуэль началась.

Дуэль продолжается. Не один на один. Дуэль племен. И при этом не обязательно иметь при себе оружие вроде пистолета. Есть другое оружие, рана от которого заживает мучительно долго, а если сказать правду, она, эта рана, не заживает никогда - остается глубокой, причиняющей невыразимо мучительную боль. Это оружие - слово. Я живу в Израиле не так уж и долго - всего пару лет. И вот здесь, на земле, именуемой святой, где вроде каждый должен быть каждому братом, иногда встречаешь такое, что хочется вспомнить в этот момент, что ты кавказец, горец, и обязан двинуть по зубам, бросившим тебе ни за что, ни про что до глубины мерзкое и обидное "руси". Но ты сдерживаешь себя только потому, что потом не докажешь свою правоту, не докажешь, что ты не верблюд. "Лех ха-байта, руси!" ("Иди домой русский!") - это для меня очень оскорбительно. Я не русский, хотя моя первая родина - Россия, Кавказ. Я - кавказский еврей. Но я интернационалист. Я уважаю еврейскую религию, еврейские традиции и обычаи, всё еврейское и готов поспорить с любым саброй, что я в десять раз больше еврей, чем те, которые кричат: "Лех ха-байта!" Я смотрю на некоторых сабров, записавших себя в "арийскую расу", и удивляюсь: от них и не пахнет евреем. А что знают эти самые крикуны о тех 27 миллионах "русских", которые погибли на полях сражений и ценой своей жизни спасли мир от коричневой чумы фашизма?

Ровным счетом ничего!

Евреев всегда что-нибудь отличало от тех, среди кого они жили. Обязательно они должны "выкинуть" что-нибудь, удивить мир. И всегда недовольны. Интересно, что сказал о своих единокровцах Нострадамус? Возможно, что-то и сказал, но евреи упорно умалчивают об этом. Видимо, высказывание не очень лестное. Евреи всегда любят "плакать": "плачут", когда есть деньги и всё у них хорошо; "плачут", когда нет ни копейки за душой. В евреях живет эта вечная суета, это вечное недовольство, этот вечный поиск новой правды, нового пути. Зачем, спрашивается, надо было этому еврею Иисусу сыну Марии мутить воду и раздуть этот вечный огонь вражды, которому нет конца и по сей день вот уже два тысячелетия подряд? И не он ли дал еврею столько бед и страданий? Один еврей, приносящий зло целому народу на протяжении многих поколений! По пути Христа уже в наше время пошел другой еврей, предавший Тору и ставший под знамена православной церкви, сменив звезду Давида на христианский крест и став священником. Его жизнь закончилась трагически: он был убит. И по сей день его убийство остается загадкой двадцатого века, а может, останется таковой и на вечные времена. Речь идет об Александре Мене - еврейском блудном сыне.

Трудно сказать, зачем оставил свой еврейский стан Иисус. Еще трудней ответить, зачем это сделал Александр Мень. Может быть, ответ на всё это может дать библейская притча: "У одного человека было два сына. И сказал младший из них отцу: "Отец, дай мне причитающуюся часть имения". Отец согласился и разделил имущество. Младший сын, собрав всё, пошел странствовать и там расточил свое богатство, живя беззаботно и распутно. Когда он прожил всё, в стране начался великий голод. Он начал нуждаться и пришел к одному из жителей. Тот послал его пасти свиней. Он был рад наестся рожками, которые ели свиньи, но

никто ему даже этого не давал. Придя в себя, младший сын сказал: "Сколько наемников у отца моего, избыточествуют хлебом, а я умираю от голода. Встану и пойду к отцу моему и скажу ему: "Отче, я согрешил против неба и пред тобою и уже недостойн называться сыном твоим". Нет, что ни говори, евреи - народ особый! Народ Бога. И священник православной церкви, еврей по национальности, Александр Мень - не исключение в этом ряду. Его судьба столь же трагична, как и судьба всех его собратьев и "сестер". А история еврейства - это Театр абсурда, где драматизм замешан на комических, порой не очень понятных, но очень смешных эпизодах. У нас на Кавказе пожилой еврей, завидя еще издали чью-то затерявшуюся свинью, в страхе зажмурил глаза: со свиньей еврею не положено встречаться. А тут, в Израиле, еврейской стране - ее продают в открытую на самом престижном рынке Тель-Авива! Причем в ассортименте: хочешь - сало, хочешь - фарш или просто хороший кусок свинины. Нет проблем. Евреи, кушающие сало? Я об этом впервые услышал не в Москве и не на Кавказе, а в Израиле. Оказывается, 700 "русских" магазинов продают это "белое мясо". Раз продают, значит - покупают, значит - едят. Арабы не кушают. Значит, кушают евреи? Одно время уважаемые раввины возмущались: как можно допускать такое свинство?!

Но депутаты из русской партии на заседании кнесета объяснили, что это деньги. А поскольку евреи любят деньги, как родную маму в дни большого праздника Песах, то раввины сдались на милость новых русских. Вопрос был исчерпан. Номер со свинством прошел. Победила логика римского императора Веспасиана: "Деньги не пахнут".

*И маленький человек
может видеть большие сны.
(Из поговорок моей матери)*

Я тоже вижу их. И много. Цветные и чернобелые. Страшные и не очень. Из детства. Из юности. Из вчерашнего дня. А всё больше из той, прошлой жизни, оставшейся теперь на другой земле и другой планете. Эта планета - Кавказ. Это Дагестан - земля моего исхода, земля, на которой родились и жили до меня множество поколений - предки моих предков. Мне снятся сны... Никогда не знающий покоя седой Каспий и невысокая гора Анджи-Арка у самого буйного и седого моря. Мне снятся сны... Моя родная улица Оскара, в шутку прозванная Оскара-стрит - знаменитая еврейская улица в Махачкале, некогда мощенная грубым булыжником. И маленькие, тесные дворы на ней с низкими домиками из саманного кирпича. И стая домашних голубей, выделывающих в небе над Оскаром, как на воздушном параде в Тушино, каскады "мертвых петель", фигуры высшего пилотажа. И соседка Эстер, в минуту отчаяния и озлобления на своих непослушных сыновей - сорванцов, устраивающая гражданскую "казнь" над двумя такими же, как ее сорванцы, голубями. Мне снится и один из этих сорванцов-"разбойников", со слезами на глазах докладывающий другому братику: "Батой, клянусь нашими любимыми дядями - Хагеем и Мадахом - сизый дышит!", при этом держа в руке сизого, "играющего" голубя с гордой крохотной головкой гордеца-беркута.

Мне снятся сны... Мне снится Кавказ и молодой, совсем еще юный поручик Лермонтов. И уже не во сне, а наяву, удивляя, может быть, кого-то из

прохожих, идущих по оживленной улице Аленби в Тель-Авиве, шепчу строки поэта:

*И над вершинами Кавказа
Изгнанник рая пролетал:
Под ним Казбек, как грань алмаза,
Снегами вечными спал.*

Кто-то из древних сказал: "Я думаю, значит - я живу." Сколько помню себя, мне всегда любопытно было знать, откуда я и кто мои далекие предки, жившие еще во времена Александра Македонского или в не столь отдаленные по меркам истории времена? Кто расскажет мне о них? Старые письма? Но их не так много. Есть предания и есть легенды. С незапамятных времен в горах Кавказа жили люди, которые считаются сегодня моими прямыми предками. Их называют по-разному: кто кавказскими, кто горскими евреями. А есть у них еще третье название - таты. Это уже по языку. Я горский еврей, говорящий на татском наречии. История моего маленького народа уходит в седую древность, в преданья старины глубокой.

Кем же всё-таки были мои далекие-далекие предки? Почему так много "белых пятен" в их происхождении? В какое время и почему они появились именно на Кавказе? Вопросы, вопросы, вопросы... Татами они стали называться с легкой руки тюркских завоевателей, обозначивших этим словом всех своих пленников, говоривших на фарси. Вот как раз это и послужило предметом яростных споров и дискуссий на извечную тему: "Кто есть кто?" Горский еврей, писатель Хизгил Авшалумов вступил в яростную полемику, обвинив всех и вся во всех смертных грехах, доказывая всем, что он, Хизгил Авшалумов, вовсе не еврей, а всего-навсего тат, к стыду своему забыв или ничего не зная

о родословной своих предков, выставил себя напоказ таким знатоком не от мира сего. Здесь ничего удивительного нет: и писатель может быть обыкновенным дилетантом. Но старый писатель, автор новелл о хитроумном Шими-Дербенди совсем запомнил, что еще почти 60 лет назад у него на этот счет было совсем другое мнение. Тогда он признавал горских евреев как народность. Доказательства тому есть. И первое среди них - книга самого писателя, которая так и называлась: "Татский фольклор горских евреев". Человек есть человек. И каждому дано заблуждаться. А может быть, здесь писателем двигало другое: "генерал" чувствовал, что солдаты покидают его и он остается на поле битвы совершенно один. Это можно расшифровать так: народ уезжает. А что такое писатель, книги которого уже некому читать? Но дело не в этом. Хизгил Авшалумов сказал то, что хотел сказать: "Таты - это таты. Горские евреи - это горские евреи." Ни больше, ни меньше. И он прекрасно осознавал, чего может стоить его нигилизм целому народу. Этим "открытием Америки" Хизгил взбудоражил не только своих соотечественников и единоверцев, но и ученых мужей, поставив всё с ног на голову. Что же касается самих горских евреев, то первые сведения о них можно найти в свидетельствах еврейского путешественника Эльдада ха-Дани, жившего во второй половине девятого века, арабского историка Масуди (10 столетие), Витсена, составившего еще в 1690 году описание этой народности. Впервые в мировой практике научно подошел к изучению проблемы горских евреев академик Всеволод Миллер. Его исследования отражены в таких публикациях, как "Материалы для изучения татско-еврейского языка", "Татские этюды", "Очерк татско-еврейского языка". Всеволод Миллер, бывший председателем этнографического отделения Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и

этнографии, очень много сделал для того, чтобы собрать и систематизировать все имеющиеся письменные источники. Работу по изучению языка и происхождения горских евреев продолжил его сын - профессор Борис Миллер. Это ему принадлежит заслуга в организации научной экспедиции по местам компактного проживания горских евреев на территории Азербайджана. По завершении этой экспедиции им были опубликованы две серьезные работы: "Таты, их расселение и говоры" (Баку, 1929) и "О кубинском говоре горских евреев" (Записки Института востоковедения Академии наук, 1932).

Известно, что предки нынешних горских евреев обосновались в горах Кавказа с незапамятных времен. Бытует немало легенд, преданий и противоречивых версий об их происхождении. Так, по одной версии горские евреи являются прямыми потомками хазар, которые еще в шестом веке были единоличными правителями обширной территории Дагестана и Азербайджана, именовавшегося в древности Мидией, а затем Албанией. В пользу этой версии говорит тот факт, что столица хазарского царства (каганата) - Семендер - была обнаружена совсем рядом с дагестанским аулом Тарки. По другой версии ученых (ее поддерживают и большинство религиозных авторитетов), горские евреи - потомки тех иудеев, которые попали в плен к вавилонским завоевателям и были вывезены из Иудеи на новые земли. Во всяком случае, всё это относится к событиям 25-вековой давности. Надо отдать должное - и сами горские евреи не остались в стороне от изучения своего этноса. Ровно 110 лет назад Илья Анисимов - уроженец того самого аула Тарки, что соседствует с древнехазарской столицей, еще будучи студентом Московского технического училища, при содействии Московского Археологического общества предпринял важную научную экспедицию. Его исследования языка, жизни

и быта горских евреев нашли отражение в сборнике по этнографии, вышедшем в 1888 г. Здесь надо отметить, что даже такой корифей, как Всеволод Миллер, не раз обращался к публикациям Ильи Анисимова. Интересно, что продолжателем работы первого исследователя из числа горских евреев стал его племянник - доктор филологических наук Нафтали-Цви Анисимов.

О родстве и близости хазар и горских евреев говорят официальные источники. Один из них - "Хазарская книга" Йегуды Галеви (12 век). Кроме того, сохранились свидетельства Йегуды Эль-Барцелони, собранные в его "Книге времен". Хазария занимала обширную территорию Дагестана, нынешнего Азербайджана, Северной Осетии и Юга России, т.е. места компактного проживания горских евреев. По словам арабского писателя Масуди, иудейство среди хазар распространили именно горские евреи. Далекое прошлое и современность тесно переплетены в истории горских евреев. Город Дербент, которому свыше 2500 лет, по своей древности и значимости в прошлом может легко поспорить с такими городами, как Бухара и Самарканд. Когда-то город имел большое стратегическое и торгово-экономическое значение.

В 1722 г. во время своего морского похода в Дербенте побывал царь Петр 1. Спустя столетие здесь жил декабрист и писатель Бестужев-Марлинский. Его кавказские повести были встречены с восторгом. В Дербенте много достопримечательностей. Одна из них - знаменитая Дербентская Стена, чем-то напоминающая Стену Плача в Иерусалиме. Среди других городов, где было много горских евреев, можно назвать Моздок в Северной Осетии. Моздок - это по существу, Бабий Яр горских евреев. Печально, что Моздок, где гитлеровцами были заживо погребены тысячи евреев, не значится ни в одном из списков, в которых говорится о Катастрофе еврейства. Это

оскорбление светлой памяти всех замученных на этой земле людей. В истории горских евреев немало героических страниц. Волей судьбы одна из горских евреек была женой младшего сына имама Шамиля, 25 лет воевавшего против России. Известный дагестанский краевед Булач Гаджиев в своей книге "Дорога на Гуниб" отмечает беспримерную храбрость этой иноверки - еврейской девушки. В Гунибе - последней цитадели имама Шамиля - она с мечом в руке перебегала от одного рубежа к другому, вдохновляя упавших духом защитников крепости. Видавшие виды воины-горцы удивлялись ее храбрости. Горских евреев испокон веков относили к числу отважных и отчаянных.

Примером могут служить их ратные подвиги в годы Великой Отечественной войны. Шатииль Абрамов удостоился высокого звания Героя Советского Союза за мужество и находчивость при переправе через Днепр. Золотой Звездой Героя украшена и грудь другого горского еврея - Иллизарова. Бессмертный подвиг летчика Гастелло повторил на земле танкист Мардахаев, направивший свою горящую машину на гитлеровцев.

Как и всякий восточный народ, горские евреи любят песни, музыку, танцы. Яркой звездой засияло на небосклоне искусства мастерство незабвенного Танхо Израилова. Это благодаря его стараниям и таланту родилась "Лезгинка" - танцевальный ансамбль, покоривший весь мир. Не осталось на земле континента, на котором бы не побывал этот коллектив. Посмотрев первую программу этого уникального театра танцев, народный поэт Расул Гамзатов сказал: "Это танцы, от которых могут воскреснуть даже мертвые!"

Горские евреи сказали свое слово и в науке. Достаточно напомнить имя одного из них. Это Микельанджело 20 века академик Гавриил Илизаров,

которому тысячи людей обязаны своим возвращением в жизнь. Среди таких людей олимпийский чемпион Валерий Брумель. Сегодня, как и много веков назад, судьба разбросала горских евреев по всему свету. Их можно встретить в Америке и в Австрии, в Израиле и в Австралии. В жесточайших условиях им удалось выжить, сохранить свой язык, обычаи и культуру. А главное, удалось сохранить свое еврейство. Но писатель Хизгил Авшалумов продолжает своё: он упорно настаивает на том, что горские евреи, говорящие на татском, это таты. На него ополчились не только ученые мужи. И простой люд довольно агрессивно встретил это "открытие Америки". Я знаю Хизгила лично и однажды, когда случай свел меня с ним в одном обществе, я без лишних предисловий и дипломатических трюков сказал ему откровенно, что он неправ и что надо думать о весьма печальных последствиях таких голословных заявлений. "Посмотри лучше в зеркало", - сказал он, стараясь произвести впечатление. "Они разные, эти зеркала", - парировал я. - "Зеркала могут быть и кривыми, как в комнате смеха. А история к этому отношения не может иметь." - "Нет, ты всё-таки возьми зеркало!" - настаивал он. На этом наша дискуссия завершилась. С того дня прошло много времени. Понял ли писатель Авшалумов абсурдность своей теории? Не знаю. В последний раз я видел его года три назад. Но я не стал возобновлять наш спор в силу его никчемности и бесполезности. Спор решился не в его пользу. Невозможно заблудиться в трех соснах. Да и вопрос уже был не актуален. Горские евреи не восприняли призыв "отца" хитроумного Шими Дербенди отныне именовать себя не евреями, а татами. Этот разговор уже был ни к чему: на улицах Махачкалы и Кизляра, Хасавюрта и Дербента уже не слышно стало этого напевного говора, этого самобытного языка, близкого к фарси.

Я живу на войне. Живу давно, сколько себя помню. Наверно, жизнь на войне досталась мне по наследству, как и гены, как и этот горячий, взрывной характер и доброе милосердное сердце при всём том грязном и жестоком, что я вижу. Всё это досталось мне от давних и древних предков, о которых сегодня много могли бы рассказать серые и немые камни старых заброшенных кладбищ в местах, где ныне живущие новые люди и не подозревают, что когда-то здесь жили племена сынов Моисеевых. Я живу на войне. И каждое утро, вставая с рассветом, благодарю Всевышнего за то, что жив. Я - солдат. И я на поле боя. Я каждый день становлюсь под ветхие, но очень дорогие мне незримые знамена предков, история которых и есть Энциклопедия жизни. Я мысленно листаю эти страницы. Они завораживают меня. Я слышу дыхание веков. Я возвращаю Время. Кавказ, где с незапамятных времен жили мои соплеменники - горские евреи, - на своем веку видел немало завоевателей. Нашествие арабов сменилось нашествием персидских и монгольских полчищ. Особенно отличились монгольские завоеватели в 13 веке. Более ста лет они бесчинствовали и занимались настоящим мародерством. Огромная территория от Шемахи до Дербента стала ареной кровопролития. Многое подвергалось уничтожению или варварскому сожжению. Захватчики не знали пощады. Тысячи ремесленников были угнаны в рабство, а молодые женщины превращены в ханских невольниц. Страшному разорению подвергся и главный город горских евреев - Дербент. Особо изощрялись

монгольские душегубы начиная с 1220 г. Массовая резня и разрушения интенсивно велись ими в течение многих лет. Но горские евреи не склонили головы перед варварством чудовищной орды. Они, несмотря на все различия - и в религии, и в обычаях, - вливались в отряды мстителей, сражаясь там вместе с сынами других народов Кавказа.

Но прошли века, история вновь повторилась. Это была уже другая эпоха. На этот раз свирепствовал царь Персии Надир-шах, который огнем и мечом пытался покорить чужие земли и другие народы. Без малого 250 лет отделяет меня сегодня от тех суровых дней. Уже совсем другое поколение моих предков приняло на себя нечеловеческую жестокость персидского завоевателя. Снова была в развалинах прекрасная Шемаха. А в Ширване, где проживало очень много горских евреев, по приказу Надир-Шаха из отрубленных человеческих голов был сооружен высоченный минарет. Я думаю, думаю, думаю. На какое-то мгновение память снова возвращает меня в другие суровые дни - дни Великой Отечественной, на другой полюс - в город Моздок, что в Северной Осетии. Я никогда не знал в лицо и никогда не увижу ни одного из них, павших на этой земле от рук гитлеровцев. Они все погибли мученической смертью. Фашисты заставили их выкопать огромные рвы, а потом, забив прикладами автоматов, затолкали в эти огромные могилы: они заживо погребли ни в чем не повинных людей: стариков, женщин, детей. Уже потом, спустя годы, очевидцы из неевреев, испытывая страх и ужас, рассказывали другим людям о той страшной трагедии, постигшей моих земляков на осетинской земле.

Я не из трусливых и совсем не из робкого десятка: могу и на волка пойти в рукопашную, если нужно и если уже отступать некуда. Но каждый раз, вспоминая эту жуткую историю, которая произошла не со мной,

но с моими родными людьми, меня охватывает бешеная злоба. Я хочу кричать на весь мир об этом зле, об этом варварстве. Много говорят и вспоминают о Бабьем Яре. Я не ашкенази. Я горский еврей. Но Бабий Яр - это моя боль и моя скорбь, моя печаль и моя тревога. Моя трагедия хотя бы потому, что я еврей. Но к великому моему сожалению, я никогда не слышал ни от одного ашкенази, чтобы кто-то из них хотя бы раз вспомнил об этой трагедии иноверцев. Да, они никогда не говорили на идише. Разве это меняет дело? В Израиле сегодня собрались евреи со всего света, и у всех разные языки. У кого-то идиш, у кого-то ладино, а у кого-то татский - язык горских евреев. А здесь в Израиле у них у всех - иврит. Ведь это один народ. И боль одного или радость одного должна быть болью или радостью всех остальных. Да, надо говорить и даже кричать о Бабьем Яре, но хотя бы тихо, хотя бы иногда шепотом надо говорить и о моздокской трагедии.

Я глубоко убежден, что невозможно понять и оценить Настоящее, Сегодня, не вникая хотя бы немного в Прошлое.

Это естественно: я же не свалился откуда-то с небес. Я пришел от них, от моих далеких предков. Я их посланец. Кто лучше меня может знать мою историю, мою родословную? Да никто, ни один академик, ни один авторитет науки! Я листаю Время. Воскрешаю в памяти жизнь моих далеких предков. Эта жизнь для меня, как далекая сладостная музыка Моцарта и Сарасата. Седая древность. Кем были мои далекие предки? Что заставило их переселиться на Кавказ? Кто такие хазары? Что роднит это мужественное племя с моими предками?

Вопросы, вопросы... Пока у большой науки нет точных ответов на всё это. Но есть незначительные письменные свидетельства, предания, мифические сказания и версии, версии. По одной из них, горские

евреи - прямые наследники хазар. Это шестой век. Это открытия последних лет. А я открыл Хазарию давно. Пацанами мы часто ходили в горы, пешком, гурьбой отправлялись в небольшое дагестанское селение Тарки, в двух шагах от которого спустя многие годы археологи раскопали некогда цветущий Семендер - столицу всемогущего хазарского каганата. О многом - интересном и любопытном из жизни этого гордого племени рассказывает "Хазарская Книга" Йегуды Галеви. По-разному пишут о хазарах. По свидетельству одних, -это гордое кочевое племя, возродившее к жизни новое еврейское Царство после великой Катастрофы - разрушения Второго Храма. По свидетельствам других - это настоящие воины, бравшие дань с русских князей.

Я листаю Время. И передо мной встают смутные образы хазарских царей, с именами так похожими на имена наших близких сородичей: Авадья, Хизгияу, Хануко, Исаак, Нисим, Иосиф. И я снова обращаюсь к "Хазарской Книге" Галеви и мысленно представляю этого титана и мудреца хазарского царя Булана, которому приснилось однажды, что к нему пришел сам Ангел Божий и сказал ему, что все его намерения достойны царского сана, но дела его неблагоприятны. И уже на следующий день пригласил Булан известных мудрецов, каких только знал, - из числа иудеев и греков, христиан и мусульман, больших знатоков и толкователей Торы. Рассказав о своем сне, сам мудрец стал выслушивать мнения и советы других мудрецов. А выслушав всех, выбрал для себя и народа своего закон Торы. Сегодня "Хазарская книга" почти забыта, и в нее мало кто заглядывает. Не заглядывают в нее даже израильские школьники, которым она рекомендована для чтения. Но ничто не вечно под луной. Пала и

некогда могучая Хазарская империя. А с ее падением наступили и не самые лучшие дни для горских евреев. В их жизни уже в который раз. началась новая страшная и скорбная страница, трагическая страница, трагическая летопись моих дорогих и далеких предков, от которых осталось не очень много повествований. Я листаю Время, которое ушло давным-давно, которое не вернуть уже никогда. Я медленно иду по развалинам древнего Курдевана и старинным кладбищам Шемахи. И мне порой кажется, что я и есть посланец того давно ушедшего Времени, который снова пришел на эту землю предков.

Я снова иду по древнему поселению, что гнездится у сказочного ущелья "Джуут-Гатта". Медленно поднимаюсь по древним камням, на которых еще сохранились еврейские письмена. Я возвращаю Время. Иду по заросшим травой забвения следам летописцев и путешественников. Историк древности Масуди приводит меня в Зерейхгеран, нынешний дагестанский аул Кубачи - аул златокузнецов, известных на весь мир своими редкими изделиями из серебра и золота. Я вхожу в десятый век и узнаю, что и на этой земле когда-то жили мои предки. Другой историк, тоже живший в десятом веке, приводит меня в столицу хазар Семендер, в его еврейские синагоги. Путешественник Эльдад ха-Дани перебрасывает меня на сто лет назад, в девятый век, на берега седого Каспия - в Персию и Мидию, к заветным местам, ставшим колыбелью горских евреев. Великое переселение народов... Да, такое было в истории человечества. А скорбная летопись кавказских евреев - это совершенно другое: это книга трагической судьбы маленького народа, когда-то выведенного из

Палестины вавилонскими и ассирийскими царями. Всё смешалось - свидетельства очевидцев тех времен, легенды и предания, Время Забвения и Время воскрешения.

*Никогда не жалуйся по поводу того, что на крыше дома
твоего соседа лежит снег, если порог твоего собственного
жилища утопает в мусоре.
(Из поговорок моей матери)*

В Израиле меня удивляет всё: и манера поведения людей, и одежда, и быт, и даже рынки. Для первого знакомства достаточно приехать в Тель-Авив и совершить небольшую экскурсию на Шук Тиква или Шук Кармель. Начинающему певцу не надо поступать ни в какую консерваторию: лучших "учителей пения", чем продавцов, рекламирующих свой

товар, пожалуй, не найти нигде. Фольклорное искусство на высшем уровне. Продавцы-зазывалы оригинальны в своем творчестве. Пение - не самоцель. Обычно оно сочетается с юмором: "Балабайт, то есть хозяин - дурак: всего за три шекеля килограмм таких сочных яблок", или "Подходите сюда, почти без денег". Все образцы устного народного творчества передаются в мощных баритонах и тенорах горластых хозяев товара. И самое удивительное, что на базарах каждый день многолюдно. И покупают, и покупают. Шук Тиква в этом смысле уникальный островок. Только здесь - и нигде больше вы не встретите услужливых "водителей" агалы. Что-то наподобие рикш. Я никогда раньше до своего приезда в Израиль не видел, чтоб люди в один раз покупали столько много продуктов впрок, словно боясь, что завтра всего этого может и не быть. А завтра начинается то же самое: опять толчея на рынке, опять бесплатный "концерт" рыночных балабайтов, опять перегруженные овощами и фруктами прилавки. Хотя это и рынок - никто не торгуется: всё равно ни на одну агору не уступят. А вечером многое из непроданного выбрасывается прямо на землю. Милосердие в действии? Не все в Израиле, да, как и впрочем и повсюду, живут одинаково: есть слишком богатые, есть бедные. Ты живешь на еврейской земле, для характеристики которой часто прибавляется эпитет "священная". Ну, где же эта святость, это милосердие? Почему не продать чуть дешевле, чтоб это было по карману и бедному? Зачем продукты бросать, как мусор? Это необъяснимый израильский парадокс. Мир в общем и люди в частности, любопытно устроены. Каждый упивается и наслаждается чем-то. У кого-то

наслаждение от громкой, бьющей по голове музыки, у кого-то от времяпрепровождения в обществе гомосексуалистов и лесбиянок. А кто-то находит удовольствие в том, что бросает на землю нереализованные апельсины и куриные потроха и наслаждается тем, как не разгибая спины, несколько мужчин и женщин аккуратно выбирают всё это из груды мусора. Я не могу, да наверно, и не имею права осуждать ни тех, ни других, хотя бы потому, что первые - хозяева и делают со своим товаром всё, что захотят. А вторых тоже никто не заставляет унижаться и идти собирать брошенное. Я не могу осуждать. В жизни бывает всякое. Это такая коварная штука - жизнь - может преподнести человеку такие сюрпризы, подстроить такую ловушку и западню, что потом не выберешься оттуда во веки веков. И тем не менее, я испытываю двоякое чувство: если бы это делала глубокая старушка, я просто пожалел бы ее непременно. Но вот я своими глазами видел и вижу другие картины: когда некоторые подъезжают к рынку на своих "мерседесах" или "тойотах", на машинах других престижных иномарок. Оставив их в стороне, они чуть ли не целыми бригадами направляются на сборы. Делают то же самое, что и одинокая, бедная старушка. Только у них это дело поставлено на поток. Они приезжают на этот промысел со специальным инвентарем: коробками, сумками, тележками. Каждый человек живет по своей совести. Я никогда не различал людей по национальной принадлежности. Для меня важным всегда были и остаются человеческие качества, его "номинальная стоимость": насколько человек интеллигентен, воспитан, образован, насколько в нём запас доброты и обыкновенной

человечности. И при всём этом, кавказский еврей никогда не пойдет собирать брошенное кем-то, даже если он будет умирать с голода. Это я говорю, не потому, что я сам кавказский и хочу своих представить в розовом свете. Это гены. Не пойдет - и всё. Весь разговор. А ведь среди горских евреев нет богатых людей. Напротив, многие в Израиле живут на пособие Битуах Леуми. И не у всех есть машины. Но кто бы ни пришел к ним в гости, горские евреи встретят любого человека, как своего близкого родственника и из ничего моментально накроют стол. Это великолепная кавказская черта. А просить или собирать - это не для них. Это позор. Это стыд и срам.

Есть одна горская поговорка: если не умрешь, чего только не увидишь. Прожив в стране исхода, в России, на Кавказе 50 полных лет, я не успел увидеть в жизни столько всяких всячин, всяких причуд, сколько пришлось мне увидеть за эти пару лет жизни в Израиле, на этой священной земле, именуемой Эрец Исраэль. В своей жизни, особенно репортерской, мне пришлось перевидеть людей всех "сорт" и всех уровней: красивых лицом и уродливых душой, физически здоровых, но безбожных трусов, которых свет не видывал, высокообразованных интеллигентов и безграмотных, чванливых князей, воров государственного масштаба и мелких карманных воришек - санитаров чужих карманов, проституток союзного и местного значения, многие из которых имели семью и мужей и так красиво наставляли им рога, используя местом для своих любовных утех служебные помещения. Но то, что я увидел на святой земле, повергло меня в смятение. Такую коллективную проституцию и культ открытого секса, извините, я

никогда и нигде не видел. Говорят, деньги не пахнут. Дурной пример всегда заразителен. Возможно, я и ошибаюсь, но меня трудно переубедить в обратном: проституция в Израиле - некий гарантированный способ заработать на жизнь. Я не говорю даже о всякого рода массажных кабинетах, открытых и подпольных "домах терпимости", где изо дня в день процветает этот древний бизнес торговли собственным телом. Ни для кого не секрет, что в Израиле любой балабайт питает особую слабость к работающим у него женщинам, независимо от того, замужем они или нет. И если он "положил глаз" на любую из его работниц, то обязательно должен переспать с ней. Балабайт, как и чукча - не дурак. Он - психолог и хорошо знает и уверен в том, что ни одна из "наложниц" из его негласного гарема никуда не пожалуется - ни в полицию, ни собственному мужу, что чревато расколом семьи. Но во всей этой сексомании, вирусом которой заражены тысячи граждан еврейской страны, поражает одежда, которую носят женщины и девушки - это "новое платье для короля" (или "королевы") - такая вызывающая и такая умопомрачительная, что приличней было бы, наверно, ходить в чем мать родила. И есть от чего прийти в возбуждение : девушки и женщины с толстыми и сверхтолстыми бедрами и задками, натянув на всё это прозрачные лосины всех цветов радуги, невольно приводят "бедных" мужиков в состояние повышенной сексуальной озабоченности. Я плохо понимаю в подобной "моде", в какой-то степени не очень понятной, как и сама страна. Может быть, отстал от времени, старомоден. Времена и вкусы меняются. Может быть, я дитя другой системы и другого менталитета, и мне уже никогда не освоить это

В Израиле уделяется сексу не меньше внимания, чем Важным политическим вопросам, скажем, Голанам или Хеврону. Возможно, что я и ошибаюсь. Но мои сомнения уходят прочь, когда я в очередной раз утром, включив радио, слушаю РЭКу, которая сразу же после новостей спешит сделать следующее сообщение: "У многих мужчин в самый ответственный момент на почве диабета или сердечно-сосудистых заболеваний ничего не получается. Но это не повод для беспокойства: в Израиле каждый восьмой мужчина страдает этим. Не надо стесняться. Обратитесь в клинику "Он". Клиника "Он" вернет вам силу."

Секс - реклама на еврейской улице "цветет" и "пахнет", набирая обороты. Но только рекламодатели и ее продавцы, в том числе и довольно известная израильская радиостанция на русском языке - РЭКА, так усердно призывающая всех желающих стать клиентами чудодейственной клиники, никак не гарантируют, наверно, безопасность от другого: а что, если вдруг, получив чрезмерную дозу сексуального допинга, этот самый клиент в самый ответственный момент получит - не дай Бог - инфаркт? Но что делать? Реклама - это бизнес, это - коммерция, и эти понятия никак не вписываются в гиппократовскую формулу: "Не навреди!"

Израиль - страна, живущая по западному образцу. Здесь всё впереमेжку: и политика, и религия, и секс. Я помню, примерно, через месяц после приезда в страну я пришел на аудиенцию в российское посольство, к Александру Бовину. У меня на руках было официальное письмо, адресованное лично ему редактором центральной газеты, собкором которой я был на Северном Кавказе и представителем которой

должен был быть в Израиле. К нашей беседе подключился пресс-секретарь посольства Андрей Мочалов. "Очень любопытная страна". - сказал он- "Будет о чем писать." На многолетнем журналистском поприще, за долгие годы общения с совершенно разными людьми - и по своему интеллекту, и по своему образованию, и по своей манере выражать собственные мысли, - я научился хорошо и безошибочно читать между строк. Любопытная, конечно. эта страна, где в одном городе десятки, а может, и сотни синагог, где много миллионеров и много нищих и бездомных, забытых Богом и людьми существ, у которых вместо нормальной человеческой постели обыкновенная картонка и вместо мягкого дивана уложенный каменными плитами тротуар. Благо Всевышний разместил Эрец Израэль далеко от снегопадов и морозов. Всегда много жаркого солнца и благодатных теплых дней. Но есть пара месяцев "зимы" и здесь. Только вместо обильных снегов идут сильные и непрерывные дожди. В сезон дождей достаточно прохладно. И лежать на голом асфальте не очень приятно. Говорят, что израильские бомжи заблаговременно готовятся к встрече "зимы", не то, что нерасторопные российские работники горисполкомов, скажем, в Норильске или в Махачкале, те самые работники, которые начинают ремонтировать котельные или шоссе и городские дороги не в июле-августе, а в середине января, в самый разгар бушующих морозов, ветров и снегопадов. Израильские бомжи встречают "зиму" во всеоружии: собирают на бесчисленных мусорных свалках старые одеяла, а если их не обнаруживают, то приходится их экспроприировать с бельевых веревок. Любопытная

страна Израиль. Любопытна и по своей древней и уникальной истории, и по укладу вечно фронтовой жизни, и по манере одеваться, и даже есть. Лично у меня такое ощущение, что израильтяне всегда заняты двумя вещами: разговором и кушанием. Очень словоохотливый народ. Едят и пьют везде. И для этого есть все условия: прекрасная погода и сотни уличных кафе и ресторанов, просто забегаловок. И везде выбор на любой вкус. Одним словом, праздник живота. Удивительный народ - любит говорить и кушать. Абсолютно незнакомый человек, едущий с тобой в автобусе, может начать ни с того, ни с сего диалог или дискуссию о проблеме войны и мира, о поступках Биньямина Нетаниягу и Арафата, о российских и местных проститутках. Но израильских бомжей это мало волнует, хотя сами бомжи, особенно для тель-авивской ирии, как зубная боль. Вообще, поговаривают, что при всех муниципалитетах есть особые отделы, ведающие бомжами. Когда частенько прохожу по улице Алленби в Тель-Авиве, при виде этих бездомных и совершенно потерявших вид человека существ, распластавшихся на обычном камне, невольно вспоминаю пьесу Горького "На дне". Это большая трагедия бывших людей. Шестьдесят с лишним лет, как умер этот писатель, а события и люди, которых он живописал, жили в начале века. С тех пор прошло почти сто лет, а человеческая трагедия продолжается. Многие, если не все эти постоянные обитатели и "квартиранты" улиц Тель-Авива давно уже позабыли элементарные человеческие навыки: обросшие и грязные, влачат они жалкое существование. Подобное есть повсюду - в Индии, в Израиле, в России. Казалось бы, такие солидные

государства: Россия, Индия и еще где-то. Всё это мне понятно. Индия - традиционно бедная страна. Россию мучают политические потрясения, криминальная анархия. Но почему Израиль? Почему это происходит на священной еврейской земле? Почему богатые люди, которые, как разменной монеткой, не морщась, могут одарить какую-то смазливую девчонку чеком на десять тысяч долларов в месяц помимо других расходов на их содержание, и почему эти же люди, именующие себя евреями, не помогают таким бедным и таким бездомным? А может, и помогают, только руки на этом греют совсем другие люди. Знакомые старожилы из числа бывших русских рассказывали мне, что бомжей раньше было куда меньше, чем сейчас. Их ряды пополняются сегодня и за счет новых олим: кто-то спился, потерял семью, кто-то однажды споткнувшись, так и не сумел подняться, встать на ноги. Надо обладать незаурядной волей, даже мужеством, чтобы удержаться в Эрец-Исраэль на плаву и чтоб не скатиться в пропасть, как эти уже потерявшие себя люди. Я отчетливо помню, как экс-спикер российского парламента Руслан Хасбулатов незадолго до трагических событий - расстрела Белого Дома - здания Верховного Совета России, в одном из своих выступлений, которое транслировалось чуть ли не на весь мир, произнес одну фразу, ставшую пророческой: "От тюрьмы и от сумы никогда не надо зарекаться". Русскоязычная пресса в Израиле охоча до красивых эпитетов: Эрец Исраэль - историческая родина, "земля наших предков" и т.д. Лжепатриотов хватало в той жизни, на той, российской земле. Их хватает и здесь, на земле еврейской. Бывшие Иваны да Марьи, сегодня в одночасье ставшие Шаулями и

Сарами, до хрипоты надрывают горло, что надо сказать "спасибо" за то, что приютили и обогрели... А вот ни слова о том, что обобрали. Об этом они молчат, хотя может быть, лучше, чем другие, осведомлены об этом.

Эпоха Теодора Герцля и даже Жаботинского давно канула в Лету. Недавно отмечали столетие сионизма. Сегодня настоящих сионистов, людей преданных еврейству, заветам отцов, не так уж, наверно, и много. Хотя и по сей день слово "сионист" в мире является чем-то ругательным. Сионизм, как идея, теория, мировоззрение растерял свои гуманистические принципы и влияние на умы многих и многих тысяч людей. Он превратился в некий красивый миф, который некогда вел людей на эшафот во имя светлого завтра еврейства. "Шатнулся" не только сионизм. Шатнулось само еврейство, призвавшее в свои ряды фальшивых детей Моисея - вовсе не евреев, людей, не стесняющихся кушать и белое мясо. Я думаю, что и Закон о Возвращении - не догма. Есть смысл, видимо, его пересмотреть, если действительно Израиль не хочет обмануться. И неудивительно, что эти самые крикуны и кликуши как раз из стана фальшивых евреев, кушающих свинину. Им здесь рай. Они во сто крат опаснее любых Арафатов. За свою многовековую историю еврейство знало много предательств и повидало много разрушений - Иисус Христос, уничтожение Первого Храма, затем Второго. Уже в новейшей истории - гитлеровский вариант окончательного решения еврейского вопроса. Так зачем нужна была эта многовековая борьба, эти унижения и оскорбления, эти грандиозные человеческие жертвы, если не будет у настоящих евреев своего родного очага, своего дома, если другой -

гой, нееврей, чувствует себя уютней в этом доме и на этой земле, именуемой святой и еврейской, родиной всех евреев? Это не проявление какого-то национализма или еще хуже - шовинизма. Другие могут спокойно жить в любой стране и на любом континенте. А вот еврей не может, если он хочет остаться евреем. Поэтому мне, как и тысячам моих соплеменников, этот еврейский дом очень нужен. Это моя земля, завещанная мне далекими предками с незапамятных времен. И поэтому я не хочу быть в своем родном доме рабом, - слово столь противное моей натуре, сердцу и душе. Я уже был им однажды, две тысячи лет назад, когда были угнаны в рабство мои предки. Тысячи лет я ношу этот отличительный знак - "тат" - раб, плененный. Я хочу быть свободным человеком. И жить, как свободный человек. Но пока за очень короткий срок я испытываю очень много унижений и даже оскорблений моего человеческого достоинства.

И оскорбляют больше всего эти самые кликуши, кричащие, что здесь "рай" и что Сохнут - их отец родной. А вот для тысяч других, настоящих евреев, поверивших Сохнуту, медовым клятвам его коммивояжеров, - это третья Катастрофа. Люди приехали сюда, продав за бесценок свои дома и квартиры, оставя всё нажитое за долгие годы. Я не собираюсь вступать в жаркий и бесполезный спор, в ненужную полемику. Кто-то из моих будущих оппонентов может бросить мне не очень лестное: "А что, в России рай?" Нет. В России никогда не было рая. Суровая штука статистика. По подсчетам израильских социологов, шестьдесят процентов бомжей, то есть бездомных составляют новые репатрианты.

Спрашивается, зачем Сохнут, это знаменитое Еврейское Агентство притащило сюда людей? Чтобы потом из них делать второстепенных никому не нужных людей, даже не людей, а человечков? Спрашивается, зачем было привозить их сюда под предлогом благих намерений и делать из них глухонемых идиотов? Разные командиры были у этой организации в разное время. Сегодня сокрушаются о том, что мало евреев стало попадаться в хитро расставленные и не сразу различимые сети.

Не спорю, может, я плохой политолог и не очень талантливый и дальновидный "шахматный стратег" в политике. Сохнут говорит о евреях. Но давайте посмотрим, что происходит на самом деле. Я не националист. Мои далекие предки жили в галуте среди людей, говоривших на десятках различных языков, среди людей совершенно другой веры. Но главное не в этом. Главное в том, что и мои предки, и я всегда жили с этими, другими людьми в мире и согласии. Что правда, то правда: я не стал там президентом, министром иностранных дел, крупным бизнесменом - мультимиллионером, хотя сегодня евреев-миллионеров в России и без меня хватает. Когда я и тысячи моих соплеменников ехали в Эрец Исраэль, то были уверены, что едем к себе на родину, к себе домой. До приезда в Израиль я и предположить не мог, сколько завез сюда Сохнут неевреев. Видимо, для этого Агентства не столь важно кого он завозит - евреев или нет. Ему, вероятно, важно количество завезенных "душ". И количество денег, на которые не скупятся богатые меценаты. Я думаю, что на одного еврея, въезжающего в страну, приходится три нееврея. В это трудно поверить, но это так. До недавнего времени это

была запретная тема. О ней мало говорили и еще меньше писали. В последнее время "лед" как будто бы тронулся. В газетах стали появляться материалы на подобную тему. Деньги всегда стояли над властью, тем более над чиновниками разных рангов. Какая разница чиновнику в погонах или без, которому лишние деньги за услуги превращения кого-то в еврея не повредят. Одним росчерком пера нееврей становится моисеевым сыном или моисеевой дочерью. И словно по волшебной палочке бывшая чистопородная хохлушка из Тамбовской губернии Яблокова вдруг превращается в Яблонскую или Цукерман. И это еще не всё. Приезжает не одна, а со своими очаровательными детенышами, невесть откуда взявшимися и невесть от кого родившимися. И здесь, в Израиле, эта мать-одноночка (как именовали таких женщин там, в России), получив более авторитетный статус матери-одиночки, обретает право на приличное пособие, которого хватает на существование, продолжая еще заниматься и своим прежним ремеслом.

Хотел бы я посмотреть в глаза тех, которые говорят, что евреи - умные люди. Враньё это. Если и умные, то только для других, не для себя. Есть в природе атом, который созидает, но еще больше может разрушать. Есть атомные электростанции, дающие тепло и свет. И была Хиросима. И есть Чернобыль. Это всё к разговору о евреях. По-моему, все катастрофы, которые они пережили, случались по их собственной вине, начиная с глубокой древности - разрушение Первого Храма, а потом и Второго. Да и во времена Гитлера еврейская элита спасала свою кожу, отлав на растерзание тысячи других. Это всё, конечно, было красиво вправлено в фальшивую бриллиантовую

оправу. Но вернусь к своему прежнему разговору о фальшивых евреях, которые заполнили Израиль. Для доказательства этого не надо прибегать к помощи различных научных и каких-то других социологических документов. Достаточно выйти на улицу Алленби в Тель-Авиве, чтоб убедиться в достоверности сказанного. Я не занимался такой статистикой, но уверен, что процентов сорок из новых олим к еврейству никакого отношения не имеют. Возможно, что у Еврейского агентства на этот счет свои установки: ему любой ценой нужны люди. А может, это было связано с "чемоданным" настроением самого Сохнута, "жизнь" которого висела на волоске и, казалось, была предрешена. Вопрос: быть или не быть Еврейскому Агентству - стоял очень остро и был очень проблематичным. Происходящее явление - привоз в страну неевреев - чревато многими негативными последствиями: Израиль - не Китай, не Индия и не Россия, где наличие многомиллионного, а в Китае и миллиардного по численности населения, не столь сильно колеблет демографические зоны, когда в местную среду вливаются другие этносы. Для Израиля, где численность евреев не превышает пяти миллионов, подобный феномен опасен, как явление даже чисто экономического и стратегического плана. Ведь получается, что этих людей совсем не волнует судьба еврейского государства. Было бы удивительно, если бы это было не так. Им, как говорят, "до лампочки", будет ли Израиль на карте мира или, не дай Бог, его завтра сотрут в порошок. Они одержимы другой идеей - идеей улучшения собственной жизни, решением своих личных проблем, никак не совпадающих с глобальными проблемами сионистского государства.

Для них Израиль - это хороший трамплин для переезда в третьи страны: США, Канаду, Австралию, Австрию, Германию. Когда я говорю о стратегической опасности, то имею в виду подрыв изнутри. Приезжают репатрианты-евреи и большая часть из них остается жить в стране, в Израиле. А что можно ждать от транзитных пришельцев, севших в еврейский вагон? Ровным счетом ничего!

Но Сохнут не хочет ничего слышать и ничему учиться. Ему важна статистика: количество завезенных людей. А евреи они или неевреи, это не столь важно. Я понимаю, что идея интернационализма и братства не противоречит еврейскому духу. Но душа и престиж еврейского государства - это разные вещи. Я думаю, что если бы Еврейское Агентство волновала не голая статистика, а нечто серьезнее, как например: кто въезжает в страну, перед кем открываются шлагбаумы, - то наверно, раз в десять легче жилось бы в Эрец Исраэль настоящим, а не "бумажным" евреям. Легче было бы с квартирами, весомей была бы и "корзина" абсорбции. Всё было бы иначе. Так что Еврейскому Агентству есть над чем подумать. В этом ведомстве мне могут возразить: "Определение еврейства - не наша задача." Я, напротив, склонен думать, что это первейшая обязанность. Среди этой массы чужих, новоявленных евреев, немало криминальных элементов, из-за которых потом навешиваются черные ярлыки на всех репатриантов. В Израиле хватает своих преступников. Так зачем, спрашивается, их плодить еще?

Израиль - единственная страна в мире, где существует институт гикора, когда нееврей, пройдя какой-то курс евреизации, становится полноправным

сыном или дочерью Моисеева племени. Это что-то уникальное. Я например, не могу понять этого. Ни один курс и ни одна индульгенция, будь она даже тысячу раз освящена самыми авторитетными раввинами и мудрецами, не может превратить по волшебству китайца, армянина или чисто русского человека в еврея. Евреем ты должен родиться, впрочем, как и японцем, как и узбеком. Можно выучить язык, можно перенять манеры и образ жизни того или иного народа или этноса. Можно перейти из одной политической партии в другую. Можно перенять даже другую веру. Можно в одну клетку посадить маленьких волчат к оленям. Но от этого волчата потом, став взрослыми, не станут оленями. По законам иудаизма еврейство идет от матери. Мать - еврейка, значит - дети тоже евреи, от кого бы они ни родились. Понятно, женщина несет в себе первородство. Она продолжательница рода человеческого. Всё это так. И всё это можно поставить под сомнение без учета другой половины человечества. Не буду сейчас будоражить умы и щекотать нервы. Оставляю всё, как есть: мать - еврейка, дети - тоже. Но гиюр... Искусственный еврей? Можно сделать искусственный лед, получить искусственный каракуль, выделать искусственную дубленку. Но получить искусственного еврея - это звучит не очень серьезно. У меня по этому поводу вышел любопытный разговор, а точнее спор с с одним уважаемым ученым. Он старался доказать мне методом "от противного". Есть такое понятие, только запоматывал где - не то в алгебре, либо в геометрии. "Любое растение", - сказал профессор, - "приспосабливается к условиям среды. в которой живет. Так и бывший славянин, армянин или

мусульманин, пройдя гиюр и живя в еврейском обществе, на еврейской земле, уважая еврейские традиции и участвуя в еврейских праздниках, изучая иврит, постепенно становится евреем. Если первое поколение этих людей, прошедших гиюр, какое-то время и сохранит свои национальные признаки, то второе и третье поколения трудно будет отличить от настоящих евреев". Таково было заключение профессора. Я с таким выводом ученого мужа согласиться не могу и в качестве контр-аргумента привел ему другой пример. Если курицу посадить на утиные яйца, всё равно выйдут не цыплята, а утята. Так что какой бы гиюр не прошел тот или иной человек, он всё равно умрет тем, кем родился: китаец - китаец, славянин - славянином, мусульманин - мусульманином. Но эти переходы из мусульман в евреи в последнее время стали довольно частыми, как и переходы детей Моисеевых в совершенно другую веру. Еврейские мудрецы объясняют это, делая ссылку на Галаху, тем что Всевышний якобы разрешает Моисеевым чадам "погулять на стороне" в двух-трех поколениях. Такой "уход от себя" у евреев наблюдался давно, но особенно наглядно это стало проявляться в конце 19-го и в начале 20-го столетия. Принято считать, что человек сходит с ума в одиночку. А здесь наблюдалось нечто, напоминающее массовое безумство. И в какой-то степени здесь повинен небезызвестный господин Фрейд, автор нашумевшей теории, имевшей скандальные последствия, который и пытался объяснить это безумие. Он хотел соединить несоединимое, две совершенно разные вещи - идеи еврейских мудрецов и последние достижения мировой медицины. Это был абсолютный нонсенс : соединить

каноны религии с наукой. Это всегда непримиримое и взаимоисключающее. некоторые в этом абсурде винят культуру. Я лично не вижу в этом никакой связи. На эту щекотливую тему можно только подискутировать. Очень хотел бы возразить своим оппонентам по этому поводу, хотел бы без посредников, напрямую задать им один некорректный вопрос: "А что, разве высокая образованность и духовное приобщение к культуре привели еврея Александра Меня уже в наши дни в лоно другой, нееврейской религии? Разве "отец" Меня не мог стать равом Менем?" Я еще понимаю, когда на Кавказе в средние века арабо-персидские завоеватели насильно, огнем и мечом заставляли целые поселения кавказских евреев сделаться мусульманами. Это было не добровольное обращение. Но даже в тех жестоких условиях эти люди боролись, искали способы противостояния злу и опасности, нависшим не только над их жизнями, но и над тем, что они считали дороже этого. Сегодня многие винят культуру и тоталитарный режим. Может, Сталин взял за руку еврея Александра Меня и привел его на алтарь православия? При чем здесь культура? Еврей Александр Меня перешел под знамена православия добровольно. Его никто не заставлял делать этого.

При чем здесь культура? Наоборот, человек высокообразованный должен лучше знать историю происхождения своего народа, и если у тебя в роду, в семье есть традиции, если еврейские обычаи соблюдали твой прадед, твой дед и твой отец, твоя бабушка и женщина, давшая тебе жизнь - твоя мать, ты всегда останешься тем, кем родился. Всё это идет не от тоталитаризма и культуры. Это нечто другое. Не секрет, что в среде ашкеназов процент ассимиляции

гораздо выше, чем скажем, у сефардов, кавказских, бухарских и грузинских евреев. Здесь о процентах говорить не приходится. В среде не ашкеназов такие явления составляют разве что исключения. Я думаю, что даже то, что здесь, в Израиле, национальность определяется по матери, говорит о многом. Из тысячи горских евреек одна или две, может быть, выходили замуж за нееврея. О женщине - ашкенази этого не скажешь. Здесь выбор вольный. Она может выйти и за китайца, и за японца, и даже за араба. Так что культура тут не виновата. Разве среди ашкеназок мало образованных женщин? Очень много. Есть и доктора наук, деятели искусства и культуры. Это не мешает им стать женами мужчин из другой религии и говорящих на других языках. А почему это происходит? Сложный вопрос. И готового ответа на это у меня нет. И опять о культуре. У меня много оппонентов даже среди "близких" людей, утверждающих и спорящих со мной относительно того, что именно культура принесла немало бед и горя, разбив семьи и сделав сиротами детей при живых родителях. "Именно культура", - говорят они в один голос, - "сделала людей безнравственными и бездуховными роботами". Я не согласен с этим, как со многими другими их утверждениями. Культура тоже бывает разной, впрочем, как и люди. Ведь в конце концов, она - производное людей, ее породили не "зайцы" и не "тигры", а каждое отдельно взятое поколение. В глобальных масштабах - каждая община, каждый народ. Пошлые эротические фильмы с острыми сексуальными сценками, демонстрирующиеся по телевидению ежедневно и ежечасно и отснятые на каких-то частных и коммерческих студиях - это еще

далеко не культура. Хотя само понятие "культура" в последнее время подвергается своеобразной ревизии. Культура - объемное понятие. Это Марчелло Мазстроини. Это Чарли Чаплин. Это Игорь Моисеев. Это Майя Плисецкая. Это Моцарт. Это Сальвадор Дали. Это Бах и Чайковский. Это Ван Гог и Вивальди. Это Чехов и Шолом Алейхем. Это Пушкин и Байрон. Этот список можно продолжить до бесконечности. Но когда стреляют пушки - музы молчат. Молчит и культура в целом. Как говорил великий Пушкин: "Мы все учились понемногу чему-нибудь и как-нибудь." Учили историю, философию и даже научный коммунизм. И поэтому хорошо помним изречение одного из классиков: "Бытие определяет сознание". В последнее время в мире творится что-то несусветное. Такое ощущение, что что земля раскололась. А "раскололись" люди: все стали прагматиками, деловыми, кричащими. Все лезут в Наполеоны. Вчерашний слесарь или кулинар, в общем-то пешки на шахматной доске жизни, лезут в главные фигуры, непременно желая стать ферзем. А культуры-то у них всего на 5 грамм при 100 кг веса. Их девиз: делать деньги. Есть деньги - можно купить любой диплом. К тому же вузы тоже коммерческие. Только плати. А Бетховен или граф Толстой со своим "Войной и миром" уже не волнуют их душу и сердце. Тем более, что они сегодня "старомодны".

Мир раскололся. Вроде, нет большой, Третьей Мировой войны, но кругом идут войны: большие и маленькие, региональные и крупномасштабные. Полыхает огнем вражды большая земля бывшего СССР. Начавшись с Нагорного Карабаха, это пламя перекинулось в другие регионы. Афганский синдром

отозвался чеченской трагедией. Когда я говорю, что мир раскололся, то я имею в виду бывшую великую державу - СССР. Что-то страшное стало происходить на рубеже 20-го столетия и в других странах мира. Борьба за власть ознаменовалась различными разборками в Польше и Румынии, Албании и Югославии. Все эти события связаны с массовыми убийствами, порою совершенно безвинных людей. А причем тут культура? Разве противоборствующие генералы в "золотых погонах" не учились в институтах и военных академиях? Разве они учились только науке стрельбы? Адольф Гитлер считал себя журналистом. Так записал он собственноручно в автобиографической анкете. Помимо этого, он в молодости еще и рисовал, был знаком с живописью. Казалось бы, был приобщен прочными узами к высокому понятию "культура". Но от этого он не перестал быть Гитлером. Любопытно, что и все его приближенные - доктор Геббельс и Геринг, и Гиммлер очень хорошо разбирались в живописи великих мастеров. Об этом свидетельствуют награбленные ими полотна - шедевры мирового искусства. Только это качество не сделало их человеколюбцами.

Культура - это прекрасно. Это изящество. Это красота. Это одухотворенность. Это высочайшее мастерство. Это мощная горная река, красотой которой можно любоваться и которую можно направить на благо человека; но в ней живет и разрушительная сила. Так и культура. Ее можно использовать по-разному: во благо или во вред. Но сама культура в этом неповинна. Она всего-навсего орудие использования. В этой связи хочу вспомнить одну примечательную вещь. Многие люди, отсидевшие

в немецких концлагерях, с ненавистью и с каким-то озлоблением воспринимают собаку породы "овчарка". Понять это можно. Эту прекрасную собаку эсэсовцы использовали в своих целях, как незаменимого охранника. Естественно, она вызывает у тех, кто "сидел", неприятные ассоциации, связанные с войной, кровью, смертью. Но спрашивается, при чем здесь безъязыкое животное? Наверно, в мире нет живого существа, которое может так привязаться к человеку, как собака. Это ее природные генетические особенности. Мне понятны чувства узников концлагерей. Но я не могу понять, почему они во всех своих бедах винят это бедное животное, "предки" которого работали на гитлеровцев? Точно так же я не могу понять, почему в отходе от еврейства, от его традиций и обычаев винят ее величество Культуру? Она повинна в этом точно так же, как повинна в кавычках великолепная и умная овчарка во всех бедах и издевательствах над людьми. Ведь это не овчарки, а эсэсовцы глумились над пленными и узниками концлагерей. Животное есть животное. У собаки есть природный инстинкт привязанности к человеку, к тому, кто его кормит. На культуру нападков много. Что не так - виновата культура. Благо есть на кого валить грехи. Культуру обвиняют повсеместно. И в России, и в Израиле тоже. По мнению некоторых апологетов, культура не сближает, а разъединяет людей. Заявления такого рода, все эксперименты по созданию единой общности людей - не более, чем миф. Культура не может разъединять. Разве могут посеять вражду между людьми, пусть говорящими на разных языках и даже исповедующими другую религию, музыка Вивальди или Огинского, полотна Репина и Сальвадора Дали,

"поэмы в танце" Игоря Моисеева? Конечно, нет. Войны и кровопролития рождает не культура, а ее отсутствие. Образованный, с хорошими манерами человек никогда не позволит вытащить нож и погнаться за кем-нибудь, чтоб его зарезать. Это может сделать только маньяк, головорез, никогда в жизни не видевший приличного общества, дикарь, самодур. Есть еще одно любопытное заявление, которое делают эти люди, пытающиеся всё зло свалить на культуру. К примеру, они утверждают, что человек - носитель высокой культуры не всегда может быть евреем. Это абсурд. Почему, спрашивается, носителем высокой культуры должен быть только еврей? И почему такой человек в силу своего высокого интеллекта обязательно должен стать евреем? Свою абсурдную мысль эти горе-философы формулируют так: "Протестанты прекрасно знают Танах и считают его священной книгой, но от этого они евреями не становятся." Было бы неправдоподобно, если бы каждый нееврей, изучив Танах, вдруг в одночасье стал бы евреем.

В этой жизни меня поражали многие вещи. Я был просто потрясен известием о первом запуске в космическое пространство корабля с человеком на борту: первым полетом Юрия Гагарина. Потом меня потрясло сообщение о трансплантации человеческого сердца, осуществленной впервые в мире хирургом из ЮАР, профессором Барнардом. Его пациентом был рядовой таксист, проживший после операции всего несколько часов. Но тогда это была революция в медицине.

Учитесь у Рут-Моавитянки - прабабушки паря Давида. Эта женщина, **вышедшая из народа**, который появился в результате кровосмешения ("Моав" - от отца моего). Так назвала своего сына дочь Лота, зачавшая от отца своего и принесяшая евреям милосердие. Ее правнук стал родоначальником рода Машиах". Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! Так к чему же призывают эти патологические недруги культуры? Когда Руссо призывал : "Назад к природе!" - это можно было понять. Но Руссо никогда не был врагом культуры. Напротив, он был ее лучшим представителем. Культура не виновата в том, что ее используют по своему усмотрению те или иные группы людей того или иного толка. Гитлеровская пропаганда очень любила Ницше. Его знаменитое: "Каждому - своё" - было неизменным лозунгом каждого фашистского концлагеря, в том числе и таких зловещих, печально известных всему миру, как Освенцим или Заксенхаузен. Ницше - философ, принадлежащий всему человечеству, а не одному Гитлеру. И разве вина великого философа в том, что бесноватый фюрер взял его в соратники и черпал у него мысли для своих бредовых идей? Любую теорию и любую философию левого или правого толка можно перетасовать, как крапленые карты. Можно, наконец, извратить элементарный смысл сказанного или написанного . Вот так и Адольф Гитлер заставил просвещенного Ницше "лить воду на свою мельницу". Без его ведома и без его согласия. И это чистейший нонсенс, когда псевдо-теоретики не где-нибудь, а на святой земле, в Израиле бранят культуру, боготворят и ратуют за кровосмешение, чтоб родился милосердный народ. Говорят, с кем поведешься

Жизнь - это лишь миг в пространстве времени. Но не понимая этого, обуреваемые властолюбием и жадной алчностью, люди начинают истреблять друг друга в таких масштабах и такими варварскими и изуверскими приемами и методами, что порой удивляешься, как этот мир жестокости и насилия, вражды и ненависти называется цивилизованным. Другой вопрос, для чего мой соплеменник вычислил через завесу времени и оставил потомкам это страшное расписание Катастроф? А ведь это не космические, не природные, а чисто рукотворные катастрофы. Человек истребляет человека. В природе такого нет. Даже кровожадные хищники в саванне или в диком, первозданном лесу не позволяют растерзать своего сородича. Ворон ворону глаз не выклюет. А человек человеку - запросто. Не только глаз вырвет, а еще и скупает себе подобного. В прямом смысле этого слова! Раньше такие случаи могли быть где-то у первобытных племен Африки или каких-нибудь тихоокеанских островов. Теперь это стало нередким явлением и в нашем "цивилизованном" мире. В одном из курортных городов Крыма одна бабушка и ее 20-летняя внучка - красивая и впечатляющая девушка - занимались страшным делом. У них был свой дом, в котором было много свободных комнат. Их и сдавали они на съём приезжим. А ночью физически сильная внучка душила постояльцев и отдавала их потом в распоряжение бабушки. А уж та была спец по разделке человеческих "туш". Наутро же миловидная внучка бойко торговала на городском рынке человеческим мясом в ассортименте. Это приносило бабушке и внучке весьма приличные доходы и обеспечивало их безбедную жизнь. Но всему приходит конец. В один из дней матрос, квартировавший у старухи, исчез бесследно. Его поисками занялся товарищ, вместе с которым он приехал в этот город и у которого был этот зловещий адрес. По нему он и явился. Ему сказали, что матрос

неожиданно уехал. Ничего не подозревая, он решил остаться здесь в надежде, что товарищ вернется. На следующий день, прогуливаясь по двору, в укромном месте он вдруг обнаружил человеческие конечности - кисти рук и ног. И на одной из кистей он вдруг увидел знакомую татуировку, что была на руке матроса. Так раскрылось это преступление.

История не менее детективная и ничуть не уступающая по своей жестокости произошла в **другом** конце, бывшего СССР. Уже другая бабуля в порыве необъяснимой ярости убила своего пятилетнего внука, сына родной дочери. А убив, хладнокровно разделала мальчика на части, приготовила фарш и не поленилась сделать из него котлеты. И столь же хладнокровно накормила ими потом мать ребенка. Только после трапезы бабушка-вампир сообщила дочери о своем фирменном рецепте приготовления столь "вкусных" котлет. Дочь, естественно, хватил удар. Говорят, она на почве стресса тронулась умом. Но самое удивительное: бабушка оказалась в полном здравии, врачи признали ее вполне вменяемой...

Но великий Нострадамус ничего не говорит о Катастрофах такого рода. Он говорит о глобальных Катастрофах, которые взбудоражат и перевернут наш мир, в том числе и еврейский. Почему я преднамеренно выделяю "и наш еврейский"? Хотя бы по той простой причине, что евреи - народ Торы, - как принято считать, избранный народ. Нет, нет, я не националист и глубоко презираю людей, оценивающих человека по его национальной принадлежности. Я родился в галуте и познал все "прелести" пятой графы. Да, не скрою, я очень гордился своими легендарными соотечественниками и единоверцами и не где-нибудь на кухне, плотно закрыв двери, а публично на людях. И делал это не специально или преднамеренно, а когда требовалось это сделать при удобном случае. Ложка дорога к обеду. И меткое и умное слово тоже должно

быть сказано к месту. Тогда оно имеет цену. Когда в мире происходят какие-то перемены и "взрывы", как правило, это не проходит бесследно и безболезненно для евреев. Я уже говорил о том, что еврейство "шатнулось" во всём: и в образе жизни, и в переосмыслении ценностей нематериальной сферы, и в духовности. Еврейство знало много трагедий - разрушение Первого Храма, затем Второго, Катастрофу во время Второй мировой войны. Нострадамус не пугает, он только призывает к бдительности. Но катастрофы в мире продолжают, набирают скорость, как снежный ком. Карабах и Югославия, Таджикистан и Кавказский синдром, Израиль и палестинский террор - это всё звенья того самого Знака Беды, контуры которого ясно и зримо начертал всё тот же Нострадамус.

Евреи по своей природе всегда были миротворцами. Они всегда боялись крови. А посмотрите, что происходит. Пуля сразила премьера Израиля. Еврейская пуля. И сделал это человек, именующий себя евреем и носящий в знак этого кипу на голове. Я наверно, мало ошибаюсь, когда говорю, что любые катастрофы, происходящие в мире, обязательно сказываются на судьбе евреев. Развалился Союз ССР, и евреи, жившие на этой земле, разлетелись, как перелетные птицы, по всему свету. Столетиями жили евреи в России: кто в Москве, кто в Санкт-Петербурге, а кто в древнем кавказском городе Дербенте. Горбачевская "перестройка", наверно, и есть Третья Катастрофа еврейства. Что хорошего привнесла она в жизнь граждан некогда могущественной империи? Да ровным счетом ничего. Говорят, что демократию. Странное вообще словечко. Что это такое и с чем ее "кушают"? Демократию хотели. И ее получили. На нее был повышенный спрос. Только получили не демократию, какой она должна быть, а как говорил один знакомый из власть имущих на Кавказе, -

дермократию. Некоторые стараются ублажить себя: не знаем, кому стало плохо, но евреям стало хорошо.

Но что хорошего от этой горбачевской, извините, хреновины получили евреи? Свободный выезд? Куда? Опять в страны рассеяния? Люди стали бросать годами нажитое, дорогие сердцу могилы. Там были свои квартиры, дома, работа. Говорят, что сейчас там анархия, безработица, антисемитизм. Это правда. А что в Израиле - в еврейской стране всем евреям хорошую и престижную работу преподносят в голубой тарелке с золотой каймой? Хрен на палочке! Я очень даже солидарен с Михаилом Александровичем - знаменитым певцом и весьма популярным в свое время человеком, которому довелось какое-то время жить в Израиле и которого трудно упрекнуть в антисемитизме, - с его высказыванием, что в Израиле хорошо умереть, а жить в этой стране невозможно. Некоторые господа могут не согласиться с Александровичем, а тем более со мной. Что ж, это право каждого иметь свое личное мнение. Мое мнение такое: дай Бог, чтобы я ошибался, но на сегодня в Израиле мало еврейства, и в этой стране не очень сладко жить, исключая, конечно, богатых. Лично у меня нет никакого желания наслаждаться пальмой первенства ни в чем, особенно в политике и в каких-то предсказаниях. Я поэт. Лирик. Романтик. Мне по душе Александр Блок, Валерий Брюсов, Сергей Есенин, Натан Альтерман, Семен Гудзенко. Я не могу предвидеть и предугадать ход событий в своей личной жизни, жизни близких и хорошо знакомых людей. А предсказать, что произойдет через 100 или 500 лет с нашим миром, бессилен. Для этого надо родиться Нострадамусом. Но я суеверный человек. И поэтому предсказание гениального единоверца, что конфликт мирового масштаба таится именно на Ближнем Востоке, где я живу сегодня, меня пугает вдвойне. Не буду скрывать - при встрече знакомые "сабры" и "ватики", бывшие

русские, частенько с улыбкой задают один и тот же вопрос: "Хаколь бэсэдер? - Всё хорошо?" И придерживаясь хорошего тона и тоже улыбаясь, хотя на душе не всегда покой и уют, бросаешь в ответ стандартное: "Барух Хашем!" А у самого скверное ощущение того, что изо дня в день живу на войне. В этих случаях мне почему-то вспоминаются слова моей незабвенной мамы, которая всегда говорила мне, как в назидание: "Пусть у тебя никогда не плачут глаза, и на лице всегда будет улыбка, если даже плачет твое сердце. Люди презируют жалких." Я пришел на эту землю в муках женщины, родившей меня, которую звали красивым именем Мария. Эта женщина - моя мать, познавшая так много горя и страданий, так мало видевшая в жизни светлого и радостного. Это женщина трагической судьбы и печального образа, человек скорби и невезения. Я Каин. Каин. Каин. Не усмотрел за вечной суетой жизни, за этой вечной нехваткой времени, за этими вечными проблемами, которых с лихвой хватит на три жизни, - самого дорогого для себя человека. Это не фантазия и не преувеличение. Больше, чем я, вряд ли кто из сыновей в мире так горячо и с такой нежностью когда-либо любил свою маму. Эта любовь была взаимной: до своего последнего часа она боялась ранить меня каким-нибудь неосторожным словом. Она ушла из жизни как бы досрочно, не дожив сполна дней, отпущенных ей Всевышним. Может, я сумел бы ее спасти, окажись в эту роковую минуту рядом. Я ведь знал, что у нее больное сердце. "Обязательно завтра к врачу", - убеждал я себя сам. Но завтра "выплывало" какое-то срочное, безотлагательное дело. "Нет, на этой неделе непременно", - снова уже в который раз твердил я самому себе. А эта неделя... Я обманул себя: эта неделя оказалась роковой и последней. Мама ушла из жизни. Боже милостивый! Мой еврейский Бог! Неужели Ты со своей космической высоты, среди

тысяч и миллионов, порой ведущих пустой и никчемный образ жизни, увидел только эту хрупкую, добрую, милосердную и красивую лицом и душой женщину, которой, несмотря на все невзгоды жизни, хотелось еще чуточку пожить?

Мой еврейский Бог! Я не богохульствую и не ропщу. Но зачем же так? Если Ты так жаждал жертвоприношения чьей-то жизни, то разве мало на земле пустых и никчемных существ, загрязняющих ее каждодневно, бездарных и отравляющих жизнь себе и людям? Я торопился всю жизнь и всегда опаздывал. Моей трагедии восемь лет. Долгих восемь. А рана кровоточит до сих пор, рана не заживает. Рана не затягивается. Это живая и вечная рана, для которой нет лекарства и нет никакого бальзама. Я торопился, а поезд жизни стремительно вез меня - и станции значительные и менее значительные малькали на моем пути. Я был наивен и думал, что это вечный и веселый поезд без остановок и без конца пути. И вот теперь он резко остановился, и я схожу на тихий перрон, называемый "осень жизни", не краснощеким, как тульские яблоки, каким был некогда, а убеленным сединой мальчиком. Мне больше некуда торопиться. И я с грустью вспоминаю поэта Самеда Вургунга с берегов Каспия: Поэт, как рано постарел ты.

Ты, говорят, счастливый самый...

А я им, счастливым, никогда не был. Может, были мгновенные вспышки радости. Но счастья не было. Для меня остановилось Время. Всё потеряло былой смысл и былой интерес. В одно мгновение я потерял радость от своего физического существования, именуемого радостью жизни. В одно мгновенье я остался один на один со своим горем и невозполнимой утратой: у меня умерла мама. Я знал, я хорошо знал, что когда-нибудь это произойдет, это должно произойти. И я утешал своих близких и знакомых людей, когда это происходило с ними, когда у них

умирали мамы. И вот вдруг мама умерла у меня. Куда-то ушло бывшее спокойствие, бывшее жизнелюбие и бывшее княжеское "всемогущество". Я вдруг сник, стал тихим и беспомощным, как маленький птенец, попавший под ливень. И мне кажется, что я уже никогда теперь не сумею искренне и заразительно смеяться, шутить и рассказывать какие-нибудь веселые истории, которые произошли со мной или с моими друзьями: у меня умерла мама. Никто теперь тихо и бесшумно не поставит у моего изголовья поднос с фруктами и не сядет рядом, ничего не говоря. Нет, это не сон: я не увижу черных, бархатных и грустных глаз моей мамы. И никто больше не будет ждать меня до полуночи, одиноко карауля у ворот в морозную январскую ночь.

У меня умерла мама. Я давно уже не мальчик, а взрослый, поседевший мужчина, но мне так ее недостает и мне так нужно это хрупкое и до боли дорогое мне существо, которое вбирало в свое больное и крохотное сердце все мои беды и все мои печали. У меня умерла мама. И с той минуты, когда перестало биться сердце мамы, я уже не воспринимаю жизнь в столь радужных красках, и на душе нет того покоя и уюта, и я не жду от жизни каких-то подарков радости. Летит Время. И словно художник-невидимка, Оно изменило и цвет моих волос. Я смотрю в зеркало: голова стала белой. Но я тешу себя тем, что еще так далеко до 120, а значит и до станции под названием "Старость". Седые волосы - это еще не старость, - успокаиваю я себя. При виде красивых женщин я еще торопливо озираюсь назад: мой костер еще не погас. Я, как вино хорошей выдержки: давно перебродил и жду своего часа. До последней станции Жизни еще далеко. И хотя я еще полон сил и здравого рассудка, я хорошо знаю, что уже не проживу столько, сколько прожил, и что Это может произойти в любой день и час. Боже Великий! Если Ты надумаешь позвать меня к себе, в

лучший мир, прошу Тебя, будь милосердным: не заставляй меня корчиться в муках и сделай мне снисхождение - дай мне умереть мгновенно, как умерла моя бедная мать. И я уйду в небытие, оставя суету и споры, боль и желания, печаль и слезы. И я боюсь: а вдруг это всё опять обман, и вместо обещанного рая я попаду в бездну, называемую адом. Но всё равно.

После стольких предательств и обманов на земле живых, я обрету, быть может, тишину и вечность, вечный покой и вечный сон.

О Всевышний, Ты слышишь меня? Или моя последняя молитва тоже останется гласом вопиющего в пустыне? Ты должен когда-нибудь услышать мой скорбный зов! Ты не можешь обмануть меня! Ты не можешь предать меня!

В маленьком и загадочном Израиле без войны не обходится ни один день: она на границе, где ракетные "комплименты" уже стали обычным, рядовым событием. Она - в ежедневных автоавариях на дорогах страны, по числу жертв в которых Израиль можно смело занести в Книгу рекордов Гиннеса. Она, эта война, в постоянных актах террора, время от времени затихающих и вновь разгорающихся до невероятных размеров, пламень которых пожирает много человеческих жизней. Я живу на войне - не только зримой, но и на такой, которую надо порой разглядеть. Но и это тоже война. И что самое страшное, это война

своих - евреев против евреев. Я предвижу, что некоторые оптимисты могут мне возразить: "Что за разговорчики в строю? Это чушь собачья. Нет такого." Нет, есть. Есть, мои дорогие евреи! И примеров много. Как-то срочно понадобились деньги. Зашел в свой родной банк. Очередь минут на 30-40. Предупредив занявшего за мной человека, присел рядом. Через каких-то 15 минут я опять вернулся в очередь. Один молодой мужчина с явно азиатским лицом буквально растревожил людей, заявив, что меня здесь не было. Маленькой искорке достаточно было зажечь "вавилонское столпотворение". Меня прорвало. Стараясь сохранить спокойствие, стал объяснять стоявшему за мной "сабре", что он стоит-таки за мной и что я присел в стороне, пока подойдет очередь. Он - ни в какую, как будто действительно видит меня впервые. Кричал, кричал, а потом, видимо, ему вспомнилось гадкое и знакомое: "Лех ха-байта, руси!" Не теряя спокойствия и сильно сомневаясь в точности своего иврита, я выпалил: "Ани лё руси. Ани еуди. Байта шели кан!"

Эта вроде безоблачная фраза стала сигналом к противостоянию. Весь банк - стоящие в очереди, и сами сотрудники банка мгновенно разделились на два враждебных лагеря. Мне было приятно видеть в числе своих защитников и "адвокатов" некоторых ватиков и сабров. Эта необъявленная война, возникшая из ничего, открыла глаза на многое. Мы любим говорить об антисемитизме. Я понимаю и осуждаю это, когда речь идет о неевреях. Но становится странным и не всегда понятным, когда антисемитизм исходит от самих евреев. В Израиле иногда складывается впечатление, что один еврей не воспринимает другого. "Руси" стало ругательным словом. И как не согласиться с генеральным директором канцелярии премьер-министра господином Авигдором Либерманом, который не раз заявлял, что все враждебные нападки

на него - это не что иное, как прямое невосприятие его российского происхождения? Интуиция никогда не обманывала меня ни в чем. Я хотел бы ошибиться, но уверен, что еще долго будет идти это - когда скрытое, а когда и открытое - неприятие одной общины другой. А до единого израильского народа - ой, как далеко! И родится ли когда-нибудь этот народ - трудно сказать.

Что хорошего даст эта неприязнь друг к другу, еврея к еврею? Размышляя над всем этим, я прихожу к одному умозаключению: Арафат и его окружение, его сообщники, враждебный арабский мир менее опасны Израилю, чем эта внутренняя неприязнь друг к другу. Как бы ни спорили со мной на эту пикантную тему, я всегда утверждал и продолжаю утверждать, что все беды евреев не от отсутствия головы на плечах, а напротив, от обратного: их всегда преследует "горе от ума". Чрезмерного. Избыточного. Они умнее всех. А умных не любят. Вот почему евреи всегда обречены на "одинокчество". Они - особый континент в мировом пространстве. И беда еврейства, что при всей общности религии и заветов Моисея, у каждого еврея - свой бог и своя вера, свое восприятие мира и жизни. Это тоже нонсенс особого рода: при своем блистательном уме, евреи разобщены внутренне. Говорят, что они едины в горе. Что же, получается, что нужны постоянные невзгоды, чтобы проявить свое еврейство? И при всем этом есть необъяснимый феномен: почему другой, нееврейский мир спокойно и даже на шутливой волне воспринимает любого "чужака", а вот еврей вызывает у них неприятное ощущение удара электрическим током. Месть за Иисуса? Так он тоже еврей! А убили его вовсе не евреи, а римляне.

Эта ненависть идет из глубины веков. Эта скрытая, завуалированная, а порой и весьма враждебная и открытая ненависть идет даже внутри самого еврейства. Как писала одна русскоязычная газета в Израиле, "идет жестокая многовековая борьба, в

которой церковь и ее еврейская агентура не гнушаются никакими средствами. Не бойтесь, мы тоже ваши, - восклицают мессианские евреи - приверженцы Иисуса, еврей-евангелисты".

В еврейской истории можно найти много "мессий". В их числе авантюристы типа Якова Франка, но были и те, кто искренне заблуждался, как например, Шломо Молхо, сожженный в 1532 году за его прегрешения "милосердной" церковью. Эта же самая газета делает весьма любопытное заключение: "Берегитесь миссионеров! Они уже однажды погубили еврейские общины Испании и Португалии, Австрии и Германии. Религиозное ренегатство - не что иное, как одна из предпосылок геноцида." Позвольте мне не согласиться с этим. Геноцид - это совсем другое: насилие одного народа над другим. Всё это для слабо нервных и не очень понятливых. Мои родители и родители моих родителей, прапрабабушки и прапрадедушки родились и жили в галуте. Но от этого они не перестали быть евреями и никогда не отказывались от своего еврейства. Там был культ других религий, других моральных ценностей. Там не было еврейского государства. Но почему-то ни один горский еврей не принял ни ислама, ни христианства. Правда, один все-таки нашелся. В старой Темир-Хан Шуре, в которой находилась тогда штаб-квартира военного губернатора князя Бяргинского, пленившего имама Шамиля, нашелся-таки один горский еврей по имени Данай, который сильно влюбился в красивую кумычку и ради нее стал блудным сыном мусульманского пророка Мухаммеда. Но Данай был исключением.

А здесь, в Израиле, на еврейской земле и в еврейском государстве, страшно боятся миссионеров. Честно говоря, есть чего бояться. Но не миссионеров, а другого, более страшного. Некоторые, именующие себя евреями, не так давно обрушились с нападками на главного раввина Петах-Тиквы, осудившего

некоторую часть новых репатриантов, употребляющих свинину. Реакция салоедов была столь горячей, что "бедный" рав пожалел о своем поступке. Рава можно пожалеть. О какой угрозе, нависшей над еврейскими головами со стороны каких-то миссионеров, можно говорить после этого? Еврей, кушающий сало! Что может быть страшнее? А таких в Израиле много. Я лично встречал таких в апартаментах и кулуарах Еврейского Агентства Сохнут. И не только там. Это были не сотрудники Сохнута, а новые репатрианты, которые во всеуслышание дискутировали на тему "белого мяса" и вступали в жаркий спор с теми, кто возмущался салоедами. А одна крупная девица из числа любителей "белого мяса" даже произнесла торжественно-вызывающе: "Мне разницы нет, белое мясо или красное, как и нет разницы, с кем я лежу в постели: еврей или нет, лишь бы было подлиннее и потолще". Вот и весь сказ.

Теперь я лучше начинаю понимать, почему в Израиле еврейство идет по матери. Получается, что еврейка может спать с кем угодно, даже с необрезанным. Что святого может быть у этих людей. Это же не люди, а бесы, которые за здорово живешь могут продать свою родную мать. Хождение в синагогу не может превратить богохульника в еврея. Бог должен быть в душе. А есть много людей, у которых нет вообще никакого бога: ни еврейского, ни другого, ни в небесах, ни на земле. Миссионеры проповедуют. Проповедь - это слово. Это тоже оружие, но если не хочешь, тебя никто не заставит его слушать. Бойтесь миссионеров... Что ж, наверно, резонно. Но только больше надо бояться тех, кто вообще живет без Бога. Когда нет Бога в душе, в нее обязательно вселяется бес, дьявол во плоти.

Мы живем сегодня в тревожное и даже опасное время. Идет неприкрытая девальвация моральных устоев. Взамен предлагается массовый разврат,

насилие, культ денег. Высокая культура подменяется шарлатанством. Мистики сулят лжемиссию. Нет, не приход Машияха, а нечто другое.

Боюсь, что настоящий еврейский Машиях, увидя с небес это зло, ожесточится и не захочет вернуться на эту маленькую, но очень грешную землю, называемую обетованной. Многие ошибочно считают, что люди, веселящие публику на сцене, непременно счастливые и веселые в повседневной жизни. Это далеко не так. Аркадий Райкин смешил миллионы людей, а в жизни был очень серьезным человеком. Истинного веселья нет нигде: везде хорошо, где нас нет. Не очень весело в Израиле. Не очень весело и в России, откуда я уехал. Уж кто-кто, а Жванецкий обманывать не станет. Цитирую его дословно: "Я пишу и ощущаю, что ко мне пришла злость. Когда все злились по поводу изменений в России, я ликовал. Я наконец-то увидел магазины, полные товаров, ощутил полную, настоящую свободу слова - я ликовал. Но когда началась война в Чечне, всё во мне изменилось, и ко мне пришла злость. Когда-то я пытался разглядеть в нашем правительстве интеллигентных людей. Но если наше население тоскует сегодня по железной руке, то я вижу в России железные морды.

Сейчас решения, которые приводят к кризисам, исходят от самого президента Ельцина, и я вижу его в таком состоянии, в котором не хотел бы видеть главу государства. Президент заставляет меня страдать, те, кто вокруг него, вызывают во мне ненависть." Вспоминается мексиканский телесериал "Богатые тоже плачут". Чего хотели, то и получили. Только плач плачу - рознь. Можно плакать и от радости. А может быть и смех сквозь слезы. Однажды судья спрашивает у подсудимого: "Признаётесь ли вы, что в пьяном виде пытались пройти в Национальный музей?" - "Разумеется, признаю, ваша честь," - отвечает тот, - "в трезвом виде мне бы это никогда не пришло в голову".

Так и хочется выставить "отца" лжеперестройки, и публично дать ему крепкую оплеуху. Да, вроде никто никого не заставлял никуда ехать. Никто от хорошей жизни никуда и никогда не уедет. Это и круглому идиоту ясно. Но кому, извините, хочется сидеть на горячих углях? А вот он и создал такую невыносимую обстановку. "Отец" псевдоперестройки расколол не только страну, но и семьи. С его "легкой" руки члены одной семьи живут сегодня кто в Израиле, кто в Америке, кто в Канаде. Он сделал всех гражданами планеты всей. Рухнули вековые традиции и обычаи общин.

Пошла обычная деградация человеческой личности. Например, я не упомяну, чтобы там, в стране исхода, кавказские или бухарские еврейки - и совсем молоденькие, и пожилые - так безбожно курили. Это уже приобщение к новой жизни. Скажем, молодые курят - отдают дань моде: "Курят все, а почему бы не закурить и мне?" А вот зачем это старухам? Рухнуло всё. Родители не узнают своих детей. Они стали им здесь как бы в тягость...

Дай Бог еврейскому государству жить и процветать! Но зачем этот вселенский "рай" на "костях" и "трупях", на борьбе за выживание языков нацменьшинств, на "убиении" вековых обычаев, традиции и культуры? Горские евреи жили на Кавказе веками, но никто не отнимал у них родного языка. А здесь, на святой земле, говорят об этом если не открыто, то в очень понятной форме. Может, со временем кто-то из этих эмигрантов и станут богатыми людьми. Но разве вся прелесть жизни заключается в богатстве? Хотя, как знать, сегодня другая философия. А какой ценой ты достиг этого самого богатства, никто не спрашивает. Деньги не пахнут, даже если на этих злосчастных купюрах есть следы крови. У меня иногда возникает в голове крамольная мысль: "А что если деньги давно уже стали богом людей?" Деньги - это тоже товар. Значит, речь

идет о купле-продаже. Отсюда и коррупция, отсюда и продажа чести и совести, отсюда и проституция, включая проституцию политическую. Речь идет не только о путанах - продажных женщинах, торгующих своим телом. Речь идет и о некоторых высокопоставленных коррумпированных чинах, торгующих уже не телом, а интересами своих народов. Это похуже. Поэтому народ им и не верит. Поэтому сегодня и нет "вождей", какого бы толка они ни были, к какому бы лагерю ни примыкали. Нет настоящих авторитетов, которые жизнью, подвигом являли бы собой пример и образец человека, идеи, идеалов, которые были бы неподкупным кумиром чистоты и справедливости.

***Всевышний не спросит тебя: "Почему ты не стал
Машинхотом?"***

Всевышний скажет: "Почему ты не стал Романом?"
(Из разговора с матерью)

У меня было всё. Я знал и роскошь, и бедность. Помню, еще будучи студентом, я как-то не рассчитал свой месячный бюджет, и у меня несколько дней был финансовый кризис: не было даже нескольких копеек, чтобы купить хлеба. Я находился за тысячи километров от родительского дома. Беспокоить маму лишней телеграммой не хотелось. У моей бедной и доброй мамы был очень беспокойный характер. Она стала бы переживать, волноваться, и это беспокойство продолжалось бы очень долго. Да, у меня было всё.

Всевышний не обделил меня ни умом ни красотой, ни хлебом. И даже недругами и завистниками. У меня было много "бесплатных врагов", рожденных из ничего, "из воздуха". А причина была в одном: я превосходил их умом, а вдобавок еще по наивности или честности, говорил правду, чистую правду, невзирая на титулы и богатство своих собеседников или оппонентов, хотя внутренне понимал, что надо быть дипломатичней, обходить "острые углы", говорить комплименты...

Да, я познал всё с лихвой: и славу, и сытый хлеб. и любовь, и даже нищету. А кто я сегодня, если не нищий? Я - человек, которого и здесь, в Израиле, и в России относят к группе людей, живущих за чертой бедности. Но я был и хозяином обильно накрытых различными яствами столов, которые ломились от избытка на них всякой всячины. А больше всего я знал предательство, которое исходило и от "близких", и от дальних так называемых родственничков, с которыми меня сводила и разводила эта капризная и суматошная жизнь. Но самое любопытное, что всё это не ожесточило моего сердца, не сделало его злым. Я продолжаю любить и всегда любил людей и буду всегда любить их со всеми их недостатками до конца своих дней.

Мне часто приходят на память строки Ивана Бунина:

*Легкой жизни просил я у Бога, -
Легкой смерти прошу я теперь.*

Как ни странно, я всё чаще тоже думаю об этом. Наверно, возраст. Нет, я еще не стар, но уже и не молод, хотя, как говорил один мой коллега по прошлой жизни, - я о своем возрасте вспоминаю, когда заглядываю в паспорт. Я продолжаю жить. На войне, как на войне. Сегодня жив - значит счастлив. Не взлетел на воздух в автобусе, на котором ехал, -

счастлив вдвойне. Правда, бывают и минуты отчаяния, когда не хочется жить. У меня был день рождения. Телефон молчал. Молчал утром. Молчал днем. Молчал вечером. Ни одного звонка. Я понимаю: люди заняты, тем более в рабочий день, тем более в Израиле, где у каждого куча своих личных проблем. Но это не оправдание. Один звонок. Всего один звонок, который ничего не стоит. Но я не отчаиваюсь. Я уже привык к таким вещам: сколько душевных ран было получено за эти годы! Переживу и это. Хотя ничего не уходит в песок, бесследно. Всё рубцуются на сердце. Вот так и живу. Отчаяние и одиночество стучатся в мои двери. Этот стук всё громче, всё отчетливей раздается у меня в ушах. Но я человек из крутого теста, прошедший огни и воды, и этот отчаянный стук не пугает меня. Надо жить. Но не как-нибудь: день прошел, и слава Богу. Это не для меня. Я стоик. Надо идти, хотя не видно конца дороги, хотя ты смертельно устал. Обмануть себя - присесть, а еще хуже просто упасть, - это конец. У меня есть сила воли. Порой кажется, что ее хватило бы на сто и тысячу человек. Она и помогает мне жить на войне, которая не где-нибудь рядом, а во мне самом, внутри меня: я не разделяю чьих-то убеждений и взглядов, значит, с кем-то конфликтую, спорю, доказываю. Значит, наживаю явных и тайных врагов. Вот тебе и война.

Но и на войне надо уметь жить. Не так давно я как-то включил телевизор. Шла московская программа. И мне совершенно случайно посчастливилось "встретиться" заочно с легендой нашего века знаменитым хирургом Бернардом, который еще 30 лет назад впервые в мире осуществил пересадку "живого" сердца. Тогда это было сенсацией, сравнимой разве что с первым полетом человека в космос. Это было чудом 20-го столетия. Я думаю, что таким же чудом является и само телевидение, подарившее мне и миллионам таких, как я, эту незабываемую встречу. В свои 75 лет великий хирург выглядел молодцом. В свое время профессор Бернард потряс миллионы людей своим незаурядным открытием. А сейчас он потряс новизной и открытием другого рода: это он, Бернард, в свои 75 лет ждет прибавления в семье. Ждет ребенка, оставаясь не хилым стариком, а жизнерадостным человеком, способным еще в таком возрасте на продолжение рода. Жизнь всегда напоминала театр, где смешное соседствовало с трагическим, а милосердие уживалось со злом. Куда от всего этого деться? Разве можно спрятаться от жизни? Маленьким зонтиком можно укрыться от дождя, даже от ливня. Но как уйти от себя? Невозможно! Мне говорят: "Сталин - деспот. Зачем его помнить? Надо вычеркнуть из памяти, как ненужную строчку в черновом тексте." А как это сделать? Это же моя жизнь! С этим именем связано мое детство, моими колыбельными были песни о "великом вожде". И после слова "мама", первым предложением, которое я прочитал вслух, было: "Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое

детство!" Я был совсем ребенком, когда салюты Победы разукрашивали гирляндами разноцветных огней ночное небо над Махачкалой. А уже подростком я стал очевидцем торжественных похорон, свидетелем всенародной скорби: умер Сталин. Это был март 1953 года. Вся страна и кажется весь мир был в трауре. Я могу забыть Сталина. Допустим. А как забыть всё, что происходило вокруг меня в те дни? Как забыть эти скорбные лица моих знакомых и совсем чужих людей - лица, обрамленные печатью траура? Забыть это всё - значит вырвать листы из календаря собственной жизни, перечеркнуть страницы своей собственной биографии, как будто бы ты и не жил вовсе. Но сколько бы ни говорили об этом, нет такого волшебного коня, на котором можно было бы ускакать от себя, от своего прошлого и настоящего. Всё-таки для чего живет человек? Сытно и вкусно поест? Нет.

Родить кучу детей? Нет. Наслаждаться красивой и легкой жизнью? Хорошо бы. Да только держи карман шире: таких возможностей нет. Для этого надо родиться Ротшильдом. Бароном Ротшильдом. Или хотя бы на худой конец, Брынцаловым. По случаю вспомнился анекдот. Американцы купили мавзолей Ленина. Поставили его в сквере на Пятой Авеню в Нью-Йорке. Вдруг Владимир Ильич оживает, выходит из своей усыпальницы и говорит: "Ну что ж, примерно, так я всё и представлял. Неплохо ведь живем, товарищи!" Прав тысячу раз Ницше, провозгласивший: "Каждому - свое". Богу - Богово. Кесарю - кесарево. Лениным - революции. Ротшильдам - капитал. Но богатые тоже плачут. И Ротшильды - не исключение. Некоторое время назад мир облетела сенсационная новость: свел счеты с жизнью Меир Аншель Ротшильд, которому от роду был всего 41 год. Если бы самоубийством покончил какой-нибудь рядовой безработный, понять эту трагедию не составило бы

труда. А здесь дело обстоит иначе. Да, деньги - это свобода, но видимо, не самое главное в жизни. Есть вещи, власть и влияние которых неизмеримо больше. Вот жил человек, ни в чем не нуждался, а вот чего-то ему все-таки нехватало.

Вообще история Ротшильдов - это тайна человеческих страстей, одна из которых - делать деньги. В течение почти 250 лет эта династия была самой знаменитой в Европе. О ней писали Федор Достоевский, мечтавший стать таким же богатым, как Ротшильд, теоретик анархизма и антисемит Прудон, видевший в Ротшильдах олицетворение капиталистической сущности всей еврейской нации. А название рассказа Шолом-Алейхема "Если бы я был Ротшильдом" стало поговоркой. В этой знаменитой еврейской семье с математической точностью выразились не только феномен богатства, не только формула роскошной и зажиточной жизни, но и еврейский раскол и еврейские противоречия. Всё это проявилось в неоднозначном отношении самих Ротшильдов к еврейству и сионизму с одной стороны и в противоречивом отношении самих евреев к династии миллиардеров. Не сразу восприняли Ротшильды еврейскую идею о единении, о создании государства Эрец-Исраэль. Но из поколения в поколение они начинали понимать эту историческую необходимость. Это началось с лорда Натаниеля Ротшильда, который в последние годы жизни отрекся от своей первоначальной идеи - ассимилироваться, "раствориться" в других народах. Как знать, может быть и без Ротшильдов родился бы и существовал этот еврейский дом - Эрец Исраэль. Но их заслуга в этом очень велика. Ротшильды никогда не были сионистами. Но чисто по-человечески они, как евреи, радовались и восхищались доблестью израильтян, проявленных ими во всех больших и малых войнах, выпавших на их долю. И эти чувства как раз и заставляли членов этой династии осуществлять

благотворительную деятельность. Я часто хожу по улице Ротшильда в Тель-Авиве и честно скажу, что не знаю, какой из Ротшильдов удостоился этой чести. Но я думаю, что этого, да и гораздо большего, заслуживает каждый из них, а лорд Лионель Ротшильд - в особенности. Он всегда помогал своим единоверцам. Вот к нему, как к одному из видных и авторитетных евреев, обратился со своим знаменитым Письмом Артур Бальфур - министр иностранных дел Великобритании. Это положило начало Декларации Бальфура, обязавшей британское правительство содействовать созданию еврейского государства. Я вспомнил о Ротшильдах не случайно. Историю делают личности, независимо от того, рождены ли они для совершения блага или зла.

Еврейский след в истории человечества прослеживается с незапамятных времен, с глубокой древности: не зря за евреями так прочно закрепился этот благозвучный эпитет "Богом избранный народ". Примеров тысячи, начиная с Иисуса Христа - потомка царя Давида. И этот потомок еврейских царей повинен во многих бедах, происшедших с евреями на протяжении двух тысяч лет! Сколько бы мы ни говорили о еврейских Катастрофах, самая опасная из них, это междоусобная война, евреев с евреями. Ведь это чисто еврейская заповедь: "Не убий!" Галаха запрещает и осуждает любое насилие. Но еврейский след вольно или невольно прослеживается во всем мировом пространстве, во всех областях человеческой деятельности - не только созидательной, но и разрушительной. Добрый гений Альберта Эйнштейна, давшего добро Рузвельту на создание атомной бомбы, самого страшного по тем временам оружия массового уничтожения, сыграл в судьбе человечества злую шутку. К этому же причастен и другой знаменитый еврей Энрико Ферми - человек, впервые в мире решивший использовать атомную энергию в

практических целях. Профессор Ферми в числе группы ученых, среди которых были и другие евреи, 16 июля 1945 г. осуществили первый в истории человечества взрыв атомной бомбы - экспериментальный. Это было великое научное открытие, сделанное головой и руками евреев, которое по своему значению можно было сравнить разве что с открытием огня на заре человечества. Но в то же время это была всемирная трагедия, унесшая сотни тысяч жизней. Первый акт этой трагедии разыгрался всего через три недели после "эксперимента" - 6 августа 1945 г. атомная бомба была сброшена на Хиросиму, а 9 августа - на Нагасаки. Величайшее открытие обернулось тысячами смертей. Еврейский мир сам по себе загадочное явление. Но еще загадочнее еврейский феномен. Одна из еврейских тайн - тайна открытия Америки. В последнее время мнение многих ученых сходится к тому, что Колумб тоже был евреем.

В новейшей истории человечества есть другие евреи и другие имена, которые в свое время потрясли и удивили мир. Один из них говорил о формуле всемирного братства, вселенского "рая" - коммунизме. Это был Карл Маркс со своим "Капиталом". Его зная подхватил другой еврей - Владимир Ульянов (Ленин). Делать всемирную революцию еврею из Симбирска помогала уже целая плеяда евреев: Лев Троцкий, Яков Свердлов, Иосиф Джугашвили (Сталин - имеются версии о его еврейском происхождении) и много-много других. И сегодня еще остается загадкой, что на жизнь "вождя мирового пролетариата" покушалась молодая еврейка с красивым именем Фаина Каплан (хотя есть и опровержения этой версии). И опять еврейский вопрос - Лев Бронштейн (он же Троцкий) и Иосиф Джугашвили (Сталин) - две заметные фигуры в российской и всемирной истории. Первый считал себя больше гражданином планеты, второй считался "отцом народов". Два еврея и два потенциальных наследника

"великого кормчего" не смогли, а я бы сказал, не захотели поделить наследство: каждый считал себя единственным, кто имеет это право. И дело не в том, что это наследство было громадным. В обоих проявился настоящий еврейский эгоизм, дух собственного величия. А еще больше - еврейское неприятие своего ближнего. В этой "компании" мне больше импонирует Фаина Каплан - человек изумительного мужества, совсем еще девочка, так сильно преданная идее. Для меня она остается своеобразной Жанной д'Арк, чье имя овеяно ореолом романтики, героизма, бесстрашия. Для меня она продолжает оставаться легендой, покрытой завесой какой-то тайны. Это имя продолжает будоражить мой ум. Говорят, от смешного до великого - один шаг. Точно так же и от великой доброты до великого озлобления. И точно так от великого самопожертвования до великого сумасбродства.

Вот уже свыше 50 лет евреи мира говорят о великой Катастрофе европейского еврейства. И столько же времени, если не больше, они говорят о главном виновнике этой трагедии - Адольфе Гитлере. До недавнего времени считалось, что Гитлер - это псевдоним фюрера, а настоящая фамилия Шикльгруббер или что-то в этом роде. Но оказалось, что всё это ложь. Адольф Гитлер - он и есть Адольф Гитлер. И никогда не менял своей фамилии. А совсем недавно мир облетела сенсация: Адольф Гитлер - еврей! Оказывается, эта фамилия досталась ему от его предка Абрама Фриша, который 23 июля 1781 г. принял новое имя Фридман Гитлер. В какое-то время семья Гитлеров переехала в Австрию. Еще 64 года назад газета "Право Лиду" дала на своих страницах информацию, которая явилась новостью номер один. Материал вышел под заголовком: "Адольф Гитлер - всё-таки еврей?" С тех пор, как фюрер появился на мировой арене, его биографией и родословной

занималось немало видных исследователей. Среди них американец Аллон Балок - автор труда "Гитлер и Сталин - биографические параллели". Этой любопытной темой занимался и чешский ученый В. Урбанек. Этот список можно было бы продолжить. Одно интересно в этой почти авантюрной истории. В 60-х годах с маленького еврейского кладбища чешского городка Полно вдруг исчез надгробный камень Розалии Гитлер. Но спустя 30 лет камень был возвращен на прежнее место. Сегодня эта тема, как и многие годы назад, волнует новые поколения исследователей. И как знать, возможно, могила фрау Гитлер на еврейском кладбище откроет эту тайну двадцатого века. История имеет привычку повторяться. Кровапролитие, начатое Каином, убившим собственного брата, продолжается. Считалось, что евреи распяли еврея Иисуса. И хотя на самом деле это сделали римляне, но выдал его римлянам тоже еврей - Иуда Искарот. Еврей Гитлер расстреливает, казнит и сжигает в печах миллионы своих соплеменников. А за 20 лет до этого еврей Лев Троцкий "красиво" расправляется со взбунтовавшимися матросами, помогавшими ему делать революцию и брать Зимний Дворец. Но зло наказуемо. Правда, расплата приходит иногда с опозданием. "Железная" рука Сталина достаёт Бронштейна-Троцкого в далекой Мексике. Сосо сводит давние счеты со своим соперником и делает это руками другого еврея - Рамона Меркадора. Евреи убивают евреев.

Великий ясновидец Нострадамус, сделавший так много предсказаний о судьбе мира, ничего не сказал о судьбе своих единоверцев-евреев.

А что может сказать об их судьбе астрология? Можно было бы поверить ей. Но астрология тоже молчит. Как бы то ни было, думаю, что на евреях "висит" особый знак, определяющий их судьбу. Может, это Знак Беды, а может, напротив, Знак Бессмертия.

Знак ожидания прихода Машияха. Но независимо от этого, евреи от рождения наделены инстинктом выживания. И при всем этом, они одиноки. Евреи для всех других - это всегда загадка, это всегда что-то из разряда уникального.

Это вроде кометы Галлея, сошедшей со своей орбиты и летящей в сторону Земли. Еврей всегда стоит особняком. И поэтому он всегда одинок. Одиночество всегда страшно. Его всегда трудно переносить. Как должно быть тяжело это состояние человеку, действительно остающемуся наедине с собой, а еще и еврею! Я знал одного такого. Это был доброй души человек, всегда приветливый, всегда добродушный. Сколько помню, улыбка никогда не сходила с его лица. И не потому, что он был чрезмерно счастлив. Он "ходил" когда-то даже в чекистах. Но человеческих качеств не утратил: не стал замкнутым, злым, коварным. После отставки он занялся любимой работой - журналистикой. Работал фельетонистом в республиканской газете. Стал писать остросюжетные документальные повести, основанные на событиях, участником которых он был. Повести принесли ему известность. Это был Виталий Горбач - высокий голубоглазый человек, о которых говорят: "большой ребенок". Я помню, как многие зачитывались его повестями и одна из них - "Четыре цвета ночи" - стала даже бестселлером. Обычно его повести имели продолжение. Как-то в очередной раз мы встретились в редакции. Я сразу обнаружил в нем перемену: он не был уже таким веселым и словоохотливым. Раньше я по-хорошему завидовал ему, как автору интересных книг, умному собеседнику. А он, к сожалению, в последние годы жизни был так далек от счастья. Судьба не подарила ему детей. По-моему, не было даже родственников. Обо всем этом я узнал уже потом. А до этого, при той, последней встрече я имел неосторожность спросить его: "Ну, как пишется вторая

часть повести?" Он посмотрел на меня глазами усталого от невзгод человека и тяжело вздохнув, сказал: " А для кого?" Я не совсем понял его тогда. Теперь понимаю. Да, человеку нужны не только солнце, хлеб и вода. Ему нужна еще пусть и зыбкая, но какая-то опора в жизни, чтоб наполнить ее каким-то смыслом. Когда человек теряет эту опору, то жизнь становится пустой, никчемной. Она становится в тягость. И может быть, в эти тяжелые дни кто-то не выдерживает этого ада и сводит счеты с жизнью. Виталий Горбач был человеком душевного равновесия и, наверно, и помогало ему мужественно преодолеть это тяжелейшее испытание одиночеством.

Мне, может быть, больше, чем кому-нибудь, ведомо это угнетающее чувство одиночества и не потому, что я некоммуникабелен. Наоборот, чувство общения во мне развито очень сильно, а профессия журналиста за многие годы отшлифовала во мне эти чувства еще больше. Я часто бываю одиноким и сегодня даже среди большой группы хорошо знакомых людей. Одиночество - это состояние души. Это мои личные проблемы, моя боль, облегчить которую мне едва ли кто сможет. И поэтому я остаюсь наедине с самим собой и наедине с целым миром. Самое любопытное, что порой одиночество делает человека стойким, делает мужественней. Но это случается не со всеми и не всегда. Я вспоминаю давно прочитанную, но не забытую книгу "Овод". Вспоминаю и фильм с таким же названием с Олегом Стриженовым в одной из главных ролей. Вспоминаю "отца" Монтанелли: "Страдание отца, потерявшего единственного сына, может понять только другой отец, испытавший такое же горе." Бог, где Ты? И почему, зачем караешь этой страшной карой одиночества людей с добрым сердцем и щедрой рукой? Я вспоминаю далекий и древний Дербент и одну ее знаменитую уроженку, горскую еврейку Гюльбоор Давыдову - первую женщину-горянку, удостоенную

Золотой Звезды Героя. Она была человеком земли, простая крестьянка с даром искусного оратора, умеющая, как магнит, притягивать к себе людей.

Гюльбоор была великой труженицей, кудесницей виноградной лозы. Она была матерью сыновей - молодых ребят, которых убила война. И эта женщина после всего этого нашла в себе мужество работать, заражая всех своей энергией, солнечным вдохновением, самоотдачей. Труд помогал ей забыть, уйти от тяжелых и гнетущих мыслей. Рядом были люди, которых она любила и которые любили ее, как свою родную мать. О ней слагали стихи и пели песни. Знаменитая песня "Гюльбоор", перелетев через седые камни Дербентской стены, через моря и рубежи сопредельных стран, преодолев расстояние в тысячи километров, уже слышится здесь, на улицах городов Израиля. Но окруженная ореолом славы, эта простая крестьянка оставалась страшно одиноким существом. И при этом она никогда не кричала о своем одиночестве и всегда умела радоваться чужому счастью.

Я и по сей день затрудняюсь сказать, кто над чем правит: человек над судьбой или судьба над человеком. Мне кажется, что все-таки судьба.

В общем-то я человек суеверный, и возможно, мое открытие субъективно, построено на сугубо личном мнении. Но оно сделано не на одном случайном эпизоде из моей беспокойной и не очень уютной жизни. Это открытие - плод моих долгих наблюдений. На моем журналистском пути встречались тысячи людей - простых смертных и власть имущих. В этом

длинном списке имен были люди, которых я знал очень близко. А были и такие, которых я никогда не видел, как скажем, обратную сторону Луны. А память сохранила их. Как-то в одном их номеров русскоязычной газеты "Вести" появилось мое интервью с академиком Ицхаком Давидом, бывшим советником трех израильских премьеров, человеком, говорящим на двадцати языках, грузинским евреем, репатриантом с двадцатилетним стажем. И буквально на следующий день у меня на квартире раздался звонок. Я поднял трубку. "Добрый день, - произнес незнакомый голос. - Это беспокоит вас артист театра "Гешер" Роланд Хейловский." "Чем обязан вашему звонку?" - спросил я. "Знаете, - сказал Роланд, - меня очень заинтересовал ваш собеседник по интервью академик Давид. Я прошу вас об одной услуге. Если можно, дайте его номер телефона. Очень интересный человек, а я как раз собираюсь делать фильм о таких интересных людях". Конечно, я оказал ему эту услугу. А спустя несколько дней был еще один звонок. Роланд благодарил меня и приглашал в театр, чтобы познакомиться лично. Но где-то через месяц я вдруг услышал по РЭКе сообщение о трагической гибели артиста. Он погиб рано утром на одном из скоростных шоссе. В автоаварии. Ему было всего 38. Это сообщение потрясло меня. Я никогда не видел этого человека. Только два коротких телефонных диалога. А ощущение трагедии было велико. Так велико, как если бы я, не дай Бог, потерял бы вдруг близкого человека. Может быть, это острое ощущение утраты было столь эмоциональным еще и потому, что Роланд был тоже с Кавказа, как и я. Это уже потом из большого некролога в газете я узнал, что актерская судьба Роланда скалывалась весьма удачно. Ему посчастливилось учиться у таких корифеев, как Мария Кнебель и Олег Табаков. Говорят, что его приглашали в свои театры Юрий Любимов, Марк Захаров,

Константин Райкин. У него было много планов: писать сценарии, снимать фильмы. Но трагический случай поставил последнюю точку в его биографии. Остались несыгранные роли, неотснятые фильмы, несостоявшиеся встречи со зрителями. Моя благодарная память хранит и образ другого, тоже доброго душой и сердцем человека, коллеги по "газетному цеху", "папы" всех собственных корреспондентов центральной российской газеты "Сельская жизнь" Виктора Алексеевича Куликова, чья жизнь тоже оборвалась трагически и точно в такой же ситуации - автокатастрофе. Но случилось это далеко от Израиля, на другом континенте. Виктор Алексеевич не был актером по профессии. Он был журналистом, но очень талантливо сыграл свою роль, предначертанную Богом: эта роль выражалась в любви к людям. В моей жизни было много людей, с которыми в разные годы сводила меня судьба. Они были так непохожи друг на друга, так отличались характерами и весом в обществе, но каждый из них оставил свой след в моей душе. Одним из них был мой поэтический наставник Матвей Грунин - абсолютно бесхитростный человек, живущий в каком-то своем идеальном мире. Он был романтик и был очень похож даже внешне на Александра Грина - автора "Алых парусов". Он был богат душой, своим человеколюбием и безжалостно беден, как великий поэт Эдгар По, у которого частенько не было денег даже на хлеб. Но зато у него была любимая жена, совсем еще девочка по возрасту, которая мужественно разделяла с ним все лишения и невзгоды жизни. У моего поэтического наставника, кажется, была эта вечная проблема "отцов" и "детей". Видимо, это проблема вселенская. Много лет назад мне довелось как-то увидеть телеспектакль "Дальше - тишина" с Ростиславом Пляттом в главной роли. Эта человеческая трагедия, жизнь и взаимоотношения двух разных поколений, - была показана правдиво, без

купюр, без сентиментов. Люди, отдавшие всё своим детям, от них в конце жизни, когда сердце так ранимо и когда физические силы на исходе, - получают вместо благодарности черствость и унижение. Это опасный симптом. Это сигнал человеческой беды. Это разрушение человеческой личности.

Я - кавказский человек с нашими вековыми традициями и неписаными законами. Никогда сын не позволит себе отдать родителей в дом престарелых. Это считается на Кавказе позором. И не только у горских евреев, но и у всех других народностей. По закону предков, старики всегда жили под одной крышей со своими детьми. А здесь, в Израиле, "отцы" и "дети" живут разобщенно. А для чего тогда нужны эти дети, если умирать приходится на казенной кровати и в полном одиночестве?

Возможно, я безнадежно архаичен, и у меня старые взгляды на жизнь. Но как бы архаичен я ни был, подобное не вписывается в понятия "человечность", "долг" и "милосердие". Для чего со времен Адама и Евы люди хотят иметь детей? Для забавы? Нет. Для продолжения рода человеческого? Да. И не только. Для дней старости, для своей опоры и помощи. Для радости, наконец. А может быть, мне хотят вразумить, что пришло время людей с "собачьими сердцами", когда всё вековое, традиционное давно уже списано в архив и надо жить по новым, современным правилам общих жен и общих детей, коллективного секса и коллективного беспамьятства - Иванами, не помнящими родства, а самое ужасное - стыда и совести? Если это так, то наступил такой период, когда кончилось время жить и пришло время умирать. "Я знала, что делать, но не знала, куда идти, - сказала однажды лауреат Нобелевской премии мира знаменитая мать Тереза. Сегодня эти ее слова могло бы повторить всё человечество. Столько разных дорог на Земле, а люди рвутся куда-то в немыслимую

загадочную даль. Человек - любопытное существо. Ему всё надо. Ему до всего есть дело. Он устремляет свой взор то на Луну, то на Марс. Есть ли жизнь на Марсе? Вот уже весь мир облетела сенсация: требуются добровольцы на Марс. Газеты с таким броским заголовком завораживают и одновременно вводят в состояние шока. Уже опубликованы и условия набора.

Кандидатам, которым посчастливится попасть на борт космического корабля "Земля-Марс" придется на долгих три года отказаться от свежего воздуха, горячей пищи и секса. Кандидаты на полет должны иметь превосходные физические данные, нормальную психику и терпение. Один только полет на Марс и обратно на Землю займет ровно год.

У одного мужика состарился петух: кур не топчет. Он возьми и купи молодого. Вот сидят молодой и старый в курятнике, старый и говорит:

"Ну что, молодой, давай завтра устроим гонки. Ты молодой, я старый. А кто быстрее? Вот завтра и попробуй догнать меня". "Хорошо," - согласился молодой петух. Договорились бежать вокруг сарая. Назавтра как и договорились, первым бежит старый, а за ним молодой. Мужик увидел, рассвирепел, схватил молодого со словами: "Ну что ты будешь делать? Третьего петуха покупаю, и все педерасты попадают!" Это анекдот. А в нашей жизни тоже случается нечто подобное: часто меняются правители, но только это мало хорошего приносит людям. Это характерно и для России, и для Израиля, и для любой другой страны. Ничего хорошего не видел народ при "кукурузном короле" Никите Хрущеве, если не считать

километровых очередей за хлебом. Ничего хорошего он не увидел и при "отце перестройки" Михаиле Горбачеве. "Голливудская кинозвезда" Рейган блестяще сыграл свою роль, выполнив свое обещание развалить великий могучий Советский Союз. А что сделал Ельцин? Взошел на танк? Расстрелял Верховный Совет? Довел до ручки народ. А что в Израиле? Говорят, что Рабин был плохой.

А что сделал "хороший" Нетаниягу? Ровным счетом ничего. И не сделает. И не может сделать. Каждый хочет занять приличное кресло. В СНГ жизнь пошла на выживание: количество умерших стало превышать число рождающихся. И в Израиле регулярный террор и бесконечные автокатастрофы, приравняемые к малой войне, уносят немало человеческих жизней. Чем кончится ситуация в России, какие перемены, какие новые испытания ждут Эрец Исраэль? Трудно сказать. Независимо от судьбы этих стран - в прошлом великой державы, "империи зла", по выражению Рейгана, и маленького Израиля, пытающегося собрать под свою "крышу" всех своих блудных сыновей и дочерей, - общее положение в мире нестабильно: мир ожидают потрясения, и он стоит на грани демографического взрыва. По данным Всемирной организации здравоохранения, уже в начале 21 века численность населения земли превысит 12 миллиардов человек. Не окажется ли прав Мальтус, по теории которого самое страшное бедствие для человека - не войны, а перенаселение? В наше время не приходится ничему удивляться. Умопомрачительные повести писателей-фантастов выглядят сегодня детской забавой по сравнению с тем, что происходит в мире, в котором мы существуем. Мир становится злей. Человеческое сердце не выдерживает этих стрессов. Инфаркты уносят миллионы человеческих жизней. И подобный фактор риска, с точки зрения науки, видимо, становится опасным и непредсказуемым для человечества. Люди

большой науки первыми почувствовали эту необходимость в каком-то лекарстве, делающем человеческое сердце невосприимчивым к микробам трагедий - личных и общественных. Вот почему сегодня всё больше говорят о "человеке из колбы". Такие люди с собачьими сердцами уже существуют. И самое страшное, что производство таких людей может быть поставлено на поток. Нетрудно представить себе, какие это будут люди: ребенок, никогда не знавший матери, материнской ласки, тепла ее рук и доброй улыбки, не может иметь доброе человеческое сердце. Вряд ли уже стоит ожидать новых Микельанджело и Рембрандта, Моцарта и Толстого. Не спорю, сегодня есть компьютеры, которые сочиняют музыку не хуже композиторов, пишут стихи не хуже поэтов, играют в шахматы и даже побеждают великих гроссмейстеров. Примеры тому есть. Один из них - Гарри Каспаров, проигравший шахматную дуэль с компьютером.

Мы живем в эпоху технических революций, когда человеческий взор устремлен туда, в глубины космоса, на Красную планету. И человеческий мозг давно уже преодолел силу притяжения Земли, и человек знает, как устремиться в звездные дали. Но теперь человек знает и другую тайну - тайну размножения себе подобных. Без женщины. Это уже страшно. Я уже в который раз не устаю повторять: пути Господни неисповедимы. Как знать, может, "фабрики по изготовлению людей" будут штамповать одних гениев? Здесь уже не всё в руках Божьих, а в руках человека. Как он захочет, так и будет.

Сенсации века потрясают мир, а значит и меня, как маленькую частичку этого вселенского мира. Недавно ученые вывели живую овцу методом вегетативного размножения. Это уникальное открытие. Мировая пресса не перестает содрогаться от навязчивой мысли о том, что может произойти с человечеством, если подобный метод позволит поставить на конвейер

массовое, серийное изготовление людей, их точных копий. `А где наука, там факты. Не верить нельзя. Абсурдно. Как не верить в существование "человека из колбы", когда против этого много раз протестовал Ватикан? Нельзя быть большим католиком, чем Папа Римский! Сенсации бывают разными, как и люди. Немецкий журнал "Гео" в одном из своих номеров поместил весьма любопытную информацию. В одном из племен Новой Гвинеи самым уважаемым считается тот, кто соберет наибольшее количество черепов съеденных им людей. По мнению известного американского ученого доктора Ричбелла, если раньше людоедство было связано с какими-то религиозными обрядами, то теперь это обыкновенное занятие. Есть племена, которые употребляют только человеческое мясо, а вместо воды - человеческую кровь. И это в наше время, в эпоху великих научных открытий и небывалой цивилизации. Всё это не укладывается в голову, но таков наш безумный, безумный мир. Есть великие и "тронутые" люди, у которых "не все дома". Есть "правые" и "левые", борцы за мир и экстремисты, монашки и проститутки, праведники и мародеры. Люди, говорящие с Богом и отдающие себя молитве, и безбожники. Таков наш безумный, безумный мир. И как подтверждение этому, другое сенсационное сообщение. Брачный марафон преуспевающего бизнесмена из Бостона - Клифтона Хаммерсмита привел в состояние, близкое к шоку, его родственников, друзей и знакомых: он стал сразу мужем шестерых сестер Олгайт. Это Америка. А вот Израиль тоже удивил не меньше. Весьма необычное, если не сказать, "революционное" решение принял Окружной суд Тель-Авива, где судья Шауль Алони обязал признать 30-летнего Адира Штайнера "вдовцом ЦАХАЛа, поскольку он являлся "супругом" умершего полковника Дорона Майзеля. А вот еще Израиль. Только сообщение совсем трагическое. Одна женщина,

сабра, 32 лет, выбросила из окна на улицу со второго или третьего этажа свою только что родившуюся дочку. Целых 15 часов боролись врачи за жизнь этой, ни в чем неповинной крошки. Но к сожалению, безуспешно. И это делает еврейка, в стране, где так много говорится о милосердии! Вот и ни удивляйся после всего этого!

Некогда Александр Дюма-отец путешествовал по Кавказу с небольшой группой близких ему людей. И однажды в горах Грузии они заблудились. В это самое время пошел "в люди" известный писатель Александр Казбеги. Человек знатный, из княжеского рода, он любил иногда "встряхнуться", побродить, облачившись в одежду простолюдина. Любил бывать в горах у пастухов, поговорить, порасспрашивать, чтобы потом пополнить дома свои дневниковые записи. Надо же было случиться так, что заблудившиеся французы попали как раз к пастухам, среди которых находился и Александр Казбеги. Они пытались на ломаном грузинском объяснить, что с ними произошло. К великому удивлению французов, один из пастухов (конечно, это был не кто иной, как Александр Казбеги) стал говорить с ними на прекрасном французском языке. Дюма был поражен такой образованностью "пастуха". И впоследствии в своей книге путевых очерков Дюма напишет: "Интересные люди эти кавказцы. Даже пастухи говорят по-французски." Интересно, что сказал бы он, если бы вдруг ожил и посетил сегодня Израиль? Наверно, сказал бы так: "Интересная страна этот Израиль!"

Вроде еврейское государство, а говорят все по-

русски!" Русская речь заполонила все улицы Тель-Авива и Ашдода, Ашкелона и Хадеры. В автобусах - русские водители, в магазинах - русские продавцы, "сабры" продают русские газеты. Но это мелочи. Есть своя русская партия. И есть свои русские министры. Это не атрибуты репатриации. Это явление 90-х годов 20-го столетия. Это атрибут "горбачевщины". Русская речь слышна не только на улицах Тель-Авива. Она слышится и на улицах Вены и Берлина, Торонто и Нью-Йорка. Но Израиль славится не только "русскими", но и кошками и женщинами-путанами, открыто занимающимися древним ремеслом - проституцией. Но как говорят в Израиле, Барух Ха-Шем (слава Богу). в Эрец Исраэль всё-таки больше кошек, чем проституток. Хотя ни в тех, ни в других недостатка нет. Иногда мне кажется, что Израиль собрал всех кошек мира, что здесь их царство. Говорят, что дурной пример заразителен. Может быть, в силу своей чрезмерной сексуальности, эти черные и рыжие, полосатые и серые задают тон той немыслимой анархии открытого секса, вольно или невольно культивируемого на священной еврейской земле. "У нас секса нет" - это знаменитая фраза, облетевшая чуть ли не весь мир, произнесенная с российского телеэкрана одной из представительниц слабого пола. Возможно, что я пропустил, но я что-то не припомню таких громких заявлений со стороны израильтянок. Не ошибусь, если скажу, что сегодня секс есть и в России, и даже в больших порциях. Но это Россия - громадная страна, даже после всех разделов. А вот спрашивается, зачем маленькому Израилю столько массажных кабинетов, под сводами которых царствует этот самый секс? Значит, есть спрос, есть покупатели этого товара. Женское тело - это тоже хороший и выгодный предмет бизнеса. В одном только Тель-Авиве в районе старой Таханы Мерказит столько этих самых массажных кабинетов, где можно купить любовь на час, на два

или на сколько твоя душа пожелает, что этого количества "домов любви" через край хватило бы на сотню больших государств. В этих "домах" особой одежды не требуется - там принято ходить в "новом платье короля" (или королевы), то есть в том, в чём мать родила. Но есть какой-то необъяснимый секрет в том, что законодатели мод древней страны, ожидающей прихода Машияха, тоже нацелены на культ секса. Если где и произошла революция в одежде, то это безо всякого сомнения, только в Израиле. Композиция одежды так построена, что обязательным условием или достоинством является показ всех женских "прелестей". Она своей открытостью служит как бы источником косвенного возбуждения мужчин. Сегодня в мире появилось много самых различных фотоаппаратов: нажал на кнопку, и снимок готов. Но я и сегодня предпочитаю старые модели, для которых требуются пленка, фотобумага и проявители. Вот когда кладёшь фотобумагу в проявитель, изображение появляется не сразу - секунд через 10-15. Но это еще не всё: выдержишь до тех пор, пока не получишь четкого снимка. Этот процесс чем-то схож с жизнью в Израиле. Ты не сразу понимаешь, что к чему. Прожил год - тебе открывается одна сторона медали. Пожил второй - другая. В израильской жизни много нюансов. Здесь своя специфика, свой менталитет. И даже свое обжорство. Нет, я не преувеличиваю. Особенно хорошо и четко это прослеживается в Тель-Авиве. Большой город. Многолюдно. И тысяча кафе. Говорят, что если вы хотите иметь врагов, то превосходите своих друзей. Но если вы хотите иметь друзей, то пусть они превосходят вас. Это сказал один из умнейших людей своего времени, французский философ Ларошфуко. Но в этом смысле недругов в лице израильтян приобрести невозможно, хотя бы по той простой причине, что их в этой области, в области чрезмерного объедания,

победить нельзя. Уметь столько кушать - это искусство.

Израильтянин кушает на ходу, в автобусе, в кафе, где угодно. Я гурман, восточный человек, кавказец, хорошо знаком с блюдами различных стран и народов. Но израильтяне в смысле хорошо покушать, я думаю, побили все рекорды!

*"Не учите меня ни раздавать,
ни получать дешёвую похвалу"
(Из афоризмов короля Генриха Пятого)*

Этот афоризм и множество других были развешаны в его кабинете в Букингемском дворце. У меня нет королевских апартаментов. Нет даже приличной квартиры. Я оле хадаш - новый репатриант, бессеребренник. Квартиру снимаю. Нет, я не стану развешивать эти прекрасные афоризмы Генриха Пятого на стенах квартиры, где я живу. Я лучше их запомню. Пусть не дословно: важен смысл. И пользуясь советом мудрого короля, не стану раздавать налево и направо эту никчемную похвалу ни людям, ни стране, в которой живу. У меня на то есть причины. Израиль - страна, где не только много кушают, но и где навешивают друг другу ярлыки. Я помню выступление Оры Намир - в ту пору министра труда и социального обеспечения, ведомство которой по своему статусу должно было помогать людям, новым репатриантам в особенности. Женщина - вообще носитель добра и милосердия. А уж женщине-министру сам Бог велел быть такой. Только Ора

Намир сделала обратное: она оскорбила всех олим, назвав их людьми второго сорта. Говорят, что ее назначили послом в Пекине. Интересно, к какому сорту людей она относит китайцев - наследников "великого кормчего" Мао?

В Израиле навесить "ярлык" ничего не стоит. Так, пустяк. Нашлись же люди, которые не пощадили даже человека, очень много сделавшего для еврейской родины. Я говорю об Ицхаке Рабине. Полководец, выигравший три войны, освободивший Иерусалим, так много сделавший для мира. Нашлись люди, которые не постеснялись изобразить его в форме гитлеровского СС и присобачить надпись: "Рабин - убийца". Это была клевета и подлость со стороны тех, кто травил покойного премьера. И они знали об этом. Они ведали, что творили зло, которое никак не вписывается в понятие "еврей". Как понять еврея, сотворившего это зло? Мир знает других евреев, творивших и творящих великую музыку, создавших гениальные творения живописи и зодчества. обогащающих род человеческий новыми знаниями о Вселенной.

Сегодня ученые однозначно утверждают: наша планета Земля "теплее".

Меняется климат Земли. Любое изменение чревато последствиями. Я не ученый с мировым именем, не знаменитый физик, имеющий возможность влиять на "погоду" планеты. Я человек гуманитарного плана - больше историк, литератор. И тоже не великий. Не претендуя на элитные эпитеты, я просто, как рядовой обыватель, вижу, что меняется не только климат Земли. Меняются люди. Еще хуже - меняются и евреи. Похоже, что дело зашло далеко. Не хочу обидеть никого из своих соплеменников, живущих в Израиле. Но живя там, в Галуте, я был больше евреем, чем здесь, на священной земле. Там, по крайней мере, евреи понимали, что живут среди других и что надо вести себя достойно. А на улицах и в домах Тель-Авива

и других городов слова "достоинство", "совесть" и "честь" имеют другие критерии. Умудренные жизненным опытом люди говорят, что если женщина - проститутка, то она и обманывает, и одновременно может обокрасть даже ближнего и не очень чиста на руку. Проституткой может быть и мужчина.

Есть бытовые и есть политические проститутки. Разные. Поэтому речь идет не только о слабом поле. За два года жизни в Израиле я насмотрелся и наслушался столько кошмарного, столько невообразимого, что не слышал и не видел за все предыдущие пятьдесят лет жизни в России, на Кавказе. Примеров много.

Один очень вопиющий - красноречивое подтверждение сказанному. У меня в Израиле есть один хороший знакомый, тоже репатриант. Человек хотел устроить свою жизнь немного уютней: решил продать старую квартиру, купить квартиру попросторней. И его, прожившего в стране уже целых пять лет, так "надули" и облапошили, оставили, можно сказать, в чем мать родила. Вошли в доверие, разыграли карту милосердных и добродетельных людей, готовых в любое время протянуть руку помощи бедным собратям. Мой знакомый - доверчивый и бесхитростный человек, под честное слово, не взяв ни одной агоры, подписал "хозе" - договор на куплю-продажу. А дальнейшее было, как говорится, делом техники. Те жулики "объехали" и банк, и другие организации и красиво сделав ручкой доброму дяде, исчезли со сцены.

К слову сказать, свои же евреи. А человек потерял всё и теперь всю оставшуюся жизнь будет выплачивать кем-то украденное у него же. Когда я его увидел, то не сразу сообразил о степени человеческой катастрофы.

Мой знакомый был в состоянии сильного

потрясения. Катастрофа случилась не в тот час, а днями раньше. Но человек не мог прийти в себя, он и сейчас еще не пришел в состояние покоя. Но тогда одна его фраза, с трудом произнесенная им со слезами на глазах, тяжело подействовала на меня. Она до сих пор звучит у меня в ушах, как скорбная и траурная мелодия: "Адольф Гитлер - мой личный враг. Война убила многих из моих близких, исковеркала судьбу многих дорогих мне людей. Но печи Освенцима гасить не надо. Туда есть кого сажать!" Голос отчаяния? Да. Голос мести? Да. Приговор? Да. Но справедливый. Кажется, Бен Гурион говорил, что если у нас в Израиле появились воры и проститутки, то значит, всё в порядке: мы становимся народом Бен Гурион говорил это, конечно, с известной долей юмора. И никак не предполагал, что мошенничество и проституция будут так процветать на священной земле. Поговаривают, что эти "люди", если это слово к ним применимо, в какие-то дни посещают даже и синагоги. Себя обмануть трудно. Бога - легче. Тем более, если ты уже давно сошел с этого праведного пути. Там, где есть подлость, обязательно следом крадется трусость. Так устроен человек. Предавший и продавший душу дьяволу деградирует как человек, как личность. И речь идет не только о простых смертных. Этой болезнью страдают и "великие" личности. От смешного до великого - один шаг. От трусости до подлости то же самое. По-разному можно относиться к Сталину. Допускаю мысль, что он деспот. Но деспот не воспользовался счастливым случаем, чтобы выторговать своего сына Якова, вызволить его из фашистского плена. "Я солдата на фельдмаршала не меняю." Эти слова облетели мир. Они не придуманы. Они принадлежат Сталину. Он знал, что на него смотрит мир. Он знал, что во имя спасения Родины тысячи и миллионы других сыновей погибают на полях сражений. И деспот не стал играть в эту

шкурную игру, а предпочел достойную смерть сына. Никита Хрущев был человеком других правил. Когда Верховный дал указание расстрелять Хрущеву-младшего, как предателя, - Никита Сергеевич, по милости которого два десятилетия спустя чуть не началась третья мировая война, этот "умный-дурак" по-настоящему ползал у него в ногах, прося пощады. И вот человеческая трусость и подлость. Всю жизнь Никита, что называется, "лизал задницу" генералиссимусу, а в душе, как ядовитая гадюка, ждал удобного случая, чтоб насладиться местью за расстрелянного сына. И когда этот час пришел, то он не упустил своего шанса. Болезнь предательства, трусости, умение расплачиваться злом за доброту, как знак черной неблагодарности, присуща всем - великим и простым смертным, богатым и бедным. Один из моих знакомых еще там, на родине исхода, рассказывал мне одну грустную историю. Жили в одном городе два родственника, два неразлучных товарища. Однажды один из них чем-то провинился, и отец выдворил его из дома, с грозным напутствием больше не возвращаться назад. Тот, долго не раздумывая, сразу на вокзал, чтобы первым поездом уехать, куда глаза глядят. И тут случайно встретил того самого родственника, того парня, с которым дружил. Разговор был коротким и убедительным: Рем уговорил своего сородича Серго никуда не уезжать. "У нас дома места хватит на десятерых" - сказал Рем. Так и остался Серго у своего спасителя. Но "гость" имел скверный характер: плохо сходился с людьми, был драчуном. И однажды из-за пустяка Серго демонстративно затеял драку со своим спасителем, едва не приведшую к трагическому финалу. А после драки Серго заявил Рему: "Земля большая, но только нам двоим на ней нет места". Такова была "благодарность" человеку за его отзывчивость и доброту души. Родной отец прогнал Серго, а Рем приютил, уступил ему свою кровать, а сам спал на полу.

Да, зло не знает доброты. Но есть, к великой радости, другие примеры - красоты и человечности. Мне рассказывали об одной симпатичной женщине, человеке с любящим и сострадательным сердцем, которой по роду работы приходится делать не совсем приятное. Она - служащая ЦАХАЛа. У нее есть воинское звание. Но ей не позавидуешь: она разносит по домам извещения о гибели солдат или солдаток, может быть, чьих-то единственных детей. Страшная работа. Не все люди одинаково воспринимают трагедию: одни бросаются в истерику, другие мужественно воспринимают семейное горе. И эта женщина находит для всех особые слова сострадания, которые, как хорошее лекарство, помогают облегчить боль и страдание. Она выполняет свой воинский и чисто человеческий долг.

Он есть у нас у всех, этот долг. Долг сыновний, долг Памяти, просто долг человека. Это слово имеет глубокий философский смысл. И каждый человек воспринимает этот долг с высоты своего коня, с высоты своего седла, на котором восседает. На зов долга шел легендарный разведчик Рихард Зорге. И наверно, голос долга звал на ратные подвиги другого разведчика, тоже легенду - Отто Скорцени. Я прекрасно понимаю, что это не камни одного ожерелья. Разная философия, разные идеи. Этот долг заставил Александра Матросова закрыть собой амбразуру вражеского дзота и поднимал в космическую даль американскую еврейку Джудит Резник, погибшую на печально известном космическом корабле "Челенджер". Я тоже чувствую себя вестником беды и джентльменом долга. Я нескрываю ни от кого своего внутреннего волнения и вечного ожидания. Я живу на войне. И выходя каждое утро из дома, я не знаю, вернусь ли обратно. Я живу в тревожном ожидании. Но жить взаперти, под домашним арестом, тоже не хочу.

Вот почему я не ухожу с поля боя, хотя почитаемый мною певец Авив Гефен и советует упаковывать чемоданы и бежать с этой святой земли, куда глаза глядят. Я не пророк. Я не знаю, что со мною стрясется завтра. Доживу до "понедельника" - хорошо. А может быть, Всевышний расщедрится и даст мне дожить до прихода Машияха. Но это уже гадание на кофейной гуще. И я опять, уже в который раз, вспоминаю слова своей матери: "Всевышний не спросит тебя: "Почему ты не стал Машияхом?"

Всевышний скажет: "Почему ты не стал Романом?" И я стараюсь им быть - человеком и самим собой. Хотя и не всегда могу отличить сразу добро от зла, черное от белого, а зависть от доброжелательства, как это может делать всезнающее и знаменитое армянское радио, которое без труда еще может отличить мужские семейные трусы от женских "бикини". Но я не буду упаковывать чемоданы, хотя бы потому, что мне нечего упаковывать и у меня никаких чемоданов нет. И если бы даже они и были, мой поезд давно уже "отчалил". И поэтому я опять остаюсь на войне.

МИНУТА
МОЛЧАНИЯ

СТИХИ

МЫ ДАЛЕКИ ...

*Мы далеки теперь так друг от друга.
Я на земле обетованной год, -
А ты живешь там, где снега и вьюга,
И жизнь горька, а не сладка, как мёд.*

*Мы далеки. Не буду лгать напрасно.
Кривить душой не буду вдалеке.
И у меня не всё здесь так прекрасно:
Построены все замки на песке.*

*Мы далеки. Меж нами ночь и бездна.
Меж нами вечность, тишина, пески.
Судьба со мною не всегда любезна, -
Но я не сын печали и тоски.*

*Мы далеки. И суждено, не скрою,
Мне в эту землю горестную лечь.
Как злой стервятник, часто надо мною
Витает низко кровожадный смерч.*

*Мы далеки. Теперь уже навеки,
Одно хоть солнце, вроде, греет нас.
Рук не сплетем в объятьях, словно реки,
Хотя огонь любви и не погас.*

*Живу я там, где есть и кровь, и жажда,
И где до Бога лишь подать рукой, -
Но если я не подорвусь однажды,
То знай: Всевышний всё еще со мной.*

ЛЮБОВЬ И СМЕРТЬ

*Любовь и смерть, как мир и небо, вечны.
Любовь - измена. Верю только в смерть.
И в путь, который называют Млечным,
И в солнца огнедышащую медь.*

*Не осуждай меня, прошу за это.
Ты откровенность не прими в укор.
Любовь - она, как целая планета,
Где белых пятен столько до сих пор.*

*Я шел по ней и в бурю, и в туманы,
В душе лелея тайну на успех.
И вот теперь одни на сердце раны,
И за спиной Любви колючий смех.*

*Проходит жизнь вся в череде событий,
И весь увлекшись этою игрой,
Не удивлю я мир своим открытием:
Любовь похожа на огонь порой.*

*Любовь и Смерть. Лишь два коротких слова.
Одно - восторг, другое - слезы, грусть.
Меня, как прежде мальчика, седого
Пугают оба, как я ни храбрюсь.*

И ТЫ, КАК НА ХОЛСТЕ РЕМБРАНДТА

Эллен

*Другое небо голубое,
Но тот же самый злейший рок, -
Что будет завтра здесь со мною,
Не скажет ни один пророк.*

*Я буду жить иль вдруг исчезну,
Суровой истины кумир, -
Уйду в другую тихо бездну,
Оставляя этот лживый мир.*

*Иль воспарю к другим высотам,
Пусть даже сломаны крыла,
Иль стану вечным Дон Кихотом,
Я, не сумев осилить Зла.*

*Другая жизнь - и бьет ненастье.
Другие сны - и льется кровь.
Убита кем-то птица счастья.
Зло-снайпер целится в любовь.*

*Другое небо в бриллиантах,
Другой, быть может, даже бог.
И ты, как на холсте Рембрандта,
И я, как страждущий Пророк.*

Я КОНЧУ ЖИЗНЬ

*Я кончу жизнь, наверно, плохо:
Скандалной дракой иль петлей.
И в этом, может быть, эпоха
Повинна будет предо мной.*

*За каждый час, что прожил в риске,
За те бумажные цветы,
Что возлагают к обелискам,
И за расстрел моей мечты.*

*За то, что Зло в чести приемлю
И не кричу - как рыба нем.
За то, что на чужую землю
Послали мальчика совсем.*

*За то, что ложь в душе лелеял,
За то, что отводил глаза,
За то, что зерна яда сеял
И убегал, когда гроза.*

*За то, что сказку выдал былью
Я в трубы медные трубя,
За то, что подрубил я крылья
И обманул так сам себя.*

*Я кончу жизнь, наверно, лихо-
В зените славы, на тиру.
А может быть, безвестным тихо
Свечой погасну на ветру.*

БОЮСЬ

Гале

*Поверь, не смерти я боюсь,
Хоть встреча с ней и не приятна,-
Лишь грусть о том, что не вернусь
На эту землю я обратно.*

*Об этом думаю давно,
И время вроде подоспело.
Короткой лентой кино
Вся жизнь в тумане пролетела.*

*Но и о том я не скорблю,
Лишь об одном сейчас жалею:
Я неба, страстно что люблю,
Увидеть больше не сумею.*

*Не уловлю я листьев звон,
Твоих шагов я не услышу.
Мой будет вечно длиться сон
Под земляною рыхлой крышей.*

*И будет сниться мне июль,
Поляна тихая лесная.
Туманно, словно через тюль,
Мне мама явится живая.*

*Поверь, не робок я, не трус:
Могу сойтись и в рукопашном.
Разлуки скорой я боюсь, -
Оставить землю мне так страшно!*

ДУЭЛЬ

*Я, как опасная АЭС,
Порою весел, чаще - мрачен.
И у меня есть свой Дантес,
И час дуэли обозначен.*

*Давно измерены шаги.
Не всё приемлется на веру.
Глаза - в глаза. На то враги.
Иду безропотно к барьеру.*

*Развязка боя не близка.
Она срывается, как мина.
Как много снега у виска!
Конечно, есть тому причина.*

*Моя судьба предрешена.
В душе уставшей злости много,
И в этом не моя вина, -
Могу поклясться перед Богом.*

*Я есть и ангел, и злодей,
Что сам себя карает просто, -
И верит в доброту людей,
Уставших от обид и злости.*

*Я, как опасная АЭС,
Всю жизнь на грани риска пробыл.
И у меня есть свой Дантес:
Живая скорбь и боль - Чернобыль.*

ТЕПЕРЬ УЖЕ...

*Теперь уже ни родины, ни дома.
Я меж землей и небом вдруг повис, -
И взлетной полосой аэродрома
Как будто стала в одночасье жизнь.*

*Теперь уже мне ни к чему восторги
И не нужны ни слава, ни почет, -
Ни легкой жизни сладостной, ни оргий:
Хочу забытым жить, наоборот.*

*Теперь уже мне - что зима, что лето,
Что холод жгучий или просто зной.
Я сам собой - погасшая планета,
Сошедшая с орбиты скоростной.*

*Теперь уже мне ни к чему фанфары,
Судьба с лихвой все беды раздала.
Мне довелось разбиться, как Икару, -
Ведь то по мне звонят колокола.*

*Живу в тоске - часы и дни считая,
Невзгоды жизни про себя кляня,
Надеясь очень, что родная стая
Назад вернется, чтоб забрать меня.*

ПРОСТИ

Марине

Прости, я думал, что всесилен,
Что горы сдвинуть - плюнуть раз,
Что за стеной имею крылья,
Что я заметней, чем Кавказ.

Прости, я думал, что могучий,
Что крепче даже, чем броня.
Не знал, что завтра злые тучи
Натравят ливень на меня.

Прости, я так наивно верил,
Что все творят добро вокруг.
Не знал совсем, что может дверь
Перед тобой захлопнуть друг.

Прости, я думал, люди добры, -
На помощь только позови.
Но оказалось: есть и кобры,
Смертельный яд у них в крови.

Прости, я думал, что сумею
Тебя счастливей сделать всех,
Но не сумел. Теперь жалею, -
На мне одном весь этот грех.

Прости, я жизнь считал игрою, -
Она ж дурачила всех нас.
И как солдат, на поле боя,
Стою и плачу в первый раз.

ДВА НЕБА

Виталику

Два неба как будто висят надо мной.
Одно из них чисто и звездно.
Сегодняшним днем я живу, дорогой,
О завтрашнем думать мне поздно.

Что будет там завтра?
Нелегкий вопрос.
И я не пророк-ясновидец.
Мне б только, чтоб в мире, спокойно жилось, -
Войны я живой очевидец.

Сегодня нужны мне и радость, и смех,
И солнце, и месяц двурогий.
И если я грешен - сегодня же грех
Готов искупить я у Бога.

Простит - хорошо, если нет, то не жаль,
А завтра что будет, я знаю:
Уйду я в туманную вечную даль,
Прописку свою поменяю.

Два неба как будто, а жизнь лишь одна,
Но если подумать серьезно,
Ее так неожиданно упала цена, -
Я понял всё это, но поздно.

ХОЧУ ЗАСНУТЬ

*Хочу заснуть и больше не проснуться,
Предсмертных мук ничуть не испытав,
И если мне вдруг суждено вернуться,
Приду к тебе, от вечной тьмы устав.*

*Приду к тебе восторженный и робкий
И сам себе немного удивлюсь,
Что так легко нашел назад я тропки, -
Как будто вновь взойшел я на Эльбрус.*

*Приду к тебе я от тоски уставший,
Еще не веря в чудо и возврат,
Как солнца луч, как без вести пропавший,
Как вновь из пепла возрожденный сад.*

*Приду к тебе однажды, не случайно,
Живой как есть, один средь бела дня,
И ты узнаешь обо мне всю тайну, -
Печаль и радость моего огня.*

*Хочу заснуть и не проснуться больше.
Желанья нет бессмысленней, кажись.
Чем я живу на этом свете дольше,
Тем меньше в эту я влюбляюсь жизнь.*

НЕ ПРЕЗИРАЮ

*Не презираю слабых духом, -
Жалею каждого из них.
Они, как слабая старуха,
Ранимей во сто крат других.*

*Не презираю слабых волей,
Не осуждаю тех, кто слаб.
Давно живя чужою болью,
Я ненавижу тех, кто раб.*

*Не презираю очень бедных, -
От них я сам на полшага.
Я ненавижу лютых, вредных, -
В них вижу личного врага.*

*Не презираю ослепленных
Минутной славою своей.
Люблю, как сам, простых, влюбленных
И ненавижу злых людей.*

*Не презираю бесталанных, -
Своя у каждого звезда.
Жалею умерших и странных, -
А вот продажных - никогда!*

*Не презираю слабых духом, -
Жалею даже их порой:
Не может ведь простая муха
Стать медоносною пчелой.*

ВРАГ

*Я сам себе заклятый враг:
Иных вельмож в лицо ругаю,
Дразню порою их, как собак,
Потом за это сам страдаю.*

*Я, как контуженный солдат,
Живу невесело и трудно.
Я сам себе устроил ад:
Плыву на обреченном судне.*

*Я сам себя казню в глуши
Под звуки траурного меццо,
Убийца собственной души
Каратель собственного сердца.*

*Я сам себя и обокрал,
Раздал несостоящим до нитки.
Никто "спасибо" не сказал,
А я, дурак, опять на пытки.*

*Я сам себя обрек на грех,
От дум весь высох словно палка.
Мне почему-то жалко всех, -
Меня же никому не жалко.*

*Я сам себе заклятый враг:
Всё ложь за правду принимаю
И на себя в пылу атак
Огонь смертельный вызываю.*

О, СКОЛЬКО РАЗ...

*О, сколько раз я был обманут
Самим собой, самим собой, -
И словно сыпал соль на рану
Своею собственной рукой.*

*О, сколько раз я шел в атаку,
Других собою заслоня, -
А в благодарность за отвагу
Собак травили на меня.*

*О, сколько раз в лицо бросали,
Глумясь, обидные слова, -
Сто тысяч раз и предавали
За то, что варит голова.*

*О, сколько раз я людям верил
И жил печалью их, скорбя, -
В ответ мне взламывали оверы -
Я вновь обманывал себя.*

*О, сколько раз я жил надеждой,
Как в сказках дивных у Перро, -
Пока не понял, что невежды
Убили совесть и добро.*

*О, сколько раз, душой страдая,
Был для других я, как броня.
Я не пророк, но твердо знаю:
Живым не выйду из огня.*

ОПЯТЬ КАК БУДТО...

*Опять, как будто на войне, -
Разлуки, встречи, расставанья.
Опять как будто ты в огне,
И как мечта - с тобой свиданье.*

*Как будто ухожу в снега
И сам себя зову на битву.
Опять за давнего врага
Шепчу как будто бы молитву.*

*Опять как будто слышу плач.
Вот-вот - и сердце разорвется.
Души моей лихой палач
Как будто надо мной смеется.*

*Опять как будто бы с бедой
Лицом к лицу крутая встреча.
Опять как будто надо мной
Ты зажигаешь тихо свечи.*

*Опять как будто не живу.
Опять как будто жду чего-то.
Опять во сне тебя зову.
И будто вновь за мной охота.*

*Опять как будто бы в плену
И над бедой своей рыдаю,
Себя как будто бы кляню,
Что так шутя с огнем играю.*

*Опять, как будто на войне,
Разлучены с тобой надолго.
И потому, наверно, мне
Всё чаще снится - ты и Волга.*

ЗАБУДЬ ...

Забудь, что впереди есть смерть:
Печаль в глазах, и страх, и мука.
И эта траурная медь,
И это страшное - разлука.

Я слышу этот голос твой.
Он сердце наполняет дрожью, -
А завтра снова ринусь в бой,
Надеясь на молитву Божью.

Забуду, что, к стыду, не смог
Подать спасительную руку
Всем тем, кого забыл сам Бог,
Чтоб облегчить их боль и муку.

Забуду, что еще есть ты,
Неугомонная, как прежде,
Моя любовь, мой знак беды,
Моя последняя надежда.

Забуду, хоть нельзя забыть.
Пусть сердце от тоски сожмется, -
Что ж, смерть есть смерть, - а надо жить,
И счастье, может, улыбнется!

КОСТЁР

*За правдой гнаться - это вздор.
Себя ты лучше сохрани.
Взойти, как Бруно, на костёр?
Как это глупо в наши дни!*

*Зачем тебе горячий конь?
Вниз по течению плыви!
Ведь обожжет шальной огонь.
Ты для себя, дурак, живи.*

*Так говорят мне "мудрецы".
Мне что, иглой зашить им рот?
Они годятся мне в отцы.
Как может, каждый так живет.*

*Пусть говорят об этом вслух,
Что я себе заклятый враг,
Что так упрям и что так глух,
И что ошибка каждый шаг.*

*Хотят в лицо мне бросить грязь,
Но он напрасен, этот спор.
Открыто, честно, не стыдясь,
Иду на праведный костёр.*

*В огня вхожу я полосу,
Другой дороги не дано.
Я правду, может, не спасу,
Но кто-то должен всё равно!*

ПУСТЬ ГОВОРЯТ ...

Теперь грустить о прошлом нет резона.
Года - не реки: вспять не повернуть.
Вся жизнь моя - огня сплошная зона,
И к прошлому хочу найти свой путь.

Мне говорят, что прошлое - ошибка,
Что это, вроде, мой позор и стыд.
Но как печаль мне выдать за улыбку,
Как без корней, без прошлого прожить?

Пусть говорят. За прошлое не каюсь.
Понять хочу я суть текущих дней.
Порою злобно я стихами лаюсь,
Приемлю смертных и больших вождей.

Теперь живу, как белая ворона.
Грусть о былом и боль былых утрат ...
Вся жизнь моя - огня сплошная зона,
И прошлому опять кричу: "Виват!"

ИГРА

*Я, добрый мальчик Божьей милостью,
Для славы, может, был рожден, -
Дитя родное культа личности, -
Не в самом лучшем из времен.*

*Но не сбылись надежды веющие.
Смешала мне все карты жизнь,
И тучи - черные, зловещие
Над головою пронеслись.*

*В душе живет своя идиллия,
Своя мечта и свой завет,
Своя любовь, своя Бастилия,
Свой негасимый тайный свет.*

*Своя задача в жизни главная.
Хочу того иль не хочу,
Я, как и прежде, в годы давние,
За каждый промах свой плачу.*

*Я у судьбы давно в немилости,
Горю как будто бы живьем,
Дитя родное культа личности,
Безумно балуюсь с огнем.*

ПРОКЛЯТЬЯ

*Проклятья всем моим врагам,
Кто ненавидит свет и небо.
Проклятья селам, городам,
Где месяц с грязью корку хлеба!*

*Проклятья всем, в ком нет добра,
В ком нет души, тепла и чести,
В ком жадность давняя вора,
В ком яд по жилам бродит мести!*

*Проклятья всем, забывшим мать!
Проклятья всем себя продавшим!
Проклятья, кто не хочет знать
Своих друзей, в беду попавшим!*

*Проклятья тем, кто всем судья,
Кто возомнил себя здесь богом.
И шлю свои проклятья я
Трусливым, жалким и убогим.*

*Проклятья, кто в вине прожжёт
Лихую молодость до срока,
Кто не хотел совсем, а мог
Так в жизни этой сделать много!*

*Проклятья всем моим врагам:
Кто над бедой чужой смеется,
Чужим завидует рукам
И ненавидит даже солнце!*

У К Р А Д У

*Я печаль твою с глаз голубых украду
И сожгу, как бумагу, до пепла ее,
У людей удивленных, чужих на виду, -
И отвечу один за злодейство свое.*

*Я печаль твою с глаз, как пылинку, сотру.
Заблестят в них играючи солнца лучи.
Все обиды твои я сожгу на ветру
И вложу в твои руки я счастья ключи.*

*Я печаль твою с глаз, как росинку, сниму,
А потом невзначай разобью, как стекло.
Все невзгоды твои на себя я приму, -
Лишь бы только в улыбке лицо расцвело.*

*Я печаль твою с глаз голубых украду,
Ты моей Дездемоною, тайной слыла.
Знай же, если, сраженный, я вдруг упаду, -
Что любовь моя "злей", чем у Мавра, была!*

СВОЯ СУДЬБА

*Своя судьба у каждого мужчины, -
Но вот беда: всё счастье - дуракам,
И достаются горчые вершины
Ленивым, беззаботным облакам.*

*Своя судьба у каждого с рожденья:
Кому везет - и счастье через край,
Кому невзгоды только и терпенье,
Кому-то ад, а вот кому-то рай.*

*Своя судьба у каждого, бесспорно,
И не купить, и не продать её.
Кому-то тесно, а кому просторно, -
Судьба, как жизнь - и правда, и враньё.*

*Своя судьба у каждого, как мета,
И от себя уже не убежать.
Своя любовь, своя беда, планета -
Священная и грустная, как мать.*

*Своя судьба у каждого мужчины, -
Своя печаль и свой далекий Марс.
Свое везенье и свои вершины,
Своя звезда и свой последний час.*

ТОЛЬКО ЖИЗНЬ

*Я, как маленький мальчик, наивен,
Верю сказке, легенде любой,
На коне удержаться и в ливень,
В трудной жизни пытаюсь порой.*

*Только жизнь - не легенда, не сказка,
И наивность не терпит она,
Не нужны ей ни щедрость, ни ласка -
Любит издавна зло сатана.*

*Я премудрости эти все знаю,
Но не в силах с собой совладать
И, седой уже мальчик, играю
В эти сказки, чтоб чище мне стать.*

*И другим мне не быть до кончины.
Через смех и обиды пройдя,
Я по этой, быть может, причине
Всё наивен ещё, как дитя.*

*Я, как маленький мальчик, наивен.
Мудрецов принимая укор,
Я себя подставляю под ливень,
Верю сказкам любым до сих пор.*

ХОЧУ ВОЗВРАТИТЬСЯ

*Асфальт, как дамасская сабля,
Сверкает, омытый дождем.
Иду, вспоминая о сакле,
Где с мамою жили вдвоем.*

*Хотелось мне в юности ранней
Жить в городе. Парня села
Манили высотные зданья
Из мрамора, камня, стекла.*

*По городу вновь я шагаю,
Кругом беготня, суета.
Троллейбусы мчатся, трамваи,
И странно гудят провода.*

*Железо и камень повсюду,
Скульптуры эпох и веков.
И куклами кажутся люди
У грозных подножий домов.*

*Я в комнате, тоже из камня,
Ложусь на простую кровать,
Глаза закрываю, как ставни,
Мне видятся: сакля и мать.*

*Пока во мне жизнь не иссякла,
Неси эту весть стих-гонец:
Хочу возвратиться я в саклю -
В приветливый детства дворец.*

ВСЁ УМЕЛ...

*Всё умел лишь Юлий Цезарь.
Я же смертный - не мастак.
Рядовой, быть может, слесарь
Лучше знает, что и как.*

*Не сыграю роль в спектакле,
Не смогу я вечным быть,
Не сумею даже сакли
Из камней речных сложить.*

*Не смогу я в горской печи
Ароматный хлеб испечь.
Не сумею долгий вечер
Я держать на людях речь.*

*Не смогу жить без ночлега,
Без воды и без огня,
Без улыбки и без снега,
И без ночи, и без дня.*

*Не смогу, не одолею
Даже речки без весла,
Но зато всегда сумею
Отличить добро от зла.*

ХОТЕЛ БЫ Я...

*Звезда давно мертва, давно не дышит,
Но через сто, а может, двести лет,
От той звезды, далекой и застывшей,
На землю нашу попадает свет.
Настанет день, когда меня не будет.
Река забвенья смоев берега...
Хотел бы я вернуться снова к людям
Тем светом звездным, рвущим облака!*

МУЖЧИНЫ ПЛАЧУТ ...

*Мужчины плачут? Да, порой бывает,
Но лишь увидеть этого нельзя.
Скорбят они, печалятся, страдают.
Узнаешь, только заглянув в глаза.
Они горят вулканом, а порою
Печали тучи закрывают их.
Мужчины плачут дважды: после боя
И уходя навеки от родных.*

ПОКА ЖИВОЙ...

*Я знаю: там не будет звезд.
Не будет даже света свечки,
Ни встреч, ни ласки и ни гроз,
Ни треска углей в старой печке.
Не будет губ твоих огня,
Ночных поездок в электричке:
Земли тяжелая броня
Меня накроет, словно птичку.
Всё будет так. Пока живой...
Пока люблю, пока ревную.
Иду рука в руке с тобой
И в губы яростно целую.*

РАНА

*На лес неожиданно в ярости кипучей,
Как хищный зверь, набросилась гроза,
И так же вдруг исчезли с неба тучи, -
Смеялось солнце вновь во все глаза.
Но рана от обиды злой и колкой,
Тобою нанесенной, не пройдет:
Она у сердца маленьким осколком,
Боль причиняя, издавна живет.*

ГОРЯТ ДРОВА

*Горят дрова... О, сколько в них терпенья!
Огонь урчит, как старенький мотор.
Короткие, шершавые поленья
Бросаю во взъерошенный костёр.
И на огонь смотрю я, как на рану.
На ум приходят мудрые слова:
Коль суждено, сгори ты, как Джордано,
В огне сумей смолчать, как те дрова!*

ПРЕДСКАЗАНИЕ

*Легко бульдозер домик ветхий сносит,
Берёт его, как буйвол на рога.
Поцарады и прощения не просит
Домишко у железного врага.
И я, как домик этот, обветшаю,
Но только смерти вряд ли уступлю.
И даже в час кончины, умирая,
Кричать я буду, что любим, люблю!*

ТЮРЬМА

*Вот и настала та зима,
С которой встречи так боялся,
Та незавидная тюрьма,
Куда попасть я не старался.*

*Я думал, юная весна
Со мною вечно будет рядом,
Как в жизни верная жена,
Которой роскоши не надо.*

*Я думал, спутницей моей
(Так по наивности казалось)
До самых, до последних дней
Одна лишь только будет радость.*

*Но вдруг ворвалась в дом метель
И надо мною зло смеется.
Мне миной кажется постель,
Вот-вот безудержно взорвется.*

*Настали дни одних тревог.
Не облегчить их щедрой данью.
Не обещает рая Бог.
Готово сердце к испытанью.*

*СЛОВО
О МАТЕРИ*

ЖИВУ ОДИН

*Два года, две весны и вот два лета
Средь волн житейских и крутых плыву
И без тебя на этом белом свете
Теперь я, мать, совсем один живу.*

*Два года, две весны и дней начало
Моих печалей и моих тревог.
Судьба как будто жертвою избрала:
Меня давно преследует злой рок.*

*Два года, две зимы умчались птицей,
Но сердца раны ноют так в ночи.
Твой вечен сон. А мне же, мать не стится.
Помочь не могут даже и врачи.*

*Что делать, если жизнь скупа на радость, -
Потерь мне дарит только короба.
Кого винить, коль от роду досталась
Такая мне печальная судьба.*

*Два года, две весны и вот два лета
Так быстро пролетели, будто сны.
Но только боль со мною вечно эта:
Святое чувство собственной вины.*

СУДЬБА

*Вот стало меньше матерью одной-
Отзывчивой, простой, трудолюбивой.
Судьба к тебе была всегда крутой,
Ты не была везучей и счастливой.*

А что такое счастье?

Где оно?

Кому хоть раз

При жизни достается?...

*Тебе, наверно, было суждено
Истить воды из горького колодца.*

*Иль у тебя, быть может, на роду
Написана была одна тревога,
И жизнь тебе дарила лишь беду,
А ты молилась за людей и Бога.*

Вот стало меньше матерью одной.

Еще одна великая утрата.

*Она одна - и смыслом, и ценой,
Как смерть в бою отважного солдата.*

*Я как будто телеграмму
Получил себе на диво:
Мне вчера приснилась мама
Молодою и красивой.*

*Обошлась судьба жестоко,
Обожгла, как в жаркой печи,
Разлучила нас до срока, -
И вот снова с мамой встреча.*

*Ей, конечно, мама рада:
"Как живешь ты там, сыночек?
Жизнь моя, моя отрада,
Мой единственный цветочек!"*

*- Здравствуй, мама, успокойся.
Я таким же добрым буду!
И прошу тебя - не бойся?
Я твой образ не забуду!*

*Не такой уж я пропащий,
Обо мне грустить не надо.
Приходи ко мне почаще,
Посиди со мною рядом.*

*Я как будто телеграмму
Получил себе на диво:
Мне вчера приснилась мама
Молодою и красивой.*

СКОРБЬ

*Мне б только не сойти с ума
От той невыслымой потери...
Неужто, мама, ты сама
В другую жизнь открыла двери?
Мне б только волком не завывать,
Не закричать бы, не заплакать,
Найти бы мужество, чтоб жить, -
Хоть это нелегко, однако.
Мне б только не сойти с ума -
Такая боль, печаль, утрата!
Твоя могила - не тюрьма -
Оттуда нет уже возврата!
Мне б только не забыть тех дней:
Твое лицо в немой печали
И бархат глаз, разлёт бровей
И рук, что отдыха не знали.
Мне, мама, жизнь давно - как бой,
В котором трудно так сражаться.
Хочу, как ты, самим собой
До гробовой доски остаться!*

ПУСКАЙ МОЙ СЫН

Я думал, ты со мною будешь вечно.
Не знал, что вдруг оставишь так меня.
Моя вина: не уберег, конечно,
И боль утраты жжет сильнее огня.

Я думал, грешный, что твоя улыбка
Всегда дарить мне будет жизни свет...
Прости меня! И здесь моя ошибка,
И вот цена: тебя со мною нет!

Казнить себя и убиваться поздно.
Об стенку б надо головой,
как мяч,
Но это всё, наверно, несерьезно -
Тебя уж нет, теперь хоть вой, хоть плачь.

О, каждый день мне, мама, жизнь,
как битва,
И каждый день, печаль в душе храня,
Твои слова шепчу я, как молитву:
"Пускай мой сын переживет меня!"

Я ВРУ СЕБЕ...

*К твоей могиле прихожу не часто -
Разлуки боль еще мне сердце жжет
И рвет его на маленькие части:
На свете мама больше не живет.*

*К твоей могиле прихожу. Не плачу.
Стою, лицо ладонями закрыв.
Я скорбь свою ни от кого не прячу.
Она со мной, пока я буду жив.*

*К твоей могиле прихожу я редко.
Прости меня: у суеты в плену,
У дерева я высохшая ветка,
И волшебством тебя я не верну.*

*К твоей могиле прихожу в тревоге,
Когда на сердце камень, боли груз.
Я за тебя обижен так на Бога
И даже очень на него сержусь.*

*К твоей могиле прихожу всё реже.
Я вру себе и тещусь мыслью той,
Что ты придешь, ушла за хлебом свежим,
Вот-вот вернешься, как всегда, домой.*

ЖЕЛАНИЕ

Дочери Марине

*Деревья умирают стоя,
Когда метель, когда гроза.
Боготворю я их, не скрою,
Смотрю им с завистью в глаза.*

*Деревья умирают в муках -
Так суждено им на роду.
И с жизнью их грустна разлука,
Как у людей - всё навиду.*

*Деревья умирают стойко,
Под вой безжалостных ветров.
Земля - их дом, и кров, и койка, -
Так было испокон веков.*

*Деревья гибнут в одиночку -
В мороз, в буран, в глуши лесной;
К ним не приходят сын иль дочка,
Чтоб облегчить печаль слезой.*

*Я не покину поле боя!
Зажги прощальную свечу.
Деревья умирают стоя,
И я погибнуть так хочу.*

У ПОТУХШЕГО ВУЛКАНА

*Стою у вулкана потухшего
И думаю долго о том,
Что нет и не может быть лучшего,
Чем вечная дружба с огнем.*

*Мне в жизни всё ценно и дорого,
Но как ненадежная бронь
То сердце, уже из которого
Однажды похищен огонь.*

*Желаю всем ветра попутного,
Без солнца чтоб не было дня!
Легко на душе от уютного
И жаркого в доме огня.*

*Земля, как волшебная мельница,
А солнца лучи - жернова.
Целебным огнем этим лечатся
Живой человек и трава.*

*Стою у вулкана потухшего,
И мысль озаряет меня:
Что может на свете быть лучшего,
Чем радостный отсвет огня!*

ОТКРОВЕНИЕ

Бабушке Хубэй

Что же делать?

Я плохо приучен:

Говорю всем открыто, что есть.

*На себя вызываю я жгучий
Злой огонь, а вдобавок и месть.*

Не могу я, признаюсь, иначе,

Мне противна холодная ложь.

*И бывает так трудно, что плачу
От неправды в кавычках святош.*

Не нужны мне доспехи-одежды,

Пусть сжимается вражье кольцо.

*Я останусь таким же, как прежде, -
Отстреляю всю правду в лицо.*

Так привык. Не могу по-другому.

Не снести головы мне поди.

*Что ж, сидеть, заперевшись мне дома
И молчать, в рот набравши воды?*

Что же делать?

Я плохо приучен:

И от правды погибну, видать.

Вновь беды собираются тучи,

Я опять не сумею смолчать.

БЕССМЕРТЬЕ МОЕ...

*И хлебом священным, и солнцем клянусь:
Минуты не прожил я даром.
Что правда, то правда - седым становлюсь,
Но только не злым и не старым.*

*Белеет, как снег, с каждым днем голова,
Сбежать бы из снежного плена.
Что правда, то правда - ведь жизнь не трава,
Мы знать ей обязаны цену.*

*Ношу в своем сердце я слитки огня,
Горит оно знаменем рея.
Что правда, то правда - в степи, как коня,
Судьбу оседлать не сумею.*

*Безвременно многих теряю друзей,
А жизнь летит будто с экрана.
Что правда, то правда - с годами трудней
На сердце рубцуются раны.*

*Рожденный однажды в суровых горах,
Познал я крутые дороги.
Что правда, то правда - живу второпях,
У жизни заимствую строки.*

*Года, я скажу, не всегда мумиё,
Хоть Время и лекарь известный.
Что правда, то правда - бессмертье мое,
О солнце - крылатая песня!*

МОЯ ЗВЕЗДА

*Дорога в рай, дорога в ад,
Куда-то есть еще дорога.
Дорога страха и утрат,
Есть и другая - прямо к Богу.*

*Мне рай не нужен.
Ну, зачем?
К чему богатые убранства?
Я занемог, устал совсем
От этих долгих, вечных странствий.*

*Так долог путь к себе, что жизнь
Безмерной кажется порою.
Я не стремлюсь подняться ввысь, -
Вдруг упаду шальной звездой.*

*Что уготовано судьбой,
Моя звезда мне подсказала.
О нет, я вовсе не святой,
Я совершил грехов немало.*

*Скорбил, где надо было петь,
А где смеяться - просто плакал,
И жил, где надо умереть.
Где прилечь - я шел в атаку.*

*Дорога в ад, дорога в рай,
А на душе - одна тревога,
Как будто гневится Синай
И разбудить не может Бога.*

ПРЕЗРЕНИЕ

Не зовите меня на распятие Христа:
Теплой крови я знаю пылающий цвет,
Презираю людей, кто под сенью креста
Предают свою мать, отчий дом и завет.
Предавать этим людям, наверно, легко.
Им бы только покой. Им бы только тепло.
Слово "совесть" у них, словно Марс, далеко,
И на сердце одно - только яд, только зло.
И они никогда не закроют собой
Пулеметную острую, жгучую пасть.
Им бы выжить бы только любой ценой,
Только б мертвыми в этом бою не упасть.
Я в разведку с такими вовек не пойду,
За здоровье друзей тить не буду вина.
Если пулей сраженный я вдруг упаду,
Те меня из огня не спасут ни хрена.
Кто однажды цвет крови легко так предал,
Тот предаст свою мать, отчий кров и друзей.
Я б таких без суда в тот же миг расстрелял,
Чтоб они, словно СПИД, не терзали людей.
Не зовите меня на распятие Христа:
Мне нужна ведь не бойня - спасительный бой.
Моя заповедь в мире суровом проста:
Оставаться всегда человеком, собой.

ОБИДА

Ну, конечно, мне очень обидно -
Мне б при жизни
тот бронзовый бюст.
Чем я тоже не деятель видный,
Не велик пусть,
как Блок и Барбюс.

Я ведь тоже на стройке.
Стараюсь.
Жаришь спину мне, солнце?
Изволь!
Я шикарно живу и питаюсь -
Вот обед мой -
хлеб черный и соль.

Кто-то может мне бросить:
"капризный".
Не беру этих слов я в расчет.
Мне как воздух нужны
так при жизни
Слово доброе, пост и почет.

Мне б при жизни
посты и награды -
Не играю в пустую игру.
Мне живому, живому
всё надо, -
А придет всё,
когда я умру.

ОЗАРЕНИЕ

*В моей жизни случилась авария -
Навалилась на плечи гора:
Трудно стало, хоть вовсе не старый я,
Зло порой отличить от добра.*

*На судьбу на крутую не сетую,
Верю в братство мужское досель.
Бескорыстие и мир проповедую,
И моя не фальшивит свирель.*

*И душа отзывается "скорою",
И на вызов крылата, легка,
И еще между прочим, которая
Добротой поражает врага.*

*И приходит опять озарение,
И глазам возвращается свет,
Как к слепому пропавшее зрение
Через много страдальческих лет.*

*Годы, как беспокойные зрители,
Разом шлют мне цветы и упрек,
И великим и мудрым учителем
Преподносят житейский урок.*

ПИСЬМО

*Я, объехав лихо страны,
Здесь, в горах, уже седой,
В первый раз из Дагестана
Шлю письмо тебе, домой.*

*Пусть оно придет не скоро,
С опозданием, как экспресс.
Вспомнишь ты про Каспий-море,
Про Самурский древний лес.*

*То письмо придет, как лето -
Незаметно, весело,
Принесет тебе приветы
И сердечное тепло.*

*Ты прочтешь его запоем,
Перечтешь еще не раз,
Вспомнишь солнце золотое,
Стережущее Кавказ.*

*Вспомнишь горы, лес и кручи,
Домик горца-кунака,
Где страдал поэт-поручик
Из Тенгинского полка.*

*То письмо из Дагестана
Промелькнет в твоей судьбе,
И как гость твой, утром рано
Постучится в дверь к тебе.*

ОТ ИМЕНИ ПАВШИХ

Иосифу Ифраимову

*Люди - это деревья,
Стойки в минуты невзгод.
Над землей - родной и древней
Я плыву, как нежный восход.*

*Люди - это разлуки,
Слезы, вокзальный перрон.
Нам сильнее любить бы друг друга,
Чтоб сердца высекали огонь.*

*Люди - это утраты,
Сколько б по ним ни скорбил.
Я б хотел безвестным солдатом
Лежать среди тысяч могил.*

*Люди - подвиг на марше,
Помнят о трудной войне.
Говорю от имени павших:
"Не верьте немой тишине!"*

Я - ГОРЕЦ

*Страхну с себя,
как снег, усталость,
Налью в пурпурный рог вина.
И чтоб ни капли
не осталось,
Всё вылью залпом я
до дна.
Вино пусть в теле
кровь разгонит,
И рог второй я осушу, -
И строки быстрые, как кони,
стихов веселых напишу.
Я - горец.
Что ни говорите -
Обычай гор, как рог вина:
И раз любить иль ненавидеть, -
То выпить надо всё до дна.*

НЕ ОБОЖГИ

*Слова, как искры, падают.
Слова, как меч, остры.
Меня, мужчину, радуют
Твоих очей костры.
Сижусь я ночью лунною
У твоего огня.
Смотри ты, в шутку, юная,
Не обожги меня.*

Я НЕ СУМЕЛ...

*О, милая, прости меня, прости, -
Я не сумел любви огня спасти,
Он не исчез, он медленно угас,
Разлуки холод пробежал меж нас.*

*О, милая, прости меня, забудь,
Но если можешь, милосердной будь:
Всели в меня похищенный огонь,
Чтоб сердце вдруг затело, как гармонь!*

ХОЧЕШЬ - ВЕРЬ

*Хочешь, словом на слово отвечу:
В радость жизни не верю давно.
Милосердья дешёвые свечи
Боль души бередают всё равно.*

*Хочешь, тихий причал свой оставляю,
Убегу и рассеюсь, как дым.
Про невзгоды забуду и травлю,
Но останусь всегда молодым.*

*Хочешь, клятвою клятву заверю
И на злобу отвечу добром:
Распахну даже недругу двери, -
И вражда вдруг исчезнет кругом.*

*Хочешь - верь, а не хочешь - не надо.
Правда - хлеб, хоть руби или режь.
У меня, как в бою у солдата
В этой жизни есть тоже рубеж.*

*Хочешь, лаской отвечу на ласку,
Хоть любовь - это тоже обман,
И красива бывает лишь в сказке, -
Всё равно, она мой талисман.*

*Хочешь, словом на слово отвечу.
Удивишься ты диву из див:
Не надеюсь я с правдой на встречу
И не верю, что Бог справедлив.*

ХЛЕБ ПО КАРТОЧКАМ

*Хлеб по карточкам дают,
Соль и стички, мыло тоже.
Я как будто бы в бою, -
В блиндаже с разбитой рожетей.*

*И пылает всё вокруг -
Это бой,
не просто драка.
Не поймешь, где враг, где друг, -
Только яростней атака.*

*Я Всевышнего молю:
"Не внушай мне чувство страха.
Эту землю я
люблю,
Я ее извечный пахарь".*

*Хлеб по карточкам опять,
И конца войны не видно.
С поля боя убежать? -
И позор, и очень стыдно.*

*Мало радости для глаз.
Ну и черт с ней, с той войною...
Мне же хочется сейчас
Поиграть в любовь с тобою.*

*Хлеб по карточкам дают -
По спине как будто плетью!
Я в невидимом бою
Между жизнью здесь и смертью.*

НО КАК ТОГДА ...

*Нет, нет -
не сорок первый год -
В колокола бьет девяностый.
"За коммунизм!", "Ура!", "Вперед!"
Никто не произносит тостов.*

*Никто -
ни пахарь, ни шофер,
Ни академик, ни министр,
Ни даже, что в законе вор, -
Все ждут таинственного свиста.*

*Не сорок первый на дворе -
Война незримая хохочет
И в этой роковой игре
Убить подряд всех будто хочет.*

*У жизни малая цена,
Как говорят теперь -
копейка.
Она дешевле дач, вина,
Кулонов всяких, цети "змейка".*

*Не сорок первый за окном, -
А сколько без вести пропавших!
Калек и сирот полон дом
И душу дьяволу продавших.*

*Нет, нет -
не сорок первый год,
Когда в цене горстинка проса...
Но как тогда, на пулемет
Никто не ляжет, как Матросов.*

ПРОДАЖНЫЕ СОБАКИ

Как-то побыл я на выставке местной,
Просто гулял себе так.
Было и мне, как другим, интересно:
Там продавали собак.

Были среди них любопытные масти -
Псы: волкодавы, боксер.
Словом, элита собачьей всей касты,
Даже собачий был "хор".

Все покупали болонок, овчарок,
Шли восторгаясь домой.
Им ведь достался прекрасный подарок, -
Были довольны собой.

Здесь про себя я подумал невольно:
Псов продают, а они,
Хоть им, быть может, по-своему больно,
Нам остаются верны.

Мы же друг друга за гроши и платья
Можем продать, и не раз.
Низкий поклон, мои меньшие братья, -
Пёс ни за что не продаст!

Совесть меня, словно колокол, будит,
Хочет открыто сказать:
Есть, мол, на свете продажные люди -
Бойся им руку подать!

ОЖИДАНИЕ

*Я живу ожиданием сына,
Малыша появлением живу,
И его - мальчугана-мужчину
Светлым именем я назову.*

*И очаг мой наполнится светом,
Лучезарным сияньем огня .
Будет сын хлебобобом, потом, -
Всё равно - повтореньем меня.*

*Этот день я весельем отмечу.
Ну-ка, тосты готовь, тамада,
Чтоб мужскую отметили встречу,
Как когда-то в былые года.*

*Я не знаю, каким еще будет
Долгожданный мой солнечный сын.
Пусть же скажут когда-нибудь люди:
Этот парень из крепких мужчин.*

*И когда он появится, милый,
Я шутиливо скажу и всерьез,
Что мне сына на радужных крыльях
Добрый аист в подарок принес.*

МНЕ ЗАВИДУЮТ...

*Мне завидуют, я знаю,
что живу теперь в "раю".
Я - не мальчик. Понимаю, -
Дань той шутке отдаю.*

*И по белу ходят свету
Эти слухи обо мне.
Все за чистую монету
Принимают всё вполне.*

*Что же, пусть всё так и будет,
Остается всё, как есть,
Если даже эти люди
Не добро творят, а месть.*

*Не могу на них я злиться,
Шутку ту, как хлеб, деля.
Может, взять мне и явиться
В новом платье короля?*

*Я хотел бы жить, признаюсь,
В том "раю" хотя бы раз.
И, как знать, - не зарекаюсь:
Может, тот наступит час.*

Я ВЕРЮ

Я верю
в смерть.
А в жизнь
порой не верю.
Как женщина
распутная она.
Так запросто
обвесит и обмерит
и опьянит
без капельки вина.
Я верю небу.
Солнцу я не верю.
Его легко прикрыть
от глаз рукой.
Оно бессильно
против тучи серой, -
А небо было,
есть над головой.
Я верю суше,
Но не верю
морю.
Оно коварно
в красоте своей.
Приносит людям
боль утрат
и горе, -
Земля всегда
значительно добрей.
Я верю сказкам.
Мудрецам, признаться,
я никогда
не верил
с детских лет.
Я верю в будни
привокзальных станций,
В любовь и ревность
городских Джульетт.

*Живем мы в прозе
наших бурных буден
И не всегда
признательны судьбе.
Я доверяю в жизни
большие людям,
чем самому,
мне кажется, себе.*

МНЕ СКАЗАЛИ...

*Мне сказали:
" Умер Сталин".
Мне сказали:
"Он воскрес
И стоит на пьедестале
Хладнокровный, как Дантес."*

*Я поверил в это чудо,
Побежал бустрей коня...
Эх, какая-то паскуда
Разыграла так меня.*

*Я не стал от злости плакать,
Не умыл лицо слезой.
Как побитая собака,
Вновь побрел к себе домой.*

*Шел, качаясь будто с тризны,
Опьяневший без вина,
Шел и думал: в этой жизни
Есть у всех своя цена.*

*Мне сказали:
" Умер Сталин".
Это было так давно.
Никого на пьедестале.
Всё, как в жизни и в кино.*

ПРОСЬБА

*Умру ли внезапно, как Сталин,
Иль смерть будет тяжкой, как зной,
Бутылочек пять "Цинандали"
Вы в гроб положите со мной, -
Чтоб там не терзался я жаждой
И тил бы вино допьяна,
Пока не проснулся б однажды
От мертвого, страшного сна.*

МОЙ ДОМ

*Мой дом - моя крепость, -
Хоть бой, хоть мятеж.
Мой каменный эпос,
Мой озот и рубеж.*

*Мой дом - моя слава,
Мой тихий приют.
Моя переправа, -
Восторг и дебют.*

*Мой дом - мое горе,
Последний причал.
Бездонное море,
Бесценный коралл.*

*Мой дом - мое небо.
Волшебный цветок.
В нем запах есть хлеба, -
Бальзам для дорог.*

*Мой дом - моя повесть,
Целительный мёд.
Мой гимн, моя совесть, -
Паденье и взлёт.*

*Мой дом - моя память,
Тревога, покой.
И вечное знамя,
Ведущее в бой.*

ЛЮБОВЬ

*Мне нравятся очень блондинки
За глаз голубых глубину,
И я, говоря по-старинке,
У них, у красавиц в плену.*

*Мне нравятся очень брюнетки,
Их схваченный поясом стан.
Веселые нравом, кокетки, -
Не зря их любил Чингиз-хан.*

*Мне нравятся очень мулатки
С фигурами стройных берез,
Любви беспокойной солдатки,
С копной шелковистых волос.*

*Мне нравятся очень
горянки.
Ну как их, цариц,
не украсть?
Я все сбережения банков
Отдал бы за них,
не скупясь.*

*Мне нравятся те и другие,
Пьянящие мозг, как дурман.
Они - мои лики святые,
Любви моей тайной обман.*

Я - НЕ ПОГИБ...

*Нет, не погиб я в сорок первом,
В том страшном, памятном году,
Когда на взводе были нервы,
И оказались все в аду.*

*Нет, я не умер. - Я - родился
Под грохот бомб и посвист пуль.
И где-то фюрер там бесился -
Бомбил Ростов и Ливерпуль.*

*Война не шла старухой пешей,
Она неслась, как сто смерчей.
Нет, не погиб я в год зловеющий
Не разделил беды ничьей.*

*Года летят, и каждый дорог,
Покоя память не дает, -
И как зазубренный осколок,
Она, война, во мне живёт.*

*Война во мне,
как кровь и нервы.
Она одна и нет другой, -
И всем погибшим
в сорок первом
Я словно памятник живой.*

ВАЖНЫЙ РАЗГОВОР

*Ложь гораздо быстрее телеграммы.
В разноцветных платках, как ковёр,
Две тикантно одетые дамы
Важный, вроде, ведут разговор.*

*И одна шепелявя, как бричка:
"Уши, милая, есть и у стен.
Ты слыхала, на сахар и стички
Ждут вот-вот повышения цен.*

Не к хорошему это, подруга,
И по-моему, время сейчас,
Чтобы не было в будущем туго,
Всё себе закутить про запас."

*Это, может быть, так -
 не измена,
Не коварство, не страх
 и не плен,
Но какая-то все ж перемена
Есть в тех душах -
 не в области цен.*

Ведь такие в бою могут сдаться,
Чтоб продлить свою жизнь
хоть на час.
Их и надо нам страшно бояться,
Как ракет, наведенных на нас.

Я ОСТАВЛЮ...

“Что оставишь ты детям в наследство:

Ну какое, ответь мне, добро?

Может быть, от дряхления средство,

Может, золото, дом, серебро?”

Говорил так с упрёком, с досадой

Мой давнишний по дому сосед:

“Может быть, ты высокой зарплатой

Удивишь меня нынче, поэт?

Потягаемся, может, деньгами?

Не поэт я - живу королём

И как ты, не корплю над стихами...

Ведь не дважды на свете живем.”

Он такую нёс чушь и химеру.

Но ведь разве моя в том вина,

Что у жизни иная есть мера

И другая у жизни цена?

Я казался взведенной гранатой,

На соседа попер, как прибой:

“Что ж, по-твоему, только за плату

Умирали бойцы под Москвой?”

Я привстал, приподнялся со стула,

В белой ярости грозен и зол,

И глаза, как двуствольное дуло,

На обидчика прямо навёл:

“Я сапфиры и деньги не славлю.

По душе серебро мне берез.

Что ж я детям в наследство оставлю? -

И меня тот волнует вопрос.

Я оставляю им преданность к хлебу,

И огонь им оставляю, и соль,

Голубое и чистое небо

И сердец человеческих боль.

Им земные доверю тревоги

И в наследство оставляю долги:

Не открытые мною дороги,

Муки мной не рожденной строки.”

ПОРОЙ ТВЕРДЯТ...

*Порой твердят, что холоден,
как камень,
И утверждают это
так легко,
Забыв про то,
что и огонь и пламень
Когда-то кто-то
высек из него.
Держу я камень малый
на ладони,
И от него ко мне
идет тепло.
А время, нет, его
совсем не тронет,
Не разобьет на части,
как стекло.
Смотрю на камень я
совсем иначе,
Его дыхание слышу я
подчас.
Он не холодный,
а такой горячий,
Он с солнцем держит,
не теряет связь.
Вот почему порою
так упрямо
Я как могу, вступаю
в жаркий спор.
Когда твердят, что холоден,
как камень,
Тепла его не зная до сих пор.*

ЭТО ПРАВДА ...

*Это правда: я верую в Бога,
В Бога совести, в Бога добра.
Озорно и сурово немного
Кто-то скажет: пустая игра.*

*Не стыжусь, не пугаюсь, не спорю,
От обиды такой не горю, -
Тихо радость приемлю и горе,
Восторгаясь встречаю зарю.*

*На душе и покой, и тревога.
Я даю поклоненья обет
Милосердья и совести Богу,
А другого не знаю и нет.*

Я ЗНАЮ ГОД

*Я знаю год, когда умру, -
Не знаю только дня и часа.
Горю, пылаю на ветру
В пылу пьянящего экстаза.*

*Лишь днем сегодняшним живу
И жизнью, как с огнем, играюсь.
Смеюсь, влюбляюсь и реву, -
Но только Завтра не касаюсь.*

*Никто мне в этом не судья, -
Но может, кто меня осудит:
Отвечу за Сегодня я,
А Завтра уж меня не будет!*

В ГАЗЕТАХ ПИШУТ...

*В газетах пишут о войне,
Не о прошедшей -
той, что будет.*

*Огонь ночами снится мне,
И голоса погибших будят.*

*С тревогой на сердце живу,
Подольше взглядываясь в лица:
А что вот, если наяву
Весь сон кошмарный повторится?*

*В газетах пишут о войне, -
Там всё правдиво, всё так броско.
Немножко даже страшно мне
Здесь, у газетного киоска.*

*Сомнение мучает меня:
Вдруг на корню сгорит пшеница,
Земли расплавится броня,
И новый день вдруг не родится.*

*Гоню все эти мысли прочь,
Как воронья лихую стаю, -
Пока не наступила ночь,
Спешу звонить не уставая,*

*Во все сердца-колокола,
Во все, что далеко и близко,
Чтоб вечно мать-Земля жила,
Не стала мертвым обелиском!*

ЗАКЛИНАНИЕ

*Спаси от всех невзгод и бед,
От черной зависти и мести;
От всех друзей, в ком сердца нет,
От лени, жадности и лести.*

*Спаси от ложной доброты
И от предательства любого;
От женщин падаших, клеветы,
От глаза жадного, дурного.*

*Спаси меня от всех и вся,
И уж тогда сто крат поверю,
Что я в рубашке родился, -
А это добрый знак поверья.*

КИНЖАЛ

*В музейных покоех
под толстым стеклом,
Лежит, красотой сверкая,
Кинжал знаменитый когда-то,
в былом,
Восторг у людей вызывая.*

*Сверкает клинок, как сапфир
и алмаз,
Как иней холодный на ветке,
И смотрит тоскливо кинжал,
словно барс
Из маленькой сумрачной клетки.*

*Но разве его в том кинжала вина?
Ему это всё, как отравы:
Музейная сонная жизнь, тишина,
Музейная тихая слава.*

ВСЁ СМЕШАЛОСЬ

Фаине Каплан

*Донна Фаня! Донна Фаня!
Юность - песня. Юность - крик.
Не убит он, только ранен
Этот Ленин - большевик.*

*В этой жизни так тревожно -
Всё, как лошадь на дыбы.
Жизнь одна. И вряд ли можно
Отвернуться от судьбы.*

*Всё могло бы стать иначе,
Но у счастья свой секрет.
Это я сегодня плачу:
Ты ушла во цвете лет.*

*Всё смешалось - сказ и были...
Не грусти и не жалея,
Что осталась без могилы, -
У него же - Мавзолей.*

*Жизнь порой дается в бремя,
Нелегка и непроста.
Донна Фаня, только Время
Всё расставит на места.*

*Опять на улице зима,
И холод на дворе собачий,
И в снег укутались дома, -
Как будто он такой горячий.*

*Опять живем с тобою врозь,
А жизнь такая злая штука -
И снег нам радость не принес, -
Мы далеки так друг от друга.*

*С тобою мы, как две земли,
Как полюс Северный и Южный.
Наверно, оба не смогли
Найти тех слов, что сердцу нужно.*

*Опять на улице метель,
И на душе метелей мета.
Я ждать привык и жду досель
Свою весну и верю в лето.*

*За деньги можно
всё купить,
Министров даже покупают.
За деньги можно
и убить,
И очень часто убивают.*

*За деньги можно
всё предать, -
Продать, как яблоки и груши, -
Святыни - Родину и мать -
И даже собственную душу.*

*За деньги можно всё и вся.
Горька и страшна эта повесть.
Для денег слова нет "нельзя",
И нет для них понятия "совесть".*

ТЫ ПРИХОДИ...

Гале

*Когда я буду за оградой,
За роковою той чертой,
Откуда нет уже возврата, -
Не омрачай мой сон слезой.*

*Ты приходи
и в зной, и в стужу,
Мне это чудо сотвори:
Не разрывай слезами душу, -
Шутя со мной поговори.*

ГИМН

*Я чья-то весенняя радость.
Я чья-та утрата и боль.
Не трожь мое сердце, усталость,
Не ешь мое тело, как моль.*

*Я чье-то бесстрашие, сомнение.
Я чья-та надежда и грусть.
Я чье-то упорство, терпенье.
Я чей-то волшебный кумуз.*

*Я - радость, я - подвиг, я - песня,
Я - гимн, посвященный весне.
Живут они издавна вместе,
Как братья и сестры, во мне.*

Кумуз - музыкальный инструмент на Кавказе

*Все слова мои о любви -
это ложь.
Ты не верь им,
Сладким, как мёд.
Все слова мои о любви -
это дождь,
Выстукивающий фокстрот.
Все слова мои о любви -
это бред,
Но красивы они, будто костёл.
Все слова мои о любви -
лунный свет,-
Жаль, что сердце моё
не костёр.*

РУСИТЫ

*Какое-то странное диво
Преследует, словно картечь:
Повсюду слышна в Тель-Авиве
Знакомая, русская речь.*

*Славянские лица повсюду,
И будто идешь по Тверской.
Свои же евреи как будто,
Но только с другою судьбой.*

*И говор российский, певучий
За день ты услышишь сто крат,
Нередко соленный и жгучий,
И густо наперченный "мат".*

*Руситы - они же евреи,-
Летающие в страшном пике,
Греховные дети Мойсея,
Что врут на чужом языке.*

ЕВРЕЙ УБИВАЕТ ЕВРЕЯ...

Памяти Ицхака Рабина

*Еврей убивает еврея ...
И мир содрогнуться готов.
Пылает огнем Прометей
Ицхака горячая кровь.*

*Еврей убивает. Безбожно.
И страх, несмываемый грех, -
И боль на душе, и тревожно:
Сражен на глазах он у всех.*

*Пройдя через многие битвы,
О смерти не знал ничего, -
И строки волшебной молитвы
Спасти не сумели его.*

*И мир стал совсем не добрее,
А хуже - коварней и злей:
Еврей убивает еврея
На площади наших царей.*

НЕ ВЗОЙДУ Я НА ГОЛГОФУ

Не взойду я на Голгофу,
Ну, зачем мне подвиг тот?
Посижу на Дизенгофе -
Это все ж не эшафот.

Посижу и помечтаю,
Прошлой жизни вздерну нить.
Сам себе я погадаю, -
Сколько мне осталось жить.

Я грустить о том не буду,
Позовет вдруг если Бог.
Сам себе судья - не люди, -
Сам себе и злой пророк.

Не взойду я на Голгофу,
Кто оценит подвиг мой?
Лучше я на Дизенгофе
Посижу вдвоем с тобой.

У СТЕНЫ ПЛАЧА

*Я грешен, словно Бог любви.
Ее величество Удача
Не шлет приветы мне свои, -
К Стене иду заветной Плача.*

*Я в муках ада, как Сизиф,
Как будто без огня и крова.
Стена Печали - то не миф.
Вот потому-то здесь я снова.*

*Ах, эта скорбная Стена
Хранит века немало тайн.
А вдруг поможет мне Она, -
Смогу узнать, кто брат, кто Каин.*

*Я загадаю лишь одно
Свое заветное желанье.
Ему коль сбыться суждено, -
Со счастьем ждет меня свиданье.*

*А если вдруг умрет оно,
Не воспаря судьбой, как птица, -
Пока я жив, мне всё равно
Стена Печали будет сниться.*

НИЩИЕ

*Я вновь, в который раз убит,
И сожжена до пепелища
Моя душа, что так болит:
Одну монетку просит нищий.*

*Я вновь, как прежде, потрясен,
Увидя голубое небо.
Не для того был мир спасен,
Чтоб кто-то жаждал крошки хлеба.*

*Есть у меня и хлеб, и кров,
Но я не самый здесь счастливый.
Есть остров нищих - Дизенгоф, -
Бездомных много в Тель-Авиве.*

*Их дом - веселый Кармиэль,
И подаянья ждут ладони.
Асфальт - пуховая постель.
Не люди - загнанные кони.*

*Могу их только обласкать,
Но жалость та к чему пустая,
Коль не могу я в руки дать
Им ключ единственный от рая?*

ГОВОРЯТ, НЕ ТЕ ЕВРЕИ

*Тот укор, как жало змея,
Как турецкий хитрый нож:*

*Говорят, не те евреи, -
Что цена им нынче грош.
Мол, другими были предки,
А потомки их не чтут, -
Богохульствуют нередко,
Не боятся Бога - врут.
Говорят, другое племя -
Не евреи -*

так себе.

*Изменило их так Время -
Не узнает сам ребе.
Кто конец поставит спору,
Где сапфир, а где металл?
Тот еврей читает Тору,
Этот зубрит "Катитал".*

*Может быть, на самом деле
Нет евреев тех былых.
Их как будто разделили
Всех на белых и цветных.
Не вступаю в спор я в клинче,
Сея ссоры семена.*

*Да, не те евреи нынче,
Но не те и времена.
И скажу не ради лести
Иль в наивной простоте:
А быть может, всё на месте,
И евреи тоже те?
Я с годами стал мудрее:
Всё беру, как хлеб на вес.
Если стали злы евреи, -
Значит в них вселился бес.*

СТИХИ
ДЛЯ ДЕТЕЙ

ЗА СОЛНЦЕМ

внуку РOME

Скачет звонко солнце-мячик
В небе голубом.
На песке играет мальчик,
Строит важно дом.

Дом хоть маленький, песчаный -
Окна есть и дверь.
Мальшу кричат с Бейт Дана:
"Здравствуй, инженер!"

Как зовут его? Нисимом.
Кто его друзья?
Вас сейчас, ребята, с ними
Познакомлю я.

Светит в небе солнце-печка.
Пот со всех - ручьем.
Водит дружбу мальчик с речкой,
Третий год притом.

Мальчик умный, добрый, смелый,
В дружбе верный друг.
Дружит он с барашком белым,
Ходит с ним на луг.

Вот уж год, наверно, скоро,
(Знают все о том),
Как он дружит с красноперым
Петькой-Петухом.

Солнце в небе, словно лебедь,
Над землей плывёт.

*Мальчик с солнцем -
сердцем неба
Всех дружнее живёт.*

*Утром, лишь Нисим проснётся,
- Долго спишь ты; брат, -
Говорит с улыбкой солнце, -
Встать давно пора.*

*И потом, в беседе мирной,
Скажет, щуря глаз:
- Ну, пойдём бродить, мужчина,
Много троп ждёт нас!*

*Но однажды солнце скрылось,
Мальчик ждал беды.
Сердце жалобно забилося
У него в груди.*

*К петуху пришёл и плачет:
- Помогите в беде!
Потерялось солнце-мячик,
Не видал ли где?*

*Отвечает Петя старый:
- Ко-ко-ко- ко!
Не видал я солнце-шара,
Но помочь готов.*

*Побежали вместе дальше.
Все бегут, бегут,
Видят - беленький барашек
Скачет на лушу.*

*И барашку оба:
- Здравствуй!*

*Помогите в беде!
Солнце в шапке яркокрасной
Не встречал ли где?*

- Не встречал его я вовсе,
Но не брошу вас, -
Говорит барашек: "Спросим
У реки сейчас."

"Опечалена, признаться, -
Говорит река, -
- Солнце даже и купаться
Не пришло пока."

Шли они всё дальше, дальше -
Ох, устал Нисим!
Плачет беленький барашек -
Не везёт всё им.

И решили возвратиться
Три дружка домой...
Как тут начал ветер злиться,
Просто ой-ой-ой!

Он бросался с ярым свистом
На громады туч.
Небо снова стало чистым,
Брызнул солнца луч!

Солнце в небе показалось -
И светло вокруг.
О какая это радость -
Здравствуй, солнце-оруг!
Как по щучьему веленью,
Появился саз.
И в хорошем настроеньи
Все пустились в пляс.

В черных, новеньких ботинках,
У подножья гор,
Сам барашек, глядь, лезгинку,
Пляшет, как танцор.

Так за солнцем или могучим.
Вот где торжество!
Им откуда знать, что тучи
Прятали его!

СОДЕРЖАНИЕ

Живу на войне.....	3
Минута молчания	148

Автор этой книги - известный журналист и поэт Роман Бадалов, в 60 - 70 гг. значился в списках инакомыслящих. Какое-то время был под негласным запретом: на его публикации было наложено "вето". Лауреат международной поэтической премии. В последние 18 лет перед репатриацией в

Израиль в 1995 г. был собственным корреспондентом ряда центральных газет и журналов по региону Северного Кавказа. Его материалы из горячих точек всегда вызывали повышенный интерес у читателей. Они способствовали межнациональному миру и согласию, лишняя раз подтверждая высокий рейтинг и авторитет "человека с пером" в сегодняшнем разнополярном обществе. Свою бессменную вахту писателя и репортера Роман Бадалов сегодня успешно несет на новой родине. Его имя хорошо известно большой читательской аудитории русских изданий в Израиле, таких, как "Вести", "Новости недели", "Время", "24 часа", "Панорама". Его публицистика была представлена на соискание Государственной премии Израиля за 1996 год.